DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.8

ISSN 2072-909X

Российское правосудие

2026. № 8

Научно-практический журнал

Основан в 2006 году
Издается ежемесячно

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, индексируется в РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index и «Белый список». Размещен на Национальной платформе научных журналов

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-89449 от 21 апреля 2025 г.
Агентство «Книга-сервис», «Интернет-каталог», индекс 36605
Главный редактор: **Л. Б. Архипова**, кандидат юридических наук
Ответственный секретарь: **Т. Ф. Кудрявцева**
Верстка: **Г. С. Гордиенко**
Корректор: **К. В. Чегулова**
© Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, 2026
Адрес редакции: 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.
Тел.: (495) 332-51-19.
E-mail: rajmagazine@yandex.ru
При перепечатке и цитировании материалов ссылка на журнал «Российское правосудие» обязательна.
Отпечатано в: ОАО «Паблит». Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Подписано в печать 16.07.2026
Выход в свет: 03.08.2026
Формат 70×100/16.
Объем 9,1 усл. печ. л. Тираж 220 экз.
Свободная цена.

Редакционный совет:

Тисен О. Н., ректор Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук

Капустин А. Я., президент Российской Ассоциации международного права, заведующий кафедрой международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Клеандров М. И., главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Нешатаева Т. Н., заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Рябзин Р. А., судья Верховного Суда Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 1 класса, кандидат юридических наук

Спиридонов А. А., директор Департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, академик РАЕН, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса, доктор юридических наук

Тимошин Н. В., Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, судья высшего квалификационного класса

Хабриева Т. Я., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, академик Российской академии наук, вице-президент Российской академии наук, действительный член Международной ассоциации сравнительного права, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Editors:

O. N. Tisen, Rector of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law)

A. Ya. Kapustin, President of the Russian Association of International Law, Head of the Department of International Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

M. I. Kleandrov, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Law), Professor

T. N. Neshataeva, Head of the Department of International Law of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

R. A. Ryabzin, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, Active State Counselor of Justice of the Russian Federation, 1st class, Cand. Sci. (Law)

A. A. Spiridonov, Director of the Department for Ensuring Regulatory Policy of the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of the Office of the Government of the Russian Federation, Actual State Advisor of the Russian Federation, 1st class, Dr. Sci. (Law)

N. V. Timoshin, Deputy Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation – Chairman of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Top Qualification Class Judge

T. Ya. Habrieva, Director of Institute of Legislation and Comparative Law under Government of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice President of Russian Academy of Science, Honored Lawyer of the Russian Federation

Редакционная коллегия:

Бирюков П. Н., заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Болтанова Е. С., заведующий кафедрой гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, доцент

Бриллиантов А. В., заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Бурдина Е. В., заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, доцент, член Совета судей Российской Федерации

Габов А. В., и. о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук

Дедов Д. И., профессор кафедры конституционного и муниципального права МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук

Ершова Е. А., заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Женетль С. З., профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Загорский Г. И., профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук

Качалова О. В., заведующий кафедрой уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Кононов П. И., профессор кафедры публично-правовых наук Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Корнев В. Н., заведующий кафедрой конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Краснова И. О., заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Никитин С. В., заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Стахов А. И., заведующий кафедрой административного права и процесса имени Н. Г. Салищевой Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Сырых В. М., главный научный сотрудник кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Содержание

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Дорская А. А., Заремба Н. Г. **Первый этап реализации Судебных уставов 1864 г. (к 160-летию начала работы пореформенных судов в Санкт-Петербурге) 5**

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Карасаева Л. В. **Применение норм, устанавливающих административную ответственность должностных лиц органов местного самоуправления 14**

Подейко В. А. **Лица, участвующие в административном деле: осмысление и эволюция административно-процессуальных норм 21**

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Баукин В. Г. **Установление существенных условий договора в законе или иных правовых актах: неочевидная проблема правоприменения 32**

Кудряшова В. В. **О защите прав третьих лиц при обеспечении доступа к объектам культурного наследия народов Российской Федерации 42**

МЕДИАЦИЯ: ПРИРОДА И ФОРМЫ

Лебедева Е. В. **Организация деятельности медиаторов: правовые противоречия 50**

ТРУДОВОЕ ПРАВО. ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Гусева Т. С. **Минимальный размер оплаты труда: законодательство, судебная практика, перспективы совершенствования 57**

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Николюк В. В., Диваев А. Б., Виноградова В. А. **Судебный порядок получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования: процессуальная природа и структура деятельности 66**

Шалумов М. С. **Исследование электронных доказательств при рассмотрении судами уголовных дел 76**

Борохова Н. Е. **Частное постановление (определение) суда как повод возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката 83**

Янина И. Ю. **О разграничении понятий «причинная связь» и «причинно-следственная связь» в контексте уголовно-правового причинения 93**

Тутынин И. Б. **Рецензия на учебник: Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс) / под общ. ред. Г. И. Загорского, С. Л. Никоновича. М. : Проспект, 2026 ..... 101**

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!

А. В. Бриллиантов 104

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Бит-Шабо И. В. **Цифровизация государственного управления в области аккумулирования фондов денежных средств: особенности правового регулирования и правоприменительной практики 106**

Content

HISTORY OF THE STATE AND LAW

A. A. Dorskaya, N. G. Zarembo. **The first stage of implementing the Judicial Statutes of 1864 (to the 160th anniversary of the start of the work of post-reform courts in St. Petersburg) 5**

ADMINISTRATIVE LAW. ADMINISTRATIVE PROCEDURE

L. V. Karasaeva. **Application of rules establishing administrative liability of officials of local government bodies 14**

V. A. Podeiko. **Participants of an administrative case: comprehension and evolution of administrative procedural norms 21**

CIVIL LAW. CIVIL PROCEDURE

V. G. Baukin. **Establishing the essential terms of a contract in a law or other legal acts is an unobvious problem of law enforcement 32**

V. V. Kudryashova. **On the protection of the rights of third parties in providing access to cultural heritage sites of the peoples of the Russian Federation 42**

MEDIATION: NATURE AND FORMS

E. V. Lebedeva. **Organization of mediators' activities: legal contradictions 50**

LABOR LAW. SOCIAL SECURITY LAW

T. S. Guseva. **Minimum wage: legislation, judicial practice, prospects for improvement 57**

CRIMINAL LAW. CRIMINAL PROCEDURE

V. V. Nikolyuk, A. B. Divaev, V. A. Vinogradova. **Judicial procedure for obtaining permission to cancel a decision to terminate a criminal case or prosecution: procedural nature and structure of activities 66**

M. S. Shalumov. **Electronic evidence examination in the consideration of criminal cases by courts 76**

N. E. Borokhova. **A private court decision (ruling) as a reason to initiate disciplinary proceedings against a lawyer 83**

I. Yu. Ianina. **Distinction between the concepts "causal connection" and "cause-and-effect relationship" in the context of criminal law causation 93**

I. B. Tutynin. **Review of the textbook: Criminal procedure law (criminal procedure). Gen. ed. of G. I. Zagorsky, S. L. Nikonovich. Moscow: Prospekt; 2026 ..... 101**

CONGRATULATION ON THE ANNIVERSARY!

A. V. Brilliantov 104

FINANCIAL LAW

I. V. Bit-Shabo. **Digitalization of public administration in the field of accumulation of funds: features of legal regulation and law enforcement practice 106**

Российское правосудие. 2026. № 8. С. 5–13
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 8. P. 5–13
УДК 343.112 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.8.5-13

Научная статья

Первый этап реализации Судебных уставов 1864 г. (к 160-летию начала работы пореформенных судов в Санкт-Петербурге)

Александра Андреевна Дорская[1],
Наталья Геннадьевна Заремба[2]

[1] Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, adorskaya@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8723-8673

[2] Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург, Российская Федерация, natalzar@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0008-4817

Аннотация. В 2026 году исполняется 160 лет со времени открытия судебных палат, окружных и мировых судов в Санкт-Петербурге и Москве, с которых началась реализация положений Судебной реформы 1864 г. Несмотря на то что многие принципы и нормы Судебных уставов от 20 ноября 1864 г. стали основой для разработки Судебной реформы в Российской Федерации, до сих пор данный опыт, помогающий в осмыслении современных проблем правосудия, представляет собой огромный пласт, который требует постоянного рассмотрения и потенциал которого до конца не исчерпан.

Цель исследования состоит в анализе на примере судов Санкт-Петербурга первого этапа реализации Судебных уставов 1864 г., который показал как плюсы, так и минусы новой судебной системы, принес огромные надежды на развитие правосудия и веру в него, но в то же время – и первые разочарования.

В работе применялись как общенаучные (хронологический, описательный, эвристический методы, методы анализа, синтеза, дедукции, индукции), так и специальные (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой) методы юридического исследования. Теоретической основой исследования выступили научные труды «отцов Судебной реформы», теоретиков и историков права, специалистов по организации судебной деятельности.

На основании изучения архивных источников показано, что успешная реализация первого этапа Судебной реформы была обусловлена огромными усилиями, которые предпринимали Министерство юстиции Российской империи, члены Правительствующего Сената, научное сообщество, первые присяжные поверенные. На примере судебных органов Санкт-Петербурга выявлены условия эффективного введения в действие Судебных уставов 1864 г., начавшегося в 1866 г., а также показано значение Санкт-Петербургской судебной палаты как кузницы кадров для судебных органов других губерний Российской империи. Сделан вывод о том, что только системное учреждение новых судов, нотариата, института судебных следователей, адвокатуры позволило воплотить в жизнь принципы Судебной реформы.

Ключевые слова: Судебные уставы 1864 г., Судебная реформа, окружные суды, судебные палаты, мировой суд, Министерство юстиции, Правительствующий Сенат

© Дорская А. А., Заремба Н. Г., 2026

Для цитирования: Дорская А. А., Заремба Н. Г. Первый этап реализации Судебных уставов 1864 г. (к 160-летию начала работы пореформенных судов в Санкт-Петербурге) // Российское правосудие. 2026. № 8. С. 5–13. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.5-13.

Original article

The First Stage of Implementing the Judicial Statutes of 1864 (to the 160th Anniversary of the Start of the Work of Post-Reform Courts in St. Petersburg)

Aleksandra A. Dorskaya[1], Natalia G. Zarembo[2]

[1] North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation, adorskaya@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8723-8673
[2] Russian State Historical Archive, St. Petersburg, Russian Federation, natalzar@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0008-4817

Abstract. In 2026, it will be the 160th anniversary of the establishment of the judicial chambers, district courts, and justices of the peace in St. Petersburg and Moscow, which initiated the application of the provisions from the Judicial Reform of 1864. While the Judicial Statutes of November 20, 1864, provided a foundational basis for judicial reform in the Russian Federation, this valuable historical experience, crucial for comprehending contemporary justice challenges, requires constant reference and remains an extensively unexplored resource.

The purpose of the study is to analyze, using the example of the courts of St. Petersburg, the first stage of implementing the Judicial Statutes of 1864, which presented both the advantages and disadvantages of the new judicial system, fostered considerable optimism regarding the advancement of justice and confidence in its efficacy, while simultaneously eliciting first disappointments.

The study employed a combination of general scientific methods, including chronological, descriptive, heuristic ones, analysis, synthesis, deduction, induction, and special methods of legal research such as formal-legal, historical-legal, comparative-legal ones. The theoretical basis of the study was the scholarly contributions of the "Fathers of Judicial Reform," theorists and historians of law, experts in the organization of judicial activities.

Archival research indicates that the successful implementation of the first stage of the Judicial Reform can be attributed to the enormous efforts made by the Ministry of Justice of the Russian Empire, members of the Governing Senate, the scientific community, and the first sworn attorneys. The example of the judicial bodies of St. Petersburg illustrated the prerequisites for successfully implementing the Judicial Statutes of 1864, commencing in 1866, and underscored the significance of the St. Petersburg Judicial Chamber as a "forge" of personnel for the judicial bodies of other provinces of the Russian Empire. It was concluded that only the systematic establishment of new courts, the institution of judicial investigators, advocacy made it possible to implement the principles of judicial reform.

Keywords: Judicial Statutes of 1864, Judicial reform, district courts, judicial chambers, justices of the peace, Ministry of Justice, Governing Senate

For citation: Dorskaya A. A., Zarembo N. G. The first stage of implementing the Judicial Statutes of 1864 (to the 160th anniversary of the start of the work of post-reform courts in St. Petersburg). *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(8):5-13. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.5-13.

В 2026 году исполняется 160 лет со времени реализации Судебных уставов от 20 ноября 1864 г., согласно которым в Российской империи не только были открыты новые судебные учреждения, изменилась судебная система, но и провозглашены новые принципы правосудия – гласность, устность, всесословность, равенство всех перед законом и судом и т. д. Несмотря на то что Судебная реформа 1864 г. является одной из самых успешных в истории России, поскольку затронула все слои населения, вызвала огромный общественный подъем, изменила отношение к суду и способствовала формированию позитивного образа правосудия, базирующегося на идее справедливости, открытие новых судов происходило с большими трудностями, вызванными как объективными, так и субъективными причинами.

Данные процессы можно проследить на примере судов Санкт-Петербурга, поскольку столичные судебные органы начали работу раньше многих остальных и являлись образцом для дальнейшей реализации Судебных уставов 1864 г.

То, что к середине XIX в. судебная система России находилась в глубоком кризисе, не вызывало сомнений у современников [1, с. 5], подтверждается и современными исследованиями [2]. С 1857 года разработкой проекта Судебной реформы в основном занималось Морское министерство, которое пользовалось поддержкой великого князя Константина Николаевича. Именно оно в 1862 г. составило документ, который лег в основу будущих Судебных уставов 1864 г., – «Основные положения преобразования судебной части России»[1]. Однако после принятия Уставов главная роль в реализации их положений принадлежала Министерству юстиции.

В созданный судебный округ входили Санкт-Петербургская, Новгородская и Псковская губернии. При обсуждении открытия окружных судов в Санкт-Петербургской губернии, которая была густо населена, были разные проекты: либо создать один окружной суд в Петербурге, либо несколько – кроме столицы, в Луге, Ямбурге, Гдове или других городах [3, с. 14]. Однако был принят первый вариант.

Согласно указу от 19 октября 1865 г. первыми должны были быть открыты новые суды в Санкт-Петербурге и Москве. Штат окружных судов и судебных палат, представленный министром юстиции, должен был утверждать Государственный Совет, а составление списка кандидатов в мировые судьи возлагалось на уездное присутствие, в которое входили: члены уездной земской управы, уездный предводитель дворянства, уездный исправник, полицмейстер, городской голова, мировые посредники уезда и местный уездный судья[2]. Новые суды должны были начать работу в 1866 г. Датой их открытия в Петербурге было выбрано 17 апреля – день рождения Александра II, в Москве – 23 апреля.

Министерство юстиции к началу 1866 г. проделало огромную работу: были разработаны и внесены в Государственный Совет Общий наказ судебным местам, правила о вознаграждении присяжных поверенных и судебных приставов, проект правил о производстве дел, подлежащих ранее третейскому суду, особые инструкции по делам о раскольниках и проект постановления о прокурорском надзоре[3].

Уже в феврале 1866 г. начались первые кадровые утверждения. Так, первый старший председатель Санкт-Петербургской судебной палаты Михаил Федорович Гольтгоер (1823–1899), председатель департамента Санкт-Петербургской судебной палаты Владимир Васильевич Фриш (1824–1890) были назначены на должности 4 февраля[4].

С марта 1866 г. начался процесс формирования корпуса присяжных поверенных. Сначала заявления о приеме в адвокатуру принимал Комитет для принятия и рассмотрения прошений лиц, желающих вступить в присяжные поверенные, но процесс, видимо, шел не очень активно. Тогда 14 марта 1866 г. Комитет обратился к общественности через прессу, и уже на следующий день появился первый желающий. 11 апреля 1866 г. министр юстиции Д. Н. Замятнин утвердил первых 27 российских адвокатов, среди которых были В. Д. Спасович, К. К. Арсеньев, Д. В. Стасов, В. И. Танеев и другие [4, с. 11].

---

[1] Основные положения преобразования судебной части в России от 29 сентября 1862 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II : в LV т. Т. XXXVII. СПб. : Тип. Второго отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1865. № 38761.

[2] Высочайше утвержденное 19 октября 1865 г. Положение о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XL. Отд-ние II. № 42587.

[3] Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 64. Д. 5781. Л. 25.

[4] Список судебных деятелей учреждений, открытых в 1866–1876 гг. / сост. Н. А. Мурзанов. Пг. : Сенат. тип., 1914. С. 43, 91.

Однако министр юстиции Д. Н. Замятнин был очень обеспокоен тем, что подготовка открытия новых судебных учреждений идет медленно. 18 марта 1866 г. он писал императору, что если относительно Окружного суда и Судебной палаты сроки могут быть выполнены, хотя Государственный Совет и задерживает утверждение штата общих судов, то открытие мирового суда в срок не представлялось возможным, поэтому просил перенести срок на месяц (17 мая 1866 г.)[5]. Для ускорения подготовки он предлагал образовать кассационные департаменты Правительствующего Сената, как можно быстрее назначить председателей Санкт-Петербургского и Московского окружных судов и начать работу по организации канцелярий новых судебных учреждений.

Активная деятельность министра юстиции привела к положительному результату: 21 марта 1866 г. Первый департамент Правительствующего Сената вынес определение, в котором все должностные лица высших, центральных и местных государственных органов были извещены о начале реализации Судебных уставов 1864 г.[6]

Однако далее Министерство юстиции стало сталкиваться с многочисленными трудностями в подготовке открытия новых судов. Так, Д. Н. Замятнину даже пришлось обращаться к императору по поводу того, что как губернаторы, так и земские органы и старые суды достаточно сложно воспринимают готовящиеся нововведения, несмотря на то что Министерство постоянно в циркулярах и статьях «Журнала Министерства юстиции» разъясняло происходящие изменения[7]. Главные сложности состояли в нахождении помещений и организации земствами выборов мировых судей и присяжных заседателей.

Если с выборами активно помогало Министерство внутренних дел, то вопрос о зданиях для новых судов нельзя было решить быстро, поэтому вскоре после издания Судебных уставов 1864 г. для изучения внешнего убранства и внутренней организации судебных помещений европейских государств в командировку был направлен архитектор К. С. Афанасьев.

Еще одной особенностью Санкт-Петербурга было то, что в столице, в отличие от других губерний (за исключением Московской), на момент реализации Судебных уставов в 1866 г. не было института судебных следователей, к которым предъявлялись такие же требования, как и к судьям окружных судов [5, с. 6]. Несмотря на то что Следственная реформа началась еще в 1860 г. и предварительное следствие стало рассматриваться в качестве судебной функции, а производившее его лицо было признано должностным лицом судебной власти, в Петербурге сохранялись должности следственных приставов в штате полиции. Как отмечал Д. О. Серов, не случайно в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского Порфирий Петрович является следственным приставом, хотя действие романа происходит в 1865 г. [6, с. 116]. Это дало Министерству юстиции возможность, как свидетельствует записка Д. Н. Замятнина, в 1866 г. при открытии новых судебных учреждений сэкономить 50 тыс. руб. серебром, поскольку вначале расходов на судебных следователей не было[8]. Кроме того, наблюдалась преемственность, которой не было в других городах: из последних девяти следственных приставов трое получили в 1866 г. назначение судебными следователями в Окружной суд, а один стал товарищем прокурора того же суда [6, с. 116].

Необходимо отметить, что опыт столицы должен был стать образцом для других губерний. Для Санкт-Петербургского окружного суда Д. Н. Замятнин долго лично выбирал здание, а когда в 1865 г. было выбрано здание арсенала, ежедневно посещал ремонтные работы [7, с. 71–72].

---

[5] Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 64. Д. 5781. Л. 2–3.
[6] Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 64. Д. 5781. Л. 18.
[7] Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 64. Д. 5781. Л. 22.
[8] Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 64. Д. 6759. Л. 3.

По мнению министра юстиции Д. Н. Замятнина, здания судебных учреждений должны были не только быть эстетически привлекательными и являться символами правосудия, но и позволять реализовывать один из главных принципов судопроизводства – принцип гласности[9].

Однако не только деятельность Министерства юстиции способствовала открытию новых судебных органов в 1866 г. и успешной реализации Судебной реформы на первом этапе.

Большую роль в данный период играла формирующаяся «корпорация» адвокатов. Так, Д. В. Стасов (1828–1918), принятый в присяжные поверенные 17 апреля 1866 г. – в день рождения российской адвокатуры, а уже 2 мая избранный Председателем Совета присяжных поверенных окружной Санкт-Петербургской судебной палаты, был одним из разработчиков Судебных уставов 1864 г., активно сотрудничавшим с С. И. Зарудным [8, с. 10]. К. К. Арсеньев (1837–1919) в 1866 г. занимался разработкой правил адвокатской этики, а в 1867 г. возглавил Совет присяжных поверенных столичной Судебной палаты, который под его руководством выработал свои судебные и административные функции, определил объем своей подсудности и те деяния, за которые адвокат мог быть лишен своего статуса [9, с. 24]. Таким образом формировался этический «кодекс» адвоката.

В. Д. Спасович (1829–1906), получивший статус присяжного поверенного 31 мая 1866 г., еще в период разработки Судебных уставов, в 1863 г., издал «Учебник уголовного права» [10], позволивший ему получить ученую степень доктора права. Позже современники отмечали, что он сумел перенести основные идеи Судебной реформы в область материального права, что дало возможность новым судам в дальнейшем руководствоваться идеями справедливого правосудия [11, с. 241].

А. М. Унковский (1829–1893) сначала прославился как один из активных сторонников крестьянской реформы [12], а затем на собственные средства издал переводы с немецкого сочинений известного криминалиста, профессора Гейдельбергского университета К. Ж. А. Миттермайера (1787–1867) [13] и в переводе с английского – «Теорию косвенных улик» У. Уильза [14]. В конце 1866 г. он стал присяжным поверенным, вступив в корпорацию петербургских адвокатов.

Очень большое значение имела и работа сенаторов. Так, В. А. Арцимович (1820–1893) стал членом Правительствующего Сената в 1862 г. Однако затем, после восстания в Царстве Польском 1863 г., был в приказном порядке направлен туда на службу. Вернувшись, он начал работу в только что учрежденном уголовном кассационном департаменте Сената, первым дал толкование Судебных уставов 1864 г., заботясь в течение 12 лет о том, чтобы их положения не искажались [15, с. 86].

Свою лепту вносили и ученые, активно публиковавшиеся с 1865 г. в «Журнале Министерства юстиции», редакторами которого были профессор А. П. Чебышев-Дмитриев и П. А. Марков. Многочисленные статьи, касавшиеся судебной сферы, должны были помочь в сложном процессе организации новых судоустройства и судопроизводства.

Кроме того, еще до открытия новых судов исследователи стали интересоваться вопросами судебной статистики. Например, математик по образованию Н. А. Неклюдов (1840–1896) защитил в 1865 г. магистерскую диссертацию на тему «Уголовно-статистические этюды», а затем стал мировым судьей Санкт-Петербурга, получив сложнейший участок, в который входила Сенная площадь.

Несмотря на многочисленные трудности, работа по подготовке открытия Окружного суда и Судебной палаты в Санкт-Петербурге шла полным ходом, когда случилось непредвиденное. 4 апреля 1866 г. в Летнем саду на Александра II совершил покушение Дмитрий Каракозов. Многие чиновники посчитали, что теперь открытие новых судов будет перенесено на неопре-

[9] Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 64. Д. 5781. Л. 24.

деленный срок. Однако император не отказался от намерения открыть новые судебные учреждения в установленный срок, что подтвердили новые назначения. Так, 13 апреля 1866 г. членом Санкт-Петербургской судебной палаты был назначен барон Борис Федорович Гойнинген-Гюне[10].

14 апреля 1866 г. последовало издание Положения о нотариальной части[11], рассматриваемое как важный этап реализации Судебных уставов 1864 г., нотариусы даже вступали в должность путем принятия присяги в Окружном суде. Заведование нотариальной частью под наблюдением судебных мест поручалось нотариусам и старшим нотариусам при нотариальных архивах.

В этот же день Александр II посетил здание старого арсенала, где через несколько дней должны были открыться Санкт-Петербургский окружной суд, а также Судебная палата. Он остался доволен увиденным и напутствовал сопровождавших его работников судебного ведомства словами: «И так в добрый час, начинайте благое дело!».

16 апреля 1866 г. помещения суда освятили. В этот же день в зале, предназначенном для заседаний с участием присяжных заседателей, был установлен образ с лампадой, который пожертвовали воспитанники Училища правоведения – первого специального высшего учебного заведения в России, готовившего с 1835 г. кадры для административной и судебной деятельности.

Настоящие торжества состоялись 17 апреля 1866 г., когда около часа дня с горельефа над воротами старого арсенала была снята завеса и над входом каждый присутствовавший прочитал слова: «Правда и милость да царствуют в судах». Открытие новых судов сопровождалось торжеством, в котором приняли участие представители высших и центральных государственных органов, Санкт-Петербургский митрополит Исидор, иностранные послы и т. д. Большое впечатление произвела речь министра юстиции Д. Н. Замятнина, обращенная к судебным работникам [16, с. 34–35]. После нее члены новых судов и прокурорские чины были приведены к присяге. Вечером в Петербурге была зажжена роскошная иллюминация.

Открытие Санкт-Петербургского окружного суда и Судебной палаты показало, что одной из главных проблем является кадровый вопрос. Исследователи расходятся во мнении, был ли укомплектован полностью штат на момент открытия в столице новых судов. Например, по подсчетам А. А. Сапункова, в Санкт-Петербургской окружной палате из десяти членов были назначены шесть, вместо двух товарищей прокурора – один, а в Санкт-Петербургском окружном суде из шести товарищей председателя суда – четыре, из восемнадцати членов суда – одиннадцать [3, с. 14–15]. По мнению Т. Л. Курас, все должности были заняты представителями Министерства юстиции, Сената или судебных работников старых судов [17, с. 123].

Невзирая на все сложности, вслед за Окружным судом и Судебными палатами 17 мая 1866 г. в Санкт-Петербурге были открыты мировые суды и кассационные департаменты Сената. Таким образом, тот срок, который министр юстиции Д. Н. Замятнин определил в марте как реальный, был соблюден. Конечно, это было еще только начало работы данных учреждений. Например, обер-прокурор общего собрания кассационных департаментов Правительствующего Сената М. Е. Ковалевский писал в этот день Д. Н. Замятнину, что, хотя открытие состоялось, время заседаний еще не определено и о нем будет извещено в «Сенатских ведомостях»[12].

Несмотря на огромную общественную поддержку и внимание, становление новых судебных органов в Петербурге проходило сложно.

---

[10] Список судебных деятелей учреждений, открытых в 1866–1876 гг. С. 42.

[11] Положение о нотариальной части от 14 апреля 1866 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XLI. Отд-ние I. № 43186.

[12] Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 64. Д. 5911. Л. 9.

Во-первых, судьям приходилось испытывать на себе давление и интерес общественности. Так, первое уголовное дело о конфликте судебного следователя и помощника присяжного поверенного, разбиравшееся коронным судом 14 июня 1866 г., привлекло очень много публики.

Во-вторых, отсутствовал опыт проведения уголовных процессов с участием присяжных заседателей.

Первые заседания с присяжными проходили в Петербурге 26 июля (дело Родионова о краже со взломом) и 28 июля 1866 г. (дело Маркова, который помог незнакомцу снять полсти с саней). Председательствовать на этих процессах должен был товарищ председателя Санкт-Петербургского окружного суда, но сразу стало понятно, что он не справляется. Тогда председатель суда Г. Н. Мотивилов (1834–1880), который участвовал в разработке положений Судебных уставов 1864 г. и был выбран на эту должность непосредственно министром юстиции Д. Н. Замятниным, несмотря на болезнь, заменил своего заместителя и блестяще провел процессы [16, с. 37–38].

В-третьих, не все судьи оказались готовы не только профессионально, но и психологически, поскольку нагрузки на судейский корпус оказались колоссальными.

После открытия судов в Санкт-Петербурге Министерство юстиции обобщило первую практику, отреагировав на возникавшие проблемы и вопросы. В частности, были разработаны Правила о порядке допущения тяжущихся и посторонних частных лиц присутствовать при докладах дел в судах и обязанностях в этом отношении председателей судов[13]. Старались и судьи. Так, уже упоминавшийся мировой судья Н. А. Неклюдов с 1867 г. начал издавать «Руководство для мировых судей»[14].

Таким образом, первый этап реализации Судебной реформы 1864 г. показал, что было принято правильное решение – не вводить новые судебные органы по всей стране или большей ее части одновременно. Даже в столице процесс открытия Окружного суда и Судебной палаты, мировых судов шел очень сложно, и нужно было время для осмысления всех возникавших вопросов. Успех многих нововведений был обусловлен тем, что новые судебные органы вводились после проведения в 1860 г. Следственной реформы, при параллельном создании нотариата и адвокатуры. На этом этапе реформу поддерживала как широкая общественность, так и ученые и юристы-практики. Наблюдалась даже некоторая преемственность в отношении старых, дореформенных судов. Как показали дальнейшие события, Санкт-Петербург стал кузницей судейских кадров, которым предстояло в дальнейшем реализовывать положения Судебных уставов в различных частях страны.

Список источников

1. Кони А. Ф. Памяти Петра Наркизовича Обнинского // П. Н. Обнинский. Сборник статей. 1864–1914. М. : Задруга, 1914. С. 5–18.

2. Гереева И. С. Кризис дореформенной судебной системы Российской империи в контексте сословного строя и крепостного права // Российское правосудие. 2025. № 6. С. 5–12.

3. Сапунков А. А. Формирование системы общих судов Российской империи: Санкт-Петербургский судебный округ в период формирования и реорганизации 1865–1878 гг. // Сибирский юридический вестник. 2020. № 4. С. 10–18.

4. Семеняко Е. В. Профессия древняя и достойная // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2014. № 1. С. 10–13.

[13] Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 64. Д. 5781. Л. 33–34.

[14] *Неклюдов Н. А.* Руководство для мировых судей. Сочинение магистра прав, санкт-петербургского столичного мирового судьи. СПб. : Тип. Н. Тиблена и Ко (Н. Неклюдова), 1867–1868. Т. 1 : Устав уголовного судопроизводства. 337 с.; Т. 2 : Уставы о наказаниях. 778 с.

5. Жолобов Я. Б. Нравственные начала в деятельности судьи (на примере жизненного пути А. Ф. Кони) // Российское правосудие. 2024. № 6. С. 5–14.

6. Серов Д. О. От следственных приставов к судебным следователям: организация следственного аппарата России во второй половине XIX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2014. № 9-1. С. 114–135.

7. Джаншиев Г. А. Страница из истории судебной реформы. Д. Н. Замятнин. М. : Типолит. И. Н. Кушнерева и К, 1883. 155 с.

8. Легкий Д. М. Дмитрий Васильевич Стасов – юрист и общественный деятель (1828–1918) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1991. 18 с.

9. Игнатьева Е. Ю. Правотворческая деятельность продолжателей судебного реформирования в России второй половины XIX века // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 21–26.

10. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб. : Тип. И. Огризко, 1863. 178 с.

11. Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию Судебных уставов). М. : Тип. И. Д. Сытина, 1914. 296 с.

12. Яновский А. Д. Общественно-политическая деятельность А. М. Унковского (1828–1893 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1986. 18 с.

13. Миттермайер К. Ж. А. Руководство к судебной защите по уголовным делам : пер. с 4-го изд. М. : А. Унковский, 1863. 296 с.

14. Уильз У. Опыт теории косвенных улик, объясненной примерами : пер. с 3-го изд. Изд. А. Унковского. М. : Тип. Грачева и Ко, 1864. 251 с.

15. Олимпиева И. В. Вклад В. А. Арцимовича в модернизацию России // Научный альманах. 2025. № 6-1. С. 86–90.

16. Кони А. Ф. Новые меха и новое вино: Из истории первых дней судебной реформы. Речь в годовом собрании Петербургского юридического общества 26 января 1892 // Книжки «Недели»: журнал романов и повестей. 1892. № 3. С. 5–50.

17. Курас Т. Л. Назначение и перемещение членов судебных палат в Российской империи: на примере Санкт-Петербургской палаты // Власть. 2010. № 10. С. 122–124.

References

1. Koni A. F. In memory of Pyotr Narkizovich Obninsky. In: P. N. Obninsky. *Collection of articles. 1864–1914.* Moscow: Zadruga; 1914. Pp. 5–18. (In Russ.)

2. Gereeva I. S. The crisis of the pre-reform judicial system of the Russian Empire in the context of the class system and serfdom. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2025;(6):5-12. (In Russ.)

3. Sapunkov A. A. Formation of the system of general courts of the Russian Empire: St. Petersburg Judicial District during the formation and reorganization of 1865–1878. *Siberian Law Herald*. 2020;(4):10-18. (In Russ.)

4. Semenyako E. V. The profession is ancient and worthy. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2014;(1):10-13. (In Russ.)

5. Zholobov Ya. B. The moral principles guiding the judge's activities (illustrated by of the life journey of A. F. Koni). *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2024;(6):5-14. (In Russ.)

6. Serov D. O. From the investigating police officers to judicial investigators: organization of the investigative bodies of Russia in the second half of the 19th century. *Historical-Legal Problems: The New Viewpoint*. 2014;(9-1):114-135. (In Russ.)

7. Dzhanshiev G. A. *Page from the history of judicial reform. D. N. Zamyatnin*. Moscow: Printing House of I. N. Kushnerev and Co; 1883. 155 p. (In Russ.)

8. Legkiy D. M. *Dmitry Vasilievich Stasov – lawyer and public figure (1828–1918).* Abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation. Saratov; 1991. 18 p. (In Russ.)

9. Ignatieva E. Yu. Legislative activity of the successors of judicial reform in Russia in the second half of the XIX century. *Bulletin of Economic Security*. 2019;(4):21-26. (In Russ.)

10. Spasovich V. D. *Textbook of criminal law*. St. Petersburg: Printing House of I. Ogrizko; 1863. 178 p. (In Russ.)

11. Koni A. F. *Fathers and children of judicial reform (on the fiftieth anniversary of the Judicial Statutes)*. Moscow: Printing House of I. D. Sytin; 1914. 296 p. (In Russ.)

12. Yanovskiy A. D. *Sociopolitical activity of A. M. Unkovskiy (1828–1893)*. Abstract of Cand. Sci. (History). Moscow; 1986. 18 p. (In Russ.)

13. Mittermaier C. J. A. *Guide to judicial protection in criminal cases*. Transl. from 4th ed. Moscow: A. Unkovskiy; 1863. 296 p. (In Russ.)

14. Wills W. *Experience in the theory of circumstantial evidence explained by examples*. Transl. from the 3rd ed. Publication of A. Unkovskiy. Moscow: Printing House of Grachev and Co; 1864. 251 p.

15. Olympieva I. V. V. A. Artsimovich's contribution to the modernization of Russia. *Science Almanac*. 2025;(6-1):86-90. (In Russ.)

16. Koni A. F. New wineskins and new wine: From the history of the early days of judicial reform. Speech at the annual meeting of the St. Petersburg Law Society on January 26, 1892. *Knizhki "Nedeli": zhurnal romanov i povestej = Books of the "Week": Magazine of Novels and Short Stories*. 1892;(3):5-50. (In Russ.)

17. Kuras T. L. Appointment and transfer of members of judicial chambers in the Russian Empire: on the example of the St. Petersburg Chamber. *Vlast' = Power*. 2010;(10):122-124. (In Russ.)

Информация об авторах

А. А. Дорская – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин;

Н. Г. Зарембо – кандидат исторических наук, начальник отдела научно-справочного аппарата.

Information about the authors

A. A. Dorskaya – Doctor of Science (Law), Professor, Deputy Director for Research, Head of the General Theoretical Legal Disciplines Department;

N. G. Zarembo – Candidate of Science (Historical), Head of the Department of Scientific and Reference Apparatus.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 06.05.2026; одобрена после рецензирования 03.06.2026; принята к публикации 03.06.2026.

The article was submitted 06.05.2026; approved after reviewing 03.06.2026; accepted for publication 03.06.2026.

Российское правосудие. 2026. № 8. С. 14–20
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 8. P. 14–20
УДК 34.096 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.8.14-20

Научная статья

Применение норм, устанавливающих административную ответственность должностных лиц органов местного самоуправления

Лариса Владимировна Карасаева
Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, larisakarasaeva@mail.ru

Аннотация. Одной из гарантий надлежащего осуществления должностными лицами органов местного самоуправления норм действующего законодательства является возможность привлечения их к ответственности за неправомерные действия или бездействие. Наиболее широко применимой к таким субъектам является именно административная ответственность. Концептуальную роль в разрешении данного вопроса играет судебная практика, которая показывает особенности вменения отдельных составов правонарушений, в том числе через разъяснение объективных и субъективных признаков. Основная проблематика обусловлена как наличием правовых пробелов в специальном законодательстве, которое регулирует полномочия и в целом деятельность органов местного самоуправления, так и недостаточной регламентацией и конкретизацией диспозиций отдельных составов правонарушений. В совокупности данные обстоятельства приводят к декларативному характеру отдельных правовых положений, которые непосредственно устанавливают административную ответственность должностных лиц органов местного самоуправления или способствуют толкованию объективных и субъективных признаков составов административных правонарушений. Данные обстоятельства актуализируют необходимость проведения исследования по избранной теме.

Цель исследования состоит в выявлении роли суда в формировании судебной практики по вопросу административной ответственности должностных лиц органов местного самоуправления. Для достижения поставленной цели: 1) дана общая характеристика административной ответственности должностных лиц органов местного самоуправления, установлена специфика субъектного состава и правовая основа; 2) проведен анализ практики правоприменения в разрезе заявленной темы исследования, выявлены наиболее проблемные места, нуждающиеся в разрешении в рамках действующего законодательства и практики правоприменения.

При написании исследования были использованы такие методы, как формально-юридический, диалектический; методы обобщения, анализа и синтеза, индукции и дедукции и некоторые иные.

Автором выявлены наиболее проблемные вопросы применения норм, устанавливающих административную ответственность должностных лиц органов местного самоуправления. Особый акцент сделан на административные правонарушения, связанные с муниципальными закупками. С учетом проведенного анализа практики правоприменения сформулированы рекомендации по дальнейшему развитию правовой основы и судебной практики.

Ключевые слова: административная ответственность, правонарушение, должностное лицо, местное самоуправление, суд, практика правоприменения

© Карасаева Л. В., 2026

Для цитирования: Карасаева Л. В. Применение норм, устанавливающих административную ответственность должностных лиц органов местного самоуправления // Российское правосудие. 2026. № 8. С. 14–20. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.14-20.

Original article

Application of Rules Establishing Administrative Liability of Officials of Local Government Bodies

Larisa V. Karasaeva

North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation, larisakarasaeva@mail.ru

Abstract. One of the guarantees for the proper implementation by officials of local self-government bodies of the norms of the current legislation is the possibility of holding them accountable for illegal actions or omissions. The most widely applicable to such entities is precisely administrative responsibility. At the same time, it should be noted that judicial practice has a conceptual role in resolving this issue, which actually explains the specifics of imputing certain elements of offenses, including through the clarification of objective and subjective signs. The main problem is caused by the presence of legal gaps both in special legislation that regulates the powers and activities of local self-government bodies in general, and insufficient regulation and specification of the disposition of certain elements of offenses. Taken together, these circumstances lead to the declarative nature of certain legal provisions that directly establish the administrative responsibility of officials of local governments or contribute to the interpretation of objective and subjective signs of the composition of administrative offenses. These circumstances actualize the need for research on the chosen topic.

The purpose of the study is to identify the role of the court in the formation of judicial practice on the issue of administrative responsibility of officials of local governments. To achieve the set goal: 1) a general description of the administrative liability of officials in local self-government bodies is provided; the specifics of the subject composition and the legal basis are established; 2) an analysis of law enforcement practice is carried out in the context of the stated research topic; the most problematic areas are identified – these require resolution within the framework of the current legislation and law enforcement practice.

When writing the study, such methods as formal legal, dialectical, the method of generalization, analysis and synthesis, induction and deduction, and some others were used.

The author identifies the most problematic issues of the application of norms establishing the administrative responsibility of officials of local governments. Special emphasis is placed on administrative offenses related to municipal procurement. Taking into account the analysis of law enforcement practice, recommendations for the further development of the legal framework and judicial practice are formulated.

Keywords: administrative responsibility, offense, officials, local government, court, law enforcement practice

For citation: Karasaeva L. V. Application of rules establishing administrative liability of officials of local government bodies. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(8):14-20. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.14-20.

Переходя к содержательному аспекту заявленной тематики, включая анализ практики правоприменения, представляется важным указать особенности административной ответственности должностных лиц органов местного самоуправления. Действующим законодательством установлен существенный круг вопросов, разрешение которых отводится органам местного самоуправления. Безусловно, базовые положения находятся в конституционных нормах, а также в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[1] (далее – Закон об организации местного самоуправления). Однако данные норматив-

[1] Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

ные правовые акты носят общий характер, тогда как более узкие вопросы деятельности должностных лиц местного самоуправления урегулированы в иных законах и подзаконных актах. Первая особенность административной ответственности рассматриваемых субъектов связана с тем, что для квалификации их деяний практически во всех составах является обязательным обращение к специальному законодательству, которое регулирует ту или иную обязанность должностных лиц органов местного самоуправления. Без этого фактически не установить объективные и субъективные признаки, которые давали бы основание для квалификации действия (бездействия) в качестве административного правонарушения.

Вторая особенность ответственности таких лиц обусловлена в целом их правовым статусом, а именно понятием «должностное лицо органов местного самоуправления» и его содержательным аспектом. Как отмечается в научной литературе, «субъектами административных правонарушений являются специальные субъекты – должностные лица органов местного самоуправления, которые наделены властными полномочиями, а также полномочиями распорядительного характера» [1, с. 225].

В статье 2 Закона об организации местного самоуправления законодатель дает легальное определение должностному лицу, при этом особенности его правового статуса также раскрываются более концептуально.

В данном контексте А. А. Аманов справедливо указывает, что должностные лица местного самоуправления – специальные субъекты: их публичная власть обусловливает специальные составы правонарушений и суровую ответственность. Однако даже дифференцированный законодательный подход не гарантирует эффективной практической реализации норм, связанных с привлечением таких лиц к ответственности [2, с. 1041].

Конкретизация же должностного лица в контексте норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях представлена в ст. 2.4 КоАП РФ.

Непосредственно сами составы правонарушений, виновными лицами по которым могут выступать должностные лица органов местного самоуправления, законодателем не приведены. Например, отсутствует систематизация всех таких составов как в рамках КоАП РФ (фактически они расположены в разных главах в зависимости от объекта правонарушения), так и в рамках Закона об организации местного самоуправления, в котором дается лишь общее указание на то, что такие субъекты могут быть привлечены к административной ответственности.

Далее представляется актуальным предметно акцентировать на практике правоприменение по отдельным составам административных правонарушений. Например, достаточно часто происходят нарушения в сфере муниципальных закупок.

Анализ практики правоприменения свидетельствует о том, что применение данных статей на практике имеет определенные проблемы, что приводит к отсутствию единообразной судебной позиции по вопросу квалификации таких правонарушений. В частности, отмечается большое количество дел, по которым решение суда первой инстанции в последующем изменяется судами вышестоящих инстанций.

Привлечение должностных лиц к административной ответственности может оказаться неправомерным, если суд не исследовал все материалы дела или неверно применил нормы материального права.

Примером служит постановление Девятого кассационного суда от 23 июля 2024 г. № 16-1651/2024, где производство по делу прекращено, а именно: кассационный суд поддержал вывод конкурсной комиссии о правомерности отклонения заявки на участие в конкурсе из-за отсутствия документов, подтверждающих опыт соответствующей деятельности, и не нашел оснований считать нарушени-

ем требования контрактной системы заместителя начальника Управления муниципальных закупок Окружной администрации города Якутска Н.[2]

Имеются и процессуальные нарушения в рассмотрении таких дел.

Так, постановлением Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30 октября 2024 г. № П16-4171/2024 начальник управления закупок администрации муниципального образования Краснодара М. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.30 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде предупреждения. Однако суд кассационной инстанции отправил дело на новое рассмотрение, поскольку были нарушены правила подсудности[3]*.*

В аналогичном примере судья краевого суда необоснованно не обратил внимание и не счел необходимым оценить то обстоятельство, что заявителем жалобы изначально верно определена подсудность рассмотрения жалобы на постановление должностного лица в Октябрьском районном суде. Постановлением судьи названного суда от 14 июля 2023 г. дело об административном правонарушении передано на рассмотрение в Первомайский районный суд города Краснодара, исходя из места совершения административного правонарушения, с нарушением действующего законодательства[4]*.*

Данные примеры свидетельствуют о наличии трудностей и в процессуальном разрешении такой категории дел. Вместе с тем в таких ситуациях действуют общие положения о подсудности, поэтому представляется, что дополнительная конкретизация правовых норм в данной сфере была бы излишней.

Исполнение муниципальных контрактов связано с проблемами из-за несовершенного правового регулирования и многочисленными нарушениями в процедуре закупок. Как отмечают в научных исследованиях, снижение коррупции позволит минимизировать случаи нарушений в сфере закупок, поскольку в большей степени нарушения обусловлены именно наличием коррупционных факторов [3, с. 5].

Например, распоряжением администрации МО «Харабалинский район» от 3 февраля 2022 г. № 132-р глава администрации МО «Харабалинский район» Ш. санкционировал закупку на оказание услуг по отлову, содержанию и возврату на прежние места обитания животных без владельцев на территории муниципального образования «Харабалинский район», однако не принял достаточных и всех зависящих от него мер по соблюдению требований законодательства о контрактной системе[5]*.*

Как представляется, основной акцент должен быть сделан на минимизации условий, которые способствуют реализации коррупционных схем в сфере муниципальных закупок.

При этом роль суда сложно переоценить в рамках формирования судебной практики по вопросу административной ответственности должностных лиц органов местного самоуправления за правонарушения, связанные с муниципальными закупками. Главным образом это связано с наличием правовых пробелов, которые приводят к ошибкам при вынесении судебных решений судами нижестоящих инстанций, что в последующем исправляется вышестоящими

---

[2] Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 23 июля 2024 г. № 16-1651/2024. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30 октября 2024 г. № П16-4171/2024.

[4] Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 2 сентября 2024 г. № 16-4528/2024.

[5] Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19 апреля 2024 г. № 16-186/2024-(16-5243/2023).

судами. При этом в аспекте практики правоприменения актуальна необходимость систематизации позиций судов по вопросу особенностей административной ответственности должностных лиц органов местного самоуправления за правонарушения, в том числе в сфере муниципальных закупок, в рамках единого постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Вместе с тем это не восполнит пробелы законодательной базы по анализируемым вопросам. В данной связи актуально говорить и о необходимости совершенствования правовых норм.

Так, основным направлением для развития законодательства о государственных контрактах должно быть внедрение в них цифровых технологий. В данном контексте речь идет о совершенствовании положений об электронном аукционе. Это связано прежде всего с тем, что развитие электронного аукциона также направлено на оптимизацию закупок [4, с. 137].

На сегодняшний день существуют разные виды электронных торговых площадок: коммерческие и государственные, открытые и закрытые, оптово-розничные, узкоспециализированные и многопрофильные, создаваемые продавцами, покупателями или третьими лицами, с вертикальной или горизонтальной структурой. Например, государственные площадки предназначены для электронных закупок и заказов. Также существуют такие виды сделок, как электронный аукцион, интернет-аукцион и биржевые сделки [5, с. 34].

Представляется, что на сегодняшний день основным направлением реформирования законодательства является восполнение пробелов как в аспекте регламентации сделки, заключаемой в электронной форме, так и применительно к специфике электронных торгов. В связи с этим целесообразно закрепить в действующем законодательстве (ГК РФ) легальное определение сделки, заключаемой в электронной форме, а также конкретизировать особенности ее заключения и исполнения. Кроме того, для эффективного развития электронных аукционов необходимо регулировать технологию блокчейн. Для этого потребуется внести ряд изменений в действующее законодательство, чтобы урегулировать данную цифровую технологию.

Таким образом, правовое регулирование в сфере закупок должно совершенствоваться по ряду направлений. Необходимо минимизировать условия для коррупционных схем, поскольку именно коррупция является тем фактором, который способствует нарушению порядка проведения установленной процедуры, нарушает права добросовестных участников торгов. В свою очередь, это обусловливает злоупотребления в сфере выбора поставщика. Как следствие, для этого необходимо внести поправки и в сферу регламентации выбора поставщика.

В условиях цифровизации крайне необходимо совершенствование порядка организации электронного аукциона. В данном аспекте актуализируется необходимость конкретизации не только сферы электронного аукциона, но и специфики сделок, заключаемых в электронной форме. Таким образом, внесение изменений в правовое регулирование и систематизация правовых позиций вышестоящих судов по вопросу административной ответственности должностных лиц органов местного самоуправления за правонарушения позволят в совокупности повысить эффективность квалификации административных правонарушений, совершаемых данными субъектами.

Анализ практики правоприменения также демонстрирует достаточно неоднозначный подход в назначении наказаний должностным лицам органов местного самоуправления. Так, правоприменители назначают наказание, которое фактически не соответствует степени общественной опасности совершенного деяния (речь идет о лояльном подходе), что не соотносится с целями наказания (особенно применительно к субъектам органов публичной власти)[6].

[6] Например, наказание в виде предупреждения было назначено должностными лицами органов местного самоуправления в следующих судебных актах: постановление Верховного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2024 г. № 12-АД24-1-К6, постановление Третьего кассационного суда

На практике встречаются примеры, когда производство по делу прекращается[7].

Как уже было отмечено, представляется, что правонарушения, совершаемые должностными лицами органов местного самоуправления, имеют повышенную общественную опасность, поскольку такие лица являются представителями народа, должны действовать в соответствии с интересами населения. Совершение ими правонарушений влечет подрыв доверия в целом ко всем органам государственной власти. В данной связи назначение наказания в виде предупреждения не способствует минимизации незаконных действий (бездействия) и не отвечает целям самого института наказания.

Заключение

Таким образом, квалификация административных правонарушений должностных лиц органов местного самоуправления имеет определенные трудности. В частности, они обусловлены наличием правовых пробелов и коллизий, способствующих неправильному толкованию норм права со стороны судов, из-за чего нарушаются права должностных лиц, неправомерно привлекаемых к административной ответственности. На это указывает большой процент судебных дел, которые обжалуются и доходят до судов кассационной инстанции, а результатом кассации становится прекращение производства по делу или отправление дела на новое рассмотрение.

Данные обстоятельства указывают на необходимость совершенствования действующего законодательства (в частности, специальных норм о муниципальных закупках, на примере которых были рассмотрены составы административных правонарушений), а также систематизации законодательства по вопросу специфики ответственности должностных лиц органов местного самоуправления, что могло бы найти отражение в рамках отдельных статей Закона об организации местного самоуправления. Соответствующие положения статей могли бы иметь общий характер с указанием на то, что должностные лица могут быть привлечены к ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей, установленных статьями названного Закона и иными нормативными правовыми актами. Дополнительно должны быть указаны особенности субъектного состава таких правонарушений (специфика правового статуса должностного лица, которую следует учитывать при квалификации).

Принимая во внимание значение практики правоприменения по такой категории дел, представляется целесообразным систематизировать наиболее значимые позиции вышестоящих судов по вопросам особенностей административной ответственности таких субъектов.

В совокупности изложенные меры позволят повысить эффективность квалификации административных правонарушений, совершаемых должностными лицами органов местного самоуправления.

Список источников

1. Катаранчук М. В. Проблематика административной ответственности должностных лиц органов местного самоуправления // Молодой ученый. 2021. № 50. С. 225–227.

2. Аманов А. А. Особенности административной ответственности должностных лиц органов местного самоуправления // Право и правосудие в современном мире : сб. науч. ст. молодых исследователей XI Всерос. студен. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и соискателей (Санкт-Петербург, 24–25 марта 2023 г.). / ред. Я. Б. Жолобов, А. А. Дорская. СПб. : Астерион, 2023. С. 1040–1043.

3. Краснова О. Н. Антикоррупционные меры в сфере организации закупок товаров, работ, услуг: российский и зарубежный опыт // Вестник современных исследований. 2021. № 5–6. С. 4–11.

общей юрисдикции от 31 марта 2023 г. № 16-1781/2023, постановления Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20 июня 2024 г. № 16-2985/2024, от 20 сентября 2023 г. № 16-4866/2023 и др.

[7] Решение Ульяновского областного суда от 22 января 2026 г. № 7-21/2026.

4. Казанцев Д. А., Михалева Н. А. Автоматизация закупок как будущее контрактной системы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2020. Т. 24, № 1. С. 137–157.

5. Ершов Д. В. Тенденции развития рынка торгов в электронной форме // Право и бизнес. 2019. № 3. С. 32–38.

References

1. Kataranchuk M. V. Problematics of administrative responsibility of officials of local self-government bodies. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*. 2021;(50):225-227. (In Russ.)

2. Amanov A. A. Features of administrative responsibility of officials of local governments. In: Ya. B. Zholobov, A. A. Dorskaya, eds. *Law and justice in the modern world*. Collection of scientific articles by young researchers of the XI All-Russian Student Scientific and Practical Conference of students, undergraduates and applicants (St. Petersburg, 24–25 March 2023). St. Petersburg: Asterion; 2023. Pp. 1040–1043. (In Russ.)

3. Krasnova O. N. Anti-corruption measures in the field of procurement of goods, works, services: Russian and foreign experience. *Vestnik sovremennykh issledovanij = Bulletin of Modern Research.* 2021;(5-6):4-11. (In Russ.)

4. Kazantsev D. A., Mikhaleva N. A. Procurement automation as the future of the contract system. *RUDN Journal of Law.* 2020;24(1):137-157. (In Russ.)

5. Ershov D. V. Trends in the electronic auction market development. *Law and Business*. 2019;(3):32-38. (In Russ.)

Информация об авторе

Л. В. Карасаева – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин.

Information about the author

L. V. Karasaeva – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the State and Legal Disciplines Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 05.12.2024; одобрена после рецензирования 26.12.2024; принята к публикации 03.06.2026.

The article was submitted 05.12.2024; approved after reviewing 26.12.2024; accepted for publication 03.06.2026.

Российское правосудие. 2026. № 8. С. 21–31
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 8. P. 21–31
УДК 342.922 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.8.21-31

Научная статья

Лица, участвующие в административном деле: осмысление и эволюция административно-процессуальных норм

Вадим Андреевич Подейко

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Российская Федерация, v.podeiko@mail.ru,
https://orcid.org/0009-0003-1995-0065

Аннотация. Десятилетняя история Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации позволяет взглянуть на содержащиеся в нем правила о лицах, участвующих в деле, с учетом накопленного опыта. Кодекс имеет в этом отношении как сходство, так и различия по сравнению с другими процессуальными законами. Есть и особенности, характерные лишь для Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, обусловленные тенденциями его развития, среди которых значимой является относительная казуистичность Кодекса применительно к регулированию особенностей производства по отдельным категориям дел.

Появление все большего количества таких особенностей приводит к своего рода размыванию процессуального статуса лиц, участвующих в деле. Эта проблема пока не в полной мере осознана законодателем и юридической доктриной, что само по себе доставляет проблемы правоприменителю. Более того, не только в отечественной, но и в зарубежной административно-процессуальной доктрине статусу лиц, участвующих в деле, уделяется не слишком много внимания. Поэтому налицо необходимость уяснения процессуального статуса лиц, участвующих в административном деле, прежде всего сквозь призму материально-правового положения таких лиц и с применением достижений как отечественной, так и зарубежной административно-процессуальной науки. Именно обращение к вопросу о том, защищает ли лицо, участвующее в административном деле, свое собственное субъективное право, свой собственный интерес, либо же это лицо выступает в защиту прав и законных интересов других лиц, публичных интересов (в более или менее широком их понимании), является определяющим для уяснения процессуального статуса такого лица.

Целью работы является комплексное исследование процессуального статуса лиц, участвующих в административном деле (сторон, прокурора и т. д.). Задачами исследования являются: изучение особенностей соответствующих административно-процессуальных норм; обоснование разграничения лиц, участвующих в деле, на тех, кто имеет материально-правовую заинтересованность, и тех, кто имеет формальную заинтересованность.

При проведении исследования использовались системный, логический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы.

На основе проведенного анализа административно-процессуальных норм в статье: 1) определены основные особенности правил о лицах, участвующих в административном деле; 2) предложена классификация лиц, участвующих в деле, в зависимости от наличия материально-правовой и формальной заинтересованности.

© Подейко В. А., 2026

Ключевые слова: административное дело, процессуальная правосубъектность, стороны, прокурор, материально-правовая и формальная заинтересованность

Для цитирования: Подейко В. А. Лица, участвующие в административном деле: осмысление и эволюция административно-процессуальных норм // Российское правосудие. 2026. № 8. С. 21–31. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.21-31.

Original article

Participants of an Administrative Case: Comprehension and Evolution of Administrative Procedural Norms

Vadim A. Podeiko

State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, v.podeiko@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-1995-0065

Abstract. The ten-year history of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation allows us to look at the rules on parties to a case in light of the accumulated experience. In this regard, the Code has both similarities and differences compared to other procedural laws. There are also features specific to the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, which are determined by the trends in its development, including the relative casuistry of the Code in relation to the regulation of the specifics of proceedings in certain categories of cases.

The emergence of more and more such features leads to a kind of blurring of the procedural status of the parties involved in the case. This problem is not yet fully comprehended by the Lawmaker and the Legal Doctrine, and this poses certain problems while applying the law of procedure. Moreover, it is not only Russian doctrine that does not deal with the issue properly; just the same is true about foreign doctrine of administrative procedure as well. It is hence necessary to clarify the procedural status of the participants of an administrative case, primarily outlining their status under substantive law and with the application of both Russian and foreign doctrine of administrative procedure. Hence the necessity to understand the procedural status of the participants of an administrative case primarily via the status thereof in substantive law, using both Russian and foreign doctrine of administrative procedure. It is precisely the issue of whether a participant of an administrative case defends his own subjective right, his own interest, or rather it acts in defense of rights and legal interests of other persons and/or public interests (in a more or less broad understanding thereof) that is crucial for the definition of the participant's status in an administrative case.

The purpose of the work is a comprehensive study of the administrative procedural status of the participants of an administrative case (the parties, the procurator etc.). The objectives of the study are: studying the peculiarities of the statutory provisions on the participants of an administrative case; providing a basis for dividing the participants of an administrative case into those having a substantive interest and those having a formal interest.

The study used systematic, logical, formal and legal, as well as comparative methods.

Based on the analysis of the provisions of statutory provisions on administrative court procedure in the article: 1) the specifics of provisions on the participants of an administrative case are defined; 2) a classification of participants of an administrative case by the nature of their interest (substantive or formal) is proposed.

Keywords: administrative case, procedural legal personality, parties, procurator, substantive and formal legal interest

For citation: Podeiko V. A. Participants of an administrative case: comprehension and evolution of administrative procedural norms. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(8):21-31. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.21-31.

В 2025 году исполнилось десять лет со дня вступления в силу Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ). Этот юбилей дает повод обратиться к ряду проблем судебного административного процесса (административного судопроизводства) и взглянуть на эволюцию норм Кодекса. Принимая во внимание уже сложившийся в российской административно-правовой и административно-процессу-

альной науке подход [1; 2], согласно которому нормы различных административно-процессуальных законов рассматриваются комплексно, было бы не вполне правильно ограничиваться нормами только самого КАС РФ. По меньшей мере следует учитывать также положения других законов, так или иначе регулирующих судебный административный процесс, – Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ) и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Не будет лишним и обращение к законодательству, регулирующему внесудебный административный процесс. Административное дело в настоящей работе также понимается широко, т. е. дела, рассматриваемые судами по правилам гл. 22–26 АПК РФ и гл. 28–30 КоАП РФ, также считаются административными; то же справедливо и по отношению к делам, рассматриваемым административными (несудебными) органами.

Участники административного дела de lege lata. Проблема неполноты регулирования и путь ее решения

Состав участников административного дела – одна из проблем такого рода. На первый взгляд правила ст. 37 КАС РФ о лицах, участвующих в деле, не представляют собой ничего необычного. Они в целом напоминают нормы ст. 40 АПК РФ и даже ст. 34 ГПК РФ. В КоАП РФ подобной общей нормы нет, и состав участников производства по делу об административном правонарушении выводится из совокупности положений гл. 25 КоАП РФ (нельзя не отметить, что это создает некоторые сложности).

Нет необходимости воспроизводить здесь нормы ст. 37 КАС РФ и ст. 40 АПК РФ, однако следует сделать необходимое обобщение. При этом вовсе не обязательно во всем следовать терминологии, используемой законодателем: например, в п. 1.1 ст. 37 КАС РФ взыскатель и должник отделены от сторон (п. 1 той же статьи), но едва ли в этом есть смысл, учитывая, что, к примеру, ст. 48, 49 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»[1] (далее – Закон об исполнительном производстве) прямо называют взыскателя и должника сторонами. Итак, если свести воедино положения ст. 37 КАС РФ и ст. 40 АПК РФ, то в состав лиц, участвующих в деле, будут входить: 1) стороны (административный истец и административный ответчик; заявитель и ответчик; взыскатель и должник); 2) третьи (или заинтересованные) лица; 3) прокурор; 4) иные органы и лица, обращающиеся в суд либо привлеченные к участию в деле.

Одной из наиболее заметных особенностей КАС РФ является его казуистичность, которая проявляется, в частности, в постоянно появляющихся новых особенностях производства по тем или иным категориям дел (например, гл. 27.3, 31.3 КАС РФ). Такая казуистичность была присуща КАС РФ изначально и распространялась, в частности, на правила о лицах, участвующих в деле. Например, ч. 2 ст. 221 КАС РФ предусматривает одновременное участие в деле об оспаривании решений, действий (бездействия) административного органа не только самого административного органа, но и конкретного должностного лица (следует отметить, что АПК РФ подобного требования не содержит).

По сравнению с нормами КАС РФ и АПК РФ нормы КоАП РФ об участниках производства отличаются неполнотой. Так, в КоАП РФ отсутствует представление о сторонах, в связи с чем при производстве в суде у административного органа, возбудившего дело либо вынесшего постановление (определение) по нему, вообще нет никакого процессуального статуса. На непоследовательность такого регулирования и несоответствие его требованиям ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации уже обращалось внимание в литературе[2]. Следует, однако,

---

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

[2] *Стахов А. И., Кононов П. И., Ландерсон Н. В. и др.* Судебное административно-процессуальное право России : учеб. и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2023. 571 с.

отметить, что вытекающая как из конституционных норм, так и из требований повседневной правоприменительной деятельности насущная необходимость урегулирования статуса административного органа в производстве по делам об административных правонарушениях, рассматриваемых судами, постепенно «просачивается» в КоАП РФ: так, поскольку такой административный орган в силу ч. 1–3 ст. 49 Закона об исполнительном производстве выступает в качестве взыскателя, он может считаться и «лицом, заинтересованным в разрешении вопроса» в смысле ч. 2 ст. 31.8 КоАП РФ. Иными словами, на стадии исполнения назначенного судом административного наказания административный орган все же приобретает статус стороны, которого при рассмотрении дела по существу, казалось бы, не имел.

Отсутствует в КоАП РФ и полноценное регулирование статуса третьих лиц (или заинтересованных лиц, если использовать терминологию КАС РФ). Собственно, КоАП РФ не предусматривает их участия в деле, хотя и не исключает его. В некоторых случаях необходимость участия таких лиц прямо следует из особенностей правового положения лица, привлекаемого к ответственности, как это, например, происходит с государственными учреждениями [3].

Изложенное не является чем-то новым: правила КАС РФ, АПК РФ и КоАП РФ о лицах, участвующих в деле, известны и активно применяются. Однако современное комплексное, интегративное понимание административного процесса (как судебного различных видов – по правилам КАС РФ, АПК РФ и КоАП РФ, так и внесудебного) требует и единого понимания состава лиц, участвующих в деле, и их правосубъектности, которая в конечном счете вытекает из материально-правовых отношений. В этом смысле разрозненные нормы процессуального законодательства скорее мешают, чем помогают формированию полной картины. И, увы, практика высших судебных инстанций также не уделяет этому вопросу достаточного внимания.

Действительно, само по себе наличие в КоАП РФ и законах, регулирующих внесудебный административный процесс (например, в Законе об исполнительном производстве), большого количества пробелов и отсутствие полноценного регулирования статуса значительной части лиц, участвующих в деле, не являются новостью. Более того, это не было бы такой уж проблемой, если бы правоприменитель чаще использовал аналогию процессуального закона: скажем, в КоАП РФ или Законе об исполнительном производстве нет правил о третьих (или заинтересованных) лицах, но ничто не мешает применить по аналогии нормы ст. 47 КАС РФ или ст. 51 АПК РФ.

При этом в ряде зарубежных правопорядков уже давно распространено применение правил внесудебного административного процесса в судебном и наоборот. Например, § 44e австрийского Общего закона об административном производстве (Allgemeines Verwaltungsverfahrensgesetz – AVG)[3] отсылает при производстве с большим количеством участников к § 25 Закона об административном судопроизводстве (Verwaltungsgerichtsverfahrensgesetz – VwGVG)[4]. Сам VwGVG, напротив, в ряде случаев (§ 25a, 32, 34 и др.) отсылает к AVG. Не чужд подобный подход и отечественной правовой системе: так, С. В. Щепалов весьма наглядно показал, как гражданское процессуальное законодательство применялось по аналогии в производстве по делам об административных правонарушениях еще в советский период [4, с. 118–137, 167–181].

Наглядный пример: Закон об исполнительном производстве не содержит норм, предусматривающих участие третьих лиц; но, к примеру, организация, реализующая имущество должника в случае оспаривания соответствующего постановления судебного пристава-исполнителя, будет привлечена к участию в деле в качестве третьего (ст. 51 АПК РФ) или заинтересован-

[3] Первоначальная редакция: BGBl. Nr. 274/1925. Действующая редакция: BGBl. Nr. 51/1991. Здесь и далее ссылки на австрийское законодательство приводятся по источнику официального опубликования (Bundesgesetzblatt – BGBl).

[4] BGBl. I Nr. 33/2013.

ного (ст. 47 КАС РФ) лица. Это означает, что и в самом исполнительном производстве у нее тот же процессуальный статус, пусть и в «неявном» виде; сделать этот вид «явным» позволяет как раз аналогия процессуального закона.

Но, как известно, для формирования подобных подходов недостаточно работы одного лишь правоприменителя. Возможно, что излишняя осторожность судебной практики в применении аналогии процессуального закона отчасти связана с некоторой пассивностью юридической доктрины в осмыслении процессуального статуса лиц, участвующих в административном деле.

Разработка проблемы в юридической доктрине

Любопытно то обстоятельство, что и доктрина в настоящее время не слишком интересуется вопросом процессуального статуса лиц, участвующих в административном деле. Причем это касается как российской, так и – в значительной мере – зарубежной юридической науки. Причина такого положения дел не вполне очевидна; можно, однако, сделать одно предположение. Дело в том, что о такой правосубъектности едва ли можно говорить, ограничивая свою предметную область лишь самим процессом. Правосубъектность в процессе (не только административном, в любом) производна от материально-правовой правосубъектности, т. е. заставляет при изучении соответствующего (в том числе административного) процесса обратиться к материальному праву – как гражданскому, так и административному.

Конечно, нельзя считать, что такие попытки в юридической науке не предпринимались вовсе. Знаменитый германский административист конца XIX – начала XX в. О. Майер (O. Mayer), анализируя нормы сначала французского, а затем и германского права, пришел к выводу о том, что административный орган «выглядит почти как юридическое лицо»[5], но на самом деле таковым не является [5, S. 27; 6, S. 143]. В дальнейшем, однако, германская юридическая доктрина по существу ушла от изучения этой проблемы, приняв практически за аксиому так называемый принцип единства администрации (Einheit der Verwaltung), предполагающий, что публичная администрация является своего рода монолитом. И лишь в последнее время наблюдаются робкие попытки германских административистов отказаться от него или хотя бы перестать его абсолютизировать [7], но для рассматриваемого здесь вопроса они не имеют особого значения.

Современник (а одновременно отчасти ученик и отчасти же – оппонент) О. Майера австрийский административист Э. Бернатцик (E. Bernatzik) пришел к выводу о том, что, хотя административный орган в отличие от учредившего его государства и не обладает полноценной юридической личностью, т. е. не является субъектом права, он тем не менее является носителем воли (Willensträger) государства и поэтому *формально* должен рассматриваться как сторона в административном деле, если участвует в нем [8, S. 95–108]. Основываясь на этих выводах, австрийская административно-процессуальная наука выработала концепцию формальных (Formalparteien), или ведомственных (Amtsparteien, Organparteien), участников административного дела: к ним относятся административные органы, которые не имеют собственно материальных прав, но имеют права процессуальные, которые, в свою очередь, возникают из компетенции этих органов, продиктованной тем или иным публичным интересом. В некоторых случаях формальным участником административного дела может быть не только административный орган, но и иное лицо [9, S. 45–75; 10, S. 79], также не имеющее затрагиваемых в деле субъективных прав в материально-правовом смысле.

Отечественная юридическая доктрина как в имперский, так и отчасти в советский периоды своего развития (до 1950-х гг.) проявляла интерес к означенной проблеме. Так, можно отметить работы Н. С. Суворова [11, с. 119–135], А. И. Елистратова [12, с. 81–91], А. Ф. Евтихиева [13], А. В. Венедиктова [14, с. 644–654], в которых поднимался вопрос правосубъектности админи-

[5] «Das sieht dann fast aus wie eine juristische Person…».

стративных органов. Однако впоследствии эта тема перестала вызывать интерес в науке. Из современных авторов этой проблематики отчасти касался А. В. Винницкий [15, с. 292–322], но без привязки к административно-процессуальным вопросам. Современная юридическая доктрина в большей степени интересуется правом на судебную защиту [16, с. 69–86; 17], что само по себе можно лишь приветствовать, но все же это едва ли позволяет взглянуть на проблему правосубъектности всесторонне и комплексно: ведь чтобы охарактеризовать право любого субъекта на судебную защиту, нужно сначала осмыслить, что же это за субъект.

Современное осмысление административно-процессуальных норм, регулирующих правовое положение лиц, участвующих в административном деле, должно опираться, с одной стороны, на разработанное в отечественной науке учение о публичной администрации в контексте интегративного понимания административного процесса [18; 19]. С другой же стороны, следует воспользоваться достижениями зарубежной административно-процессуальной доктрины, которые, разумеется, необходимо определенным образом адаптировать применительно к отечественной правовой системе.

Нельзя забывать, что никакой юридический процесс, в том числе и административный, не существует изолированно от материального права. Только при учете этого совершенно очевидного, но тем не менее зачастую предаваемого забвению утверждения возможно адекватное восприятие правоприменительной реальности, а следовательно, и формирование предложений de lege ferenda.

Материальное и формальное участие в деле. Проблема частичной правосубъектности

Итак, с учетом изложенного можно и нужно осмыслить правовое положение лиц, участвующих в административном деле (как судебном, так и внесудебном): сначала с точки зрения материального права, затем с точки зрения собственно процесса.

В материальных административно-правовых отношениях, какую бы из трех их групп (между властвующими и подвластными; между властвующими; между подвластными под контролем властвующих[6]) мы ни взяли, участвуют подвластные (или невластные) субъекты (физические лица, юридические лица, частично правосубъектные образования) и властвующие субъекты (административные органы, также называемые административно-публичными или органами публичной администрации). Материально-правовой статус физических и юридических лиц определяется главным образом нормами гражданского права, а отдельные их субъективные права и обязанности – нормами административного права.

Отдельно следует сказать о лицах с частичной правосубъектностью. К их числу относятся, в частности, общественные объединения, не имеющие статуса юридического лица, а также так называемые иностранные структуры без образования юридического лица. Последние весьма интересны сами по себе: первоначально они были предусмотрены лишь абз. 7 п. 2 ст. 11 НК РФ, но в дальнейшем упоминания их появились во многих других законах; они также стали специальным субъектом административной ответственности (примечание 1 к ст. 19.34 КоАП РФ). Правовое положение лиц с частичной правосубъектностью заслуживает отдельного рассмотрения и порождает огромное количество не только теоретических, но и сугубо практических вопросов (например, о том, какое именно извещение таких лиц в рамках рассмотрения административного дела следует считать надлежащим). В данный же момент можно предложить применять к ним тот подход, который в свое время был сформулирован в 2002 г. австрийской Конституционной судебной палатой: «Если правопорядок признает за структурой, не являющейся физическим лицом, хотя бы одно-единственное [субъективное] право, то тем самым создается юридическое лицо, которое может защищать это право, и пусть даже только это право, всеми правовыми

[6] См. подробнее классификацию по А. И. Стахову [20].

средствами»[7]. Иными словами, к частично правосубъектным образованиям следует применять правила о юридических лицах. Безусловно, это не исчерпывающее решение проблемы, однако такой подход хотя бы задает нужное направление. В целом же вопрос частичной правосубъектности должен получить более тщательную разработку со стороны юридической доктрины.

Физические и юридические лица, а также частично правосубъектные образования, участвующие в административном процессе в качестве сторон или третьих (заинтересованных) лиц, по общему правилу являются материальными участниками административного дела. В деле, как правило, затрагиваются те или иные субъективные права этих лиц, имеющие так или иначе материально-правовую природу.

Но совсем иную природу имеет участие в деле административных органов. Каждый отдельно взятый орган публичной администрации не имеет субъективных прав в материально-правовом смысле: он лишь защищает тот или иной публичный интерес, более или менее широкий, но всегда определяемый специальной компетенцией такого органа. При этом неважно, в каком именно качестве этот орган выступает. Даже в том случае, когда один административный орган оспаривает административный акт (или фактические действия) другого, он защищает не собственные субъективные права, как это делало бы на его месте физическое или юридическое лицо, а определенный публичный интерес, который в рамках административного спора сталкивается с другим интересом, также публичным.

Изложенное означает, что специальное указание на государственные и иные органы, которое имеется, например, в п. 4 ст. 37 КАС РФ, в действительности излишне. В каком бы качестве такие органы ни участвовали в процессе, их участие будет формальным. Так, в приведенном случае административный орган, обратившийся в суд в защиту тех или иных публичных интересов, будет *формальным*, а не материальным административным истцом; если же этот орган участвует в деле для дачи заключения, то он будет *формальным* заинтересованным (третьим) лицом. Неудачной является и упомянутая выше норма ч. 2 ст. 221 КАС РФ, предусматривающая раздельное участие в деле административного органа и его должностного лица: у должностного лица ни при каких обстоятельствах не может и не должно быть охраняемого законом интереса, который противоречил бы таковому у соответствующего административного органа, а значит, не может и не должно быть и самостоятельного участия в деле.

При этом следует отметить, что формальное участие в деле не тождественно представительству. Поэтому с точки зрения юридической техники участие Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, а также уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации гораздо лучше описано в ст. 53.1 АПК РФ, чем в ст. 25.5.1 КоАП РФ.

Допустимо и формальное участие в деле юридических и физических лиц, не являющихся – в отличие от административных органов – властвующими субъектами административного права, но имеющих ту или иную формальную заинтересованность публично-правового характера в связи с конкретной юридико-фактической ситуацией. Например, в деле об оспаривании решения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации о лишении ученой степени может участвовать образовательная или научная организация, присудившая ее либо дававшая дополнительное заключение по диссертации. В деле об оспаривании решения призывной комиссии может участвовать образовательная организация, в которой обучается гражданин, призываемый на военную службу, или организация, в которой тот работает. Напротив, если контролирующее должника лицо оспаривает в порядке гл. 24 АПК РФ постановление на-

[7] «Billigt die Rechtsordnung einem außermenschlichen Gebilde auch nur ein einziges Recht zu, dann ist eine juristische Person geschaffen, die dieses Recht, allerdings auch nur dieses Recht, mit allen rechtlichen Mitteln verteidigen kann» (VfSlg 16535/2002).

логового органа, на основании которого в рамках дела о банкротстве на имущество должника наложен арест, то такое участие в деле будет не формальным, а материальным, хотя адресатом указанного постановления был сам должник, а не контролирующее его лицо.

Особый случай участия в административном деле юридического лица – тот, в котором это лицо является административным органом только в функциональном (но не в организационном) смысле. Например, банк, исполняющий требования исполнительного документа, считается таким административным органом[8]; поэтому в деле об оспаривании, к примеру, его отказа в исполнении соответствующих требований взыскателя он будет формальным участником, даже несмотря на то, что в иных случаях его участие носило бы материальный характер.

По всей видимости, то обстоятельство, что гражданские дела скорее тяготеют к сужению круга участников, тогда как административные, напротив, скорее склоняются к его расширению, связано именно с различием материально-правовой основы соответствующих процессуальных отношений.

Прокурор как формальный участник sui generis

Формальным при любых обстоятельствах является участие в административном деле прокурора, отличающееся от участия административного органа. Основное различие состоит в том, что прокурор представляет не специализированный, а общегосударственный публичный интерес. Это не зависит от того, как именно прокурор участвует в деле.

Изложенное вполне понятно применительно к судебному административному процессу[9], однако нуждается в некоторой конкретизации применительно ко внесудебному административному процессу. В последнем у прокурора наряду с функциями инициации производства и вступления в уже возбужденное производство также имеются функции санкционирования и разрешения конфликта компетенции [22; 23], однако в обоих этих случаях прокурор также защищает не какие-либо субъективные права, а общегосударственный публичный интерес. При санкционировании – например, при согласовании внепланового контрольного (надзорного) мероприятия (ст. 66 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»[10]) или ареста имущества налогоплательщика-организации (ст. 77 НК РФ) – прокурор защищает прежде всего не субъективные права соответственно контролируемого лица и налогоплательщика, а объективный правопорядок. Его же защищает прокурор и при разрешении конфликта компетенции между несколькими административными органами, обеспечивая правильное рассмотрение и разрешение административного дела уполномоченным на то органом. Исторически такая функция восходит практически к самому учреждению российской прокуратуры Петром I [17, с. 276–285].

Именно процессуальное положение прокурора как формального участника административного дела, защищающего общегосударственный публичный интерес, и обусловливает широкие полномочия прокурора в отечественном административно-процессуальном законодательстве.

Выводы. Предложения de lege ferenda

Описанная классификация участников административного дела требует не столько изменений в законодательстве, сколько восприятия правоприменителем и доктриной.

---

[8] На это указано в Обзоре судебной практики разрешения судами споров, связанных с принудительным исполнением требований исполнительных документов банками и иными кредитными организациями (утв. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 16 июня 2021 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[9] О статусе прокурора в судебном административном процессе см., например: [21].

[10] Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

Рассматривая административный процесс с позиций интегративной концепции, следует исходить из единства процессуального статуса лиц, участвующих в административном деле, независимо от того, рассматривается такое дело судом или административным органом. Иными словами, процессуальный статус лица, участвующего в деле, един в судебном и внесудебном административном процессах. Неполнота нормативно-правового регулирования в конкретном случае восполняется путем широкого применения аналогии процессуального закона, и правоприменитель должен быть смелее при применении такой аналогии. Об успешности такого подхода свидетельствует как зарубежный, так и, в известной степени, отечественный опыт.

Процессуальный статус лица, участвующего в административном деле, проистекает из его материально-правового статуса и не может рассматриваться в отрыве от него. Существуют материальные (имеющие и защищающие собственные субъективные права, имеющие материально-правовую природу) и формальные (защищающие публичные или иным образом специально охраняемые законом интересы и имеющие в этих целях только процессуальные права) участники административного дела. По общему правилу материальными участниками административного дела могут быть физические, юридические лица и частично правосубъектные образования; формальными участниками по общему правилу являются административные органы, но в некоторых случаях возможно участие в этом качестве и иных лиц. Как материальные, так и формальные участники административного дела могут в зависимости от конкретных обстоятельств дела быть сторонами и третьими (заинтересованными) лицами. Особым формальным участником административного дела является прокурор, широта полномочий которого обусловлена тем, что прокурор защищает общегосударственный публичный интерес.

Несмотря на некоторое несовершенство положений ст. 37 КАС РФ и ст. 40 АПК РФ, можно оставить их и в нынешнем виде. Однако следует признать утратившей силу ч. 2 ст. 221 КАС РФ и существенно иначе сформулировать ст. 25.5.1 КоАП РФ. Но важнее всего не столько изменение самих норм, сколько уяснение правоприменителем описанных выше подходов. По этой причине необходимо их систематизированное изложение по меньшей мере в обзоре судебной практики, утверждаемом Президиумом Верховного Суда Российской Федерации.

Список источников

1. Зеленцов А. Б., Кононов П. И., Стахов А. И. Административный процесс и административно-процессуальное право в России: концептуальные проблемы современного развития // Административное право и процесс. 2013. № 12. С. 3–12.

2. Стахов А. И. Интегративная концепция административного процесса в Российской Федерации. М. : РГУП, 2024. 492 с.

3. Подейко В. А. Защита интересов государства как собственника имущества государственных учреждений при осуществлении государственного контроля (надзора) // Актуальные проблемы контрольно-надзорной деятельности публичной администрации и административного судопроизводства по делам, возникающим из контрольно-надзорных правоотношений : сб. науч. ст. / отв. за вып. А. И. Стахов. М. : РГУП, 2022. С. 52–58.

4. Щепалов С. В. Отечественное судопроизводство по делам об административных правонарушениях: возникновение и развитие. М. : Норма, 2024. 220 с.

5. Mayer O. Deutsches Verwaltungsrecht. 3. Aufl. Bd. II. Berlin : Duncker & Humblot, 1924. 409 S.

6. Mayer O. Theorie des französischen Verwaltungsrechts. Strassburg : Verlag von Karl J. Trübner, 1886. 533 S.

7. Bartsch G. Staat gegen Staat. Eingeschränkter Zugang zu verwaltungsgerichtlichem Rechtsschutz. Berlin : Duncker & Humblot, 2018. 500 S.

8. Bernatzik E. Über den Begriff der juristischen Person. Kritische Studien über den Begriff der juristischen Person und über die juristische Persönlichkeit der Behörden insbesondere. Wien : Springer, 1996. 116 S.

9. Balthasar A. Die Beteiligung im Verwaltungsverfahren. Wien : Springer, 2010. 285 S.

10. Hengstschläger J., Leeb D. Verwaltungsverfahrensrecht. Verfahren vor den Verwaltungsbehörden und Verwaltungsgerichten. 5. Aufl. Wien : facultas.wuv Universitäts, 2014. 658 S.

11. Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1900. 351 с.

12. Елистратов А. И. Основные начала административного права. 2-е изд. М. : Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1917. 294 с.

13. Евтихиев А. Ф. О юридических лицах публичного права // Сборник статей кафедры «Проблемы современного права» и Правового факультета Харьковского Института народного хозяйства, посвященный памяти академика, профессора Владимира Михайловича Гордона. Харьков : Гос. изд-во Украины, 1927. С. 73–89.

14. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. 839 с.

15. Винницкий А. В. Государственная собственность в административном праве. М. : Статут, 2008. 431 с.

16. Ильин А. В. Оспаривание административных актов. М. : Статут, 2024. 134 с.

17. Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Т. 1. М. : Унив. тип., 1889. 552 с.

18. Стахов А. И. Публичная администрация и административная деятельность в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2024. № 9. С. 9–18.

19. Стахов А. И., Ландерсон Н. В. Публичная администрация в России: понятие, система и структура // Административное право и процесс. 2021. № 10. С. 4–15.

20. Стахов А. И. Административное право России с позиции функционального подхода как самостоятельная отрасль права и ключевая учебная дисциплина // Административное право и процесс. 2025. № 5. С. 8–17.

21. Сарпеков Р. К., Шерстобоев О. Н., Нургазинов Б. К. Участие прокурора в административном процессе: сравнительно-правовое исследование // Административное право и процесс. 2020. № 3. С. 41–46.

22. Подейко В. А. Конфликт компетенции в административном производстве: австрийская постановка проблемы, российское решение // Административное право и процесс. 2025. № 4. С. 73–77.

23. Подейко В. А. О процессуальном статусе прокурора во внесудебном административном процессе // Российское правосудие. 2025. № 4. С. 102–112.

References

1. Zelentsov A. B., Kononov P. I., Stakhov A. I. Administrative procedure and administrative-procedure law in Russia: conceptual problems of contemporary development. *Administrative Law and Procedure*. 2013;(12):3-12. (In Russ.)

2. Stakhov A. I. *Integrative concept of administrative procedure in the Russian Federation*. Monograph. Moscow: Russian State University of Justice; 2024. 492 p. (In Russ.)

3. Podeiko V. A. Protecting the interests of the state as the owner of the property of state institutions in the exercise of state control (supervision). In: A. I. Stakhov, ed. *Current issues of control and supervisory activities of public administration and administrative proceedings in cases arising from control and supervisory legal relations.* Collection of scientific articles. Moscow: Russian State University of Justice; 2022. Pp. 52–58. (In Russ.)

4. Shchepalov S. V. *Domestic legal proceedings in cases of administrative offenses: emergence and development*. Monograph. Ed. S. A. Starostin. Moscow: Norma; 2024. 220 p. (In Russ.)

5. Mayer O. *Deutsches Verwaltungsrecht*. 3. Aufl. Bd. II. Berlin: Duncker & Humblot; 1924. 409 S.

6. Mayer O. *Theorie des französischen Verwaltungsrechtes*. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner; 1886. 533 S.

7. Bartsch G. *Staat gegen Staat. Eingeschränkter Zugang zu verwaltungsgerichtlichem Rechtsschutz.* Berlin: Duncker & Humblot; 2018. 500 S.

8. Bernatzik E. *Über den Begriff der juristischen Person. Kritische Studien über den Begriff der juristischen Person und über die juristische Persönlichkeit der Behörden insbesondere*. Wien: Springer; 1996. 116 S.

9. Balthasar A. *Die Beteiligung im Verwaltungsverfahren*. Wien: Springer; 2010. 285 S.

10. Hengstschläger J., Leeb D. *Verwaltungsverfahrensrecht. Verfahren vor den Verwaltungsbehörden und Verwaltungsgerichten*. 5. Aufl. Wien: facultas.wuv Universitäts; 2014. 658 S.

11. Suvorov N. S. On legal entities under Roman law. Moscow: Printing House of A. I. Snegireva; 1900. 351 p. (In Russ.)

12. Elistratov A. I. *Basic principles of administrative law.* 2nd ed. Moscow: G. A. Leman and S. I. Sakharov; 1917. 294 p. (In Russ.)

13. Evtihiev A. F. On public law legal entities. On legal entities of public law. In: *Collection of articles by the Department of "Problems of Modern Law" and the Faculty of Law of the Kharkov Institute of National Economy, dedicated to in memory of the Academician, Professor Vladimir Mikhailovich Gordon*. Kharkov: State Publishing House of Ukraine; 1927. Pp. 73–89. (In Russ.)

14. Venediktov A. V. *State socialist property.* Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Press; 1948. 839 p. (In Russ.)

15. Vinnitsky A. V. *State property in administrative law.* Moscow: Statut; 2008. 431 p. (In Russ.)

16. Ilyin A. V. *Challenging administrative acts*. Moscow: Statut; 2024. 134 p. (In Russ.)

17. Muravyov N. V. Prosecutor's supervision in its structure and activities. Vol. 1. Moscow: University Printing House; 1889. 552 p. (In Russ.)

18. Stakhov A. I. Public administration and administrative and public activities in the Russian Federation. *Administrative Law and Procedure.* 2024;(9):9-18. (In Russ.)

19. Stakhov A. I., Landerson N. V. Public administration in Russia: the concept, system and structure. *Administrative Law and Procedure.* 2021;(10):4-15. (In Russ.)

20. Stakhov A. I. Administrative law of Russia from the perspective of the functional approach as an independent branch of law and a key academic discipline. *Administrative Law and Procedure*. 2025;(5):8-17. (In Russ.)

21. Sarpekov R. K., Sherstoboev O. N., Nurgazinov B. K. Prosecutor's involvement in an administrative judicial procedure: a comparative law research. *Administrative Law and Procedure*. 2020;(3):41-46. (In Russ.)

22. Podeiko V. A. Conflict of authority in administrative proceedings: Austrian problem setting, Russian solution. *Administrative Law and Procedure*. 2025;(4):73-77. (In Russ.)

23. Podeiko V. A. On the procedural status of the procurator in non-judicial administrative procedure. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2025;(4):102-112. (In Russ.)

Информация об авторе

В. А. Подейко – кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права юридического факультета.

Information about the author

V. A. Podeiko – Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Public Law Department of the Faculty of Law.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 17.01.2026; одобрена после рецензирования 02.02.2026; принята к публикации 03.06.2026.

The article was submitted 17.01.2026; approved after reviewing 02.02.2026; accepted for publication 03.06.2026.

Российское правосудие. 2026. № 8. С. 32–41
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 8. P. 32–41
УДК 347.463 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.8.32-41

Научная статья

Установление существенных условий договора в законе или иных правовых актах: неочевидная проблема правоприменения

Вячеслав Геннадьевич Баукин

Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, baukinvg@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0918-4075

Аннотация. Значимой проблемой правоприменительной практики является установление факта заключения договора. Осуществление правосудия арбитражными судами, рассмотрение и разрешение гражданских дел предполагают применение договорных способов защиты прав. Это, в свою очередь, требует доказательства наличия у сторон договорных отношений. Гражданское законодательство однозначно связывает факт заключения договора и согласование его существенных условий, что диктует внятность, точность, лапидарность их легального определения. Отсутствие указанных признаков затрудняет выявление существенных условий договора при разрешении имущественных споров.

Исходный тезис обусловил актуальность оценки формализации существенных условий, что позволит выработать правила нормативного закрепления в интересах применимости и практичности. Границы исследования предполагают рассмотрение одной из групп существенных условий – тех, что названы в законе и иных правовых актах. Частные задачи – детализация проблемы и указание критических уязвимостей правоприменительной практики; определение принципов фиксации существенных условий; выявление способов формализации существенных условий и указание явных и скрытых дефектов законодательства; обобщение полученных результатов в интересах совершенствования системы правового регулирования.

Для решения поставленных задач наряду с применением общей правовой методологии использован инструментарий юридической техники. Анализ соотношения начал гражданского законодательства и специальных договорных норм опирался на факторный анализ иерархии нормативных правовых актов. Оценка формальных недостатков специального законодательства дана с учетом требований к юридической терминологии, структуре нормативных правовых актов, законодательному стилю.

В результате исследования получил подтверждение тезис о необходимости корректировки гражданского законодательства, касающегося, в частности: добросовестной фиксации существенных (необходимых) условий; сокращения излишнего количества условий, названных существенными, но по сути не являющихся таковыми; исключения лишних, устаревших положений; разработки правовых форм вновь возникших отношений. Параллельно должна быть решена задача исправления многочисленных юридико-технических дефектов.

Ключевые слова: правосудие, имущественный спор, гражданское право, договор, новации договорного права, содержание договора, существенные условия договора, гражданское правоотношение, традиции договорного законодательства, юридическая техника

© Баукин В. Г., 2026

Для цитирования: Баукин В. Г. Установление существенных условий договора в законе или иных правовых актах: неочевидная проблема правоприменения // Российское правосудие. 2026. № 8. С. 32–41. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.32-41.

Original article

Establishing the Essential Terms of a Contract in a Law or Other Legal Acts is an Unobvious Problem of Law Enforcement

Vyacheslav G. Baukin

North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation, baukinvg@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0918-4075

Abstract. A significant problem of law enforcement practice is the establishment of the fact of the conclusion of the contract. The administration of justice by arbitration courts, the consideration and resolution of civil cases involve the use of contractual methods to protect rights. This, in turn, requires proof that the parties have a contractual relationship. Civil legislation unambiguously links the fact of concluding a contract and agreeing on its essential terms, which dictates the clarity, accuracy, and lapidarity of their legal definition. The absence of these features makes it difficult to identify the essential terms of the contract when resolving property disputes.

The initial thesis determined the relevance of assessing the formalization of essential conditions, which will make it possible to develop rules for regulatory consolidation in the interests of applicability and practicality. The boundaries of the study involve consideration of one of the groups of essential conditions – those that are named in the law and other legal acts. Particular tasks include detailing the problem and identifying critical vulnerabilities in law enforcement practice; defining principles for fixing essential conditions; identifying ways to formalize essential conditions and identifying obvious and hidden defects in legislation.; summarizing the results obtained in the interests of improving the legal regulation system.

To solve the tasks set, along with the application of general legal methodology, the tools of legal technology were used. The analysis of the correlation between the principles of civil legislation and special contractual norms was based on a factor analysis of the hierarchy of regulatory legal acts. The assessment of the formal shortcomings of special legislation is given taking into account the requirements for legal terminology, the structure of regulatory legal acts, and legislative style.

As a result of the research, the thesis about the need to adjust civil legislation was confirmed. In the essential part, the most pressing problems should be solved, in particular, the conscientious fixation of essential (necessary) conditions; the reduction of an excessive number of conditions that are called essential but are not in fact such; the exclusion of unnecessary, outdated provisions; the development of legal forms of newly arisen relations. In parallel, the task of correcting numerous legal and technical defects must be solved.

Keywords: justice, property dispute, civil law, contract, innovations in contractual law, content of the contract, essential terms of the contract, civil law, traditions of contractual legislation, legal technique

For citation: Baukin V. G. Establishing the essential terms of a contract in a law or other legal acts is an unobvious problem of law enforcement. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(8):32-41. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.32-41.

Рассмотрение судами гражданских дел, экономических споров предполагает оценку договорных отношений, определение договорного статуса участников. Договор задает границы взаимодействия сторон, позволяет оценить применимость того или иного способа защиты и обоснованность конкретного требования. Возникновение договорных отношений Гражданский кодекс Российской Федерации прямо соотносит с согласованием существенных условий (п. 1 ст. 432). Правоприменительная практика, следуя нормативным началам, использует базовое правило: субъекты находятся в договорных отношениях в том случае, когда ими изначально были согласованы существенные условия определен-

ного договора[1]. Указанный подход, понимание заданных условий как формирующих договорные отношения является исходным тезисом в доктрине договорного права[2]. Не вызывает явных обоснованных сомнений наличие парадигмы на уровне законодательства, практики правоприменения и научных представлений.

Следует подчеркнуть, что ГК РФ максимально строго определяет соотношение существенных условий и установления договорных отношений. Оговорка п. 3 ст. 432 ГК РФ подтверждает указанное правило, ограничивая право требовать признания договора незаключенным, но не устанавливая специальный порядок его заключения. Здесь следует признать, что такая жесткость не всегда оправданна, в частности в интересах слабой стороны имущественных отношений, сопряжена с рядом особых правил и, возможно, нуждается в дальнейшей корректировке. В существующих же условиях невозможно трактовать заключение договора просто как подписание некоего документа или устранение каких-то разногласий.

Установление факта заключения договора является фундаментом, первоосновой рассмотрения и разрешения определенной категории гражданских дел и экономических споров. Ключевой исходный вопрос – вправе ли участник отношений использовать гражданско-правовые средства, которые предоставлены стороне конкретных договорных отношений? Без аргументированного ответа на такой вопрос применение правил, свойственных тому или иному договору, неоправданно и носит произвольный характер.

Стремление защитить нарушенные или оспариваемые права и законные интересы может привести к отсутствию должного внимания к обстоятельствам возникновения прав. Зачастую правоприменительная практика не отражает всей сложности проблем, связанных с возникновением правовых взаимосвязей. Как правило, констатируется наличие договорных отношений, и гражданско-правовой спор разрешается по существу, при этом не всегда устанавливается и аргументируется факт заключения договора.

Гражданское законодательство содержит известную оговорку о запрете заявления требований о признании договоров незаключенными (п. 3 ст. 432 ГК РФ), но применение данного положения имеет ограниченный характер и связано с оценкой поведения сторон обязательства. Принципиально не помогает судебное толкование[3], поскольку решение, направленное на устранение конкретной проблемы, как и любое решение ad hoc, не способствует ликвидации пробела законодательства.

В интересах разрешения конкретного спора правоприменительная практика может придерживаться своего рода общеправового консеквенциализма, в частности, несогласование существенного условия не дает оснований признавать договор незаключенным, поскольку возможно применение общих норм для восполнения пробелов соглашения[4]. Такой подход представляется недостаточно корректным: реабилитация существенных условий (в отличие от обычной

---

[1] Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 4.

[2] См.: [1, с. 238]. См. также: *Алексеева О. Г., Аминов Е. Р., Бандо М. В. и др*. Гражданское право : учеб. : в 2 т. Т. 2. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2017. С. 163–164.

[3] Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными»; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 2.

[4] Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 сентября 2011 г. № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением

практики восполнения пробелов заключенного соглашения) противоречит духу и букве гражданского законодательства.

Обращение к легальной трактовке механизма заключения договора позволяет выявить и обосновать критическое противоречие. Существенные условия договора не определяются в законе и иных правовых актах должным образом, изложение существенных условий в законе и иных правовых актах отличается лексической неполноценностью. Последующие рассуждения послужат раскрытию и иллюстрации данного тезиса.

Согласно ст. 432 ГК РФ существенными названы условия о предмете договора; условия, которые определены в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида; условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Условия о предмете договора имеют исходный, принципиальный характер, задают общую модель имущественных отношений, указывают границы согласованного поведения сторон. Предмет договора формализует целевые ожидания участников имущественных отношений [2]. Гораздо сложнее обстоит дело с условиями, заданными в законе или ином правовом акте.

Идентификация заданных условий на первый взгляд не представляет трудности. Распространенным в доктрине гражданского права является мнение об определенности таких условий, их недвусмысленности и ясности. Это далеко не так. Структурный анализ позволяет выделить пять моделей формулирования в законе или иных правовых актах существенных условий договора. Модели отражают качественное состояние, степень развития легальной фиксации существенных условий и акцентируют внимание на прямой зависимости правоприменения от степени правовой определенности, поэтому целесообразным будет использование термина «уровень детерминации».

Первый уровень детерминации отражает и подчеркивает общее тревожное состояние. Очевидная необходимость точности, ясности и однозначности определения существенных условий договора не подтверждается уже при анализе положений ГК РФ. Прямой перечень существенных условий определен в двух договорных формах – ст. 942, 1016 ГК РФ. В системе отдельных видов обязательств это составляет не более одной десятой, если же принимать во внимание только типовые разновидности, то соотношение снижается до уровня статистической погрешности. Следует отметить, что еще в пяти случаях указываются существенные условия частных договорных моделей: это ст. 489, 558, 587, 842, 860.1 ГК РФ, что незначительно влияет на общий дисбаланс.

Особенностью детерминации первого уровня является использование «скрытого» подхода, когда существенные условия прямо не называются, но используются юридически тождественные обозначения. Как правило, это клише: «при отсутствии в договоре считается не согласованным сторонами, а соответствующий договор не считается заключенным». Таким образом определяются существенные условия о количестве товара (п. 2 ст. 465 ГК РФ), об объекте договора купли-продажи недвижимости (ст. 554 ГК РФ), о цене договора купли-продажи недвижимости (ст. 555 ГК РФ), об объекте аренды (ст. 607 ГК РФ), о плате за аренду зданий и сооружений (ст. 654 ГК РФ). «Скрытость» заключается не только в использовании синонимов, но и в расположении указанных правил вдали от первого плана. Очевидно, юридически корректнее и предпочтительнее явное и прямое указание существенных условий каждого договора, нежели их «припрятывание» в тексте нормативного правового акта. Даже с учетом такой особенности юридической техники первый уровень не является типичным, он используется недопустимо редко, что создает существенные проблемы при установлении на практике факта заключения того или иного договора.

положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 11.

Второй уровень детерминации характерен для иных правовых актов. Образцовым признаком является прямое указание существенных условий, но их форма, содержание и реализация зачастую не выдерживают критики. В частности, постановлением Правительства Российской Федерации от 20 ноября 2003 г. № 703 «Об утверждении Правил оказания услуг по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования»[5] (далее – Постановление) определены существенные условия договора об оказании услуг по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования. Указанный договор имеет ключевое значение, поскольку формализует отношения владельцев инфраструктуры и перевозчиков, где недопустимы приблизительность юридических формул или небрежность правовой регламентации. Тем не менее главной стилистической особенностью существенных условий в редакции Постановления является размытость, нечеткость. Как можно считать существенным условием установление порядка технического обслуживания и эксплуатации железнодорожного подвижного состава? Это регламентируется исключительно сложной системой технических норм и правил, которые устанавливаются и утверждаются отнюдь не договором перевозчика и владельца инфраструктуры.

Предполагаемые объем и сроки осуществления перевозок имеют отношение к стратегическому планированию перевозок, но предположение как существенное условие договора противоречит принципиальному пониманию таких условий. Проблема усугубляется тем, что приложением к Постановлению устанавливается Примерная форма договора об оказании услуг по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования. Более половины условий, названных в Постановлении как существенные, в Примерной форме игнорируются без какого-нибудь объяснения. Нетривиальное условие «ответственность сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, в том числе порядок возмещения ущерба, причиненного третьим лицам таким неисполнением или ненадлежащим исполнением», в Примерной форме приобретает вид самой общей формулы: «Ущерб, причиненный третьим лицам, возмещается сторонами в порядке и размерах, предусмотренных федеральными законами».

Отсутствие четкости, неясность, а нередко явные лексические ошибки и логические дефекты усложняют понимание существенных условий, определенных в нормативных правовых актах. Такое обстоятельство становится источником возможных дефектов договорной и правоприменительной практики при определении достоверности возникновения, изменения или прекращения обязательства. Институциональная роль существенных условий для установления договорных отношений, формальное значение при решении вопроса о заключении договора позволяют определить требования к качеству изложения нормативных правовых актов. Юридическая формула каждого существенного условия в законах или иных правовых актах должна отличаться внятностью, точностью, лапидарностью. Классическое требование юридической техники предполагает две главные цели – облегчение субъективного обладания правом (усвоения, изучения, уразумения, понимания права), средством к чему служит упрощение права в количественном и качественном отношениях, и облегчение операции приложения права (удобоисполнимость, практичность права) [3 с. 25–26]. Недопустимо умножение правового хаоса за счет многозначности, псевдокомплексности или неоправданной многоаспектности.

Известной тенденцией последнего времени является стремление к многомерности. В результате утверждаются договорные формы, где количество существенных условий достигает десяти и более. Примером установления широкого перечня существенных условий договора служит Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»[6]. Более десяти лет назад высказывались обоснованные возражения про-

[5] Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 47. Ст. 4552.
[6] Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 49. Ст. 5491.

тив неоправданного расширения круга существенных условий [4], в настоящее время их число возросло до двенадцати позиций (из которых почти половина – многокомпонентные). Вряд ли такой подход может получить одобрение с позиций определенности и применимости права.

Характерной чертой *третьего уровня детерминации* является необходимость специального толкования положений нормативных правовых актов. Так, согласно ст. 708 ГК РФ в договоре подряда указываются начальный и конечный сроки выполнения работы[7]. Вывод об отнесении указанного правила к существенным условиям договора подряда может быть сделан на основе сопоставления с положением о промежуточных сроках. Судебная практика признает техническое задание существенным условием договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ, поскольку подрядчик обязан соблюдать требования, содержащиеся в задании и других исходных данных для выполнения проектных и изыскательских работ, и вправе отступить от них только с согласия заказчика[8]. Вместе с тем техническое задание трудно рассматривать в качестве существенного условия в конкретных случаях правоприменения. Техническое задание представляет собой начальное указание подрядчику, и его содержание зависит от специфики выполняемых работ. На практике под техническим заданием могут пониматься совершенно различные по объему и тематике сведения, поэтому в реальности можно только констатировать наличие или отсутствие документа, называемого техническим заданием, но не согласование существенных условий договора.

Необходимость токования имеет негативные последствия для единообразия правоприменения. Судебная практика может признавать существенным условием договора подряда его цену[9], однако такой вывод противоречит правилу восполнения пробела о цене подряда (п. 1 ст. 709 ГК РФ). В целях унификации становится востребованным специальное прочтение, что позволяет сделать вывод о непризнании договора возмездного оказания услуг незаключенным при несогласовании срока оказания услуг[10]. Ошибки и неверное восприятие могут стать итогом некорректного расширительного толкования[11], вместе с тем значение размера и формы арендной платы с точки зрения практики заключения договора аренды может стать серьезным аргументом в пользу их признания существенным условием [2, с. 30–31]. Правомерная интерпретация обеспечивает эффективность правоприменения, однако ее необходимость косвенно свидетельствует о недостатках законодательства.

Четвертый уровень детерминации существенных условий договора будто задает обязательные требования к содержанию соглашения, однако в действительности такие требования не тождественны существенным условиям либо в принципе не могут являться договорными условиями. Например, важнейшими договорными формами вспомогательных отношений в сфере железнодорожного транспорта являются соглашение на эксплуатацию железнодорож-

---

[7] Отметим, что данная формула противоречит пониманию сроков в ГК РФ. Срок – это период времени; начального и конечного сроков выполнения работ не существует – это моменты течения срока.

[8] Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 31 мая 2022 г. № 10АП-7680/2022 по делу № А41-50482/2021. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

[9] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 1 октября 2015 г. № Ф05-12432/2015 по делу № А40-131038/14, постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 14 декабря 2007 г. по делу № А05-5299/2007.

[10] Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными».

[11] Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 10 апреля 2019 г. № Ф10-1345/2019 по делу № А83-933/2017; информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными».

ных путей необщего пользования и соглашение на подачу и уборку вагонов. В исследованиях названных договоров вопрос о существенных условиях чаще всего не рассматривается [5]. Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации[12] (далее – УЖДТ) прямо не устанавливает существенные условия указанных договоров, вместо этого используются лексемы «договоры должны учитывать» и «договорами устанавливаются». Можно ли считать применяемые вербальные обороты аналогией существенным условиям? Системный анализ дает скорее отрицательный ответ на поставленный вопрос. Требования к содержанию договоров относятся к технологии работы железнодорожной станции или железнодорожного пути необщего пользования и устанавливаются в нормативном порядке, а не гражданско-правовыми договорами. Следовательно, существенные условия договоров на эксплуатацию железнодорожных путей необщего пользования, а также на подачу и уборку вагонов законом фактически не установлены.

Основным нормативным правовым актом, детализирующим требования к использованию путей необщего пользования, является приказ МПС России «Об утверждении Правил эксплуатации и обслуживания железнодорожных путей необщего пользования»[13] (далее – Приказ), согласно п. 2.12 которого при уклонении одной из сторон от заключения договора другая вправе требовать принудительного заключения в судебном порядке. Аналогичное положение содержится в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 октября 2005 г.[14] Судом должны быть не просто разрешены разногласия, но утверждено наличие договора или в соответствии с ГК РФ установлено согласование его существенных условий. Законом или иными правовыми актами существенные условия договоров на эксплуатацию железнодорожных путей необщего пользования, а также на подачу и уборку вагонов не установлены. Более того, в УЖДТ вместо формулировки предмета договора указано, что договор на эксплуатацию железнодорожных путей необщего пользования регулирует эксплуатацию железнодорожных путей необщего пользования, тогда как договор на подачу и уборку вагонов регулирует подачу и уборку вагонов. Образцы примерных договоров (приложения 1–6 Правил эксплуатации и обслуживания железнодорожных путей необщего пользования) представляют собой скорее разновидность технологического акта, технические дополнения к основным правам и обязанностям сторон договора. В результате суд может столкнуться с серьезным затруднением при решении вопроса о заключении рассматриваемых договоров. Если, конечно, не придерживаться позиции, что заключение договора – это не согласование существенных условий, а подписание примерного образца.

Пятый уровень детерминации абсолютно неприемлем с точки зрения теории и практики гражданского права. Его отличительная черта – отказ от формулирования в законе или иных правовых актах существенных условий договора. Следовательно, отсутствуют правовые основания для установления факта заключения договора. Такое характерно не только для незначительных соглашений ограниченного применения, признаваемых заключенными ipso facto, но и для договоров, имеющих ключевое значение.

Фактическое отсутствие заданных существенных условий – достаточно распространенный прием современной юридической техники. Проведение структурной реформы в сфере железнодорожного транспорта существенно усложнило перевозочный процесс: наряду с перевоз-

[12] Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 2. Ст. 170.

[13] Приказ МПС России от 18 июня 2003 г. № 26 «Об утверждении Правил эксплуатации и обслуживания железнодорожных путей необщего пользования».

[14] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 октября 2005 г. № 30 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона “Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации”» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2006. № 1.

чиками и грузовладельцами относительную самостоятельность приобрели операторы железнодорожного подвижного состава. Стороны договора перевозки должны взаимодействовать с операторами, во владении которых находятся транспортные средства. Очевидно, что договоры с операторами исключительно важны для организации и осуществления доставки грузов и, следовательно, важен перечень существенных условий таких договоров. УЖДТ и Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации»[15] ограничиваются только легальным определением оператора. Более десяти лет действует постановление Правительства Российской Федерации от 25 июля 2013 г. № 626, утвердившее Положение об основах правового регулирования деятельности операторов железнодорожного подвижного состава и их взаимодействия с перевозчиками[16]. Предмет договора не сформулирован должным образом, прямо указано на его смешанный характер. Содержание договора определено как «сведения, которые, в частности, включаются в договор» или «технические, экономические и информационные условия, которые могут быть предусмотрены договором». Правоприменительная практика может оказаться перед сложной, а возможно, и неразрешимой задачей при установлении факта заключения договора. Подчеркнем, что в данном случае речь идет не о каком-то незначительном соглашении или об устойчивой традиционной договорной форме. Отмеченные дефекты присущи абсолютно новому типу отношений, радикально меняющему привычный стандартный алгоритм перевозочного процесса в сфере железнодорожного транспорта.

Перечень существенных условий не установлен для договора транспортной экспедиции. Теоретически можно предположить, что сторонам достаточно определить лишь предмет договора. Такой подход не верен, поскольку организация грузоперевозки требует согласования экспедитором и его клиентом ряда ключевых позиций, необходимых для исполнения обязательства. Даже не учитывая специфику перевозки отдельными видами транспорта, следует, в частности, назвать наименование (свойство) груза и маршрут перевозки, так как это базовые параметры действий экспедитора; наличие или отсутствие сопровождения груза экспедитором в процессе доставки, так как это позволяет различить две основные разновидности договора – исключительно организацию доставки или контроль перевозки «от двери до двери»; срок договора.

Не указаны в гражданском законодательстве также существенные условия договора банковского вклада. На практике применяются положения ст. 30 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»[17], однако, во-первых, из текста Закона неясно, к какому именно договору относится перечень условий, во-вторых, формулировка отдельных условий не соответствует требованиям внятности и точности и, в-третьих, перечень является открытым, оставляя некие неназванные условия за скобками.

Существенные условия договора комиссии не заданы ГК РФ или иными правовыми актами. Это может привести к некорректным правоприменительным выводам. Так, в судебных решениях[18] указывается, что существенными условиями договора комиссии являются определение конкретных действий комиссионера и комиссионное вознаграждение. Конкретные действия или сделки, совершаемые комиссионером, – это составная часть предмета данного договора. Что понимается под «комиссионным вознаграждением», не вполне понятно: если сама

---

[15] Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 2. Ст. 169.

[16] Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 31. Ст. 4222.

[17] Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 6. Ст. 492.

[18] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25 июля 2024 г. № Ф09-3730/24 по делу № А60-9789/2024, постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 декабря 2018 г. № Ф05-21536/2018 по делу № А40-173967/2017.

по себе возмездность договора, то такой характер очевиден; если размер вознаграждения, то налицо противоречие абз. 2 п. 1 ст. 991 ГК РФ – правило текущей цены договора.

Действующее законодательство не задает существенные условия наследственного договора. Положения ГК РФ о договоре об отчуждении исключительного права или лицензионном договоре прямо предусматривают в качестве основания признания незаключенным лишь условия о размере вознаграждения или о порядке его определения.

Заключение

Комплексный анализ позволил выявить пять уровней детерминации существенных условий в законе или иных правовых актах. Это – прямое указание условий; прямое указание условий, перечень которых включает неоднозначные или не лучшим образом сформулированные компоненты; косвенное указание, где требуется сопоставительное или логическое толкование положений закона для выявления существенных условий договора; прямое указание «существенных условий», которые нельзя понимать ни как существенные, ни как условия; отсутствие указаний, хотя конкретный договор не может не предполагать заданных условий.

На основе проведенного анализа формулируется серьезная проблема гражданского законодательства – отсутствие должного определения существенных условий договора. Для практики правоприменения данная проблема может приобретать критический и даже деструктивный характер. Принимая во внимание правовую природу признания договора незаключенным [6, с. 39–41], суд может столкнуться с неразрешимой проблемой: содержание какого-либо соглашения полностью установить невозможно, исполнить определенные условия соглашения нереально, однако отсутствуют (в силу дефекта легального закрепления существенных условий) формальные основания признания договора незаключенным.

Решение указанной проблемы предполагает один из двух альтернативных вариантов. Первый может быть назван радикальным и представляет собой отказ от жесткой взаимосвязи существенных условий и факта заключения договора. В практике правоприменения такой подход de facto признается: заключенным договором считается подписанное сторонами соглашение, вопросы согласования всех существенных условий конкретного договора не принимаются во внимание. Принципиально такое решение в известной степени отвечает характеру регулирования гражданско-правовых отношений.

Второй вариант видится в надлежащей фиксации существенных условий конкретных договоров в гражданском законодательстве или иных правовых актах. Принципиальными требованиями в этом случае являются ясность, разумная простота и вразумительность правовых конструкций. Юридические формулы должны отличаться внятностью, точностью, лапидарностью. Иначе в правоприменительной практике невозможно должным образом установить факт заключения договора. Без сомнения, судебное и доктринальное толкования способствуют определению существенных условий отдельных договоров, но принципиальная значимость договоров в системе гражданского права требует не раскрытия смыслов, а прямых формулировок в законодательстве.

Список источников

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: Общие положения М. : Статут, 1998. 682 с.

2. Булаевский Б. А. Существенные условия договора: некоторые проблемы определения // Российское правосудие. 2018. № 4. С. 27–32.

3. Иеринг Р. Юридическая техника. М. : Статут, 2008. 229 с.

4. Сирик Н. В. Существенные условия договора о реализации туристского продукта // Современное право. 2011. № 4. С. 71–73.

5. Гречуха В. Н. Договоры на эксплуатацию железнодорожных путей необщего пользования и договоры на подачу и уборку вагонов // Сибирский торгово-экономический журнал. 2016. № 1. С. 65–69.

6. Курбатов А. Существенные условия и незаключенность договоров: проблемы теории и практики // Хозяйство и право. 2012. № 6. С. 31–41.

References

1. Braginsky M. I., Vitryansky V. V. *Contract law*: *General provisions.* Moscow: Statut; 1998. 682 p. (In Russ.)

2. Bulaevsky B. A. Essence of contract: some issues of definition. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2018;(4):27-32. (In Russ.)

3. Iering R. *Legal technology*. Moscow: Statut; 2008. 229 p. (In Russ.)

4. Sirik N. V. Essential treaty provisions about realization of a tourist product: legislation problems. *Sovremennoe pravo = Modern Law.* 2011;(4):71-73. (In Russ.)

5. Grechukha V. N. Contracts for the operation of non-public railway tracks and contracts for the supply and cleaning of wagons. *Sibirskij torgovo-ekonomicheskij zhurnal = Siberian Trade and Economic Journal*. 2016;(1):65-69. (In Russ.)

6. Kurbatov A. Essential conditions and non-conclusion of contracts: problems of theory and practice. *Economy and Law*. 2012;(6):31-41. (In Russ.)

Информация об авторе

В. Г. Баукин – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права.

Information about the author

V. G. Baukin – Candidate of Sciences (Sociological), Associate Professor, Associate Professor at the Civil Law Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 23.02.2025; одобрена после рецензирования 14.03.2025; принята к публикации 03.06.2026.

The article was submitted 23.02.2025; approved after reviewing 14.03.2025; accepted for publication 03.06.2026.

Российское правосудие. 2026. № 8. С. 42–49
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 8. P. 42–49
УДК 347.2/.3 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.8.42-49

Научная статья

О защите прав третьих лиц при обеспечении доступа к объектам культурного наследия народов Российской Федерации

Валерия Владимировна Кудряшова
Дальневосточный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Хабаровск, Российская Федерация, lera_patrakova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы реализации гражданами конституционного права доступа к объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) с позиции цивилистического регулирования. В качестве объекта исследования выступают общественные отношения, в которые вовлекаются (подчас против их воли) собственники таких объектов. Исследуемые отношения связаны с конфликтом публичного права и частноправового интереса. Целью исследования является поиск оптимального правового режима, который позволил бы, не ущемив права на доступ к объектам культурного наследия, защитить собственников таких объектов от излишнего вмешательства в их частную жизнь.
В качестве примера анализируется актуальная практика Верховного суда Великобритании. Формулируются предложения, направленные на разработку оптимальных условий доступа к объектам культурного наследия.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, доступ к культурным ценностям, деликт зловредности

Для цитирования: Кудряшова В. В. О защите прав третьих лиц при обеспечении доступа к объектам культурного наследия народов Российской Федерации // Российское правосудие. 2026. № 8. С. 42–49. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.42-49.

Original article

On the Protection of the Rights of Third Parties in Providing Access to Cultural Heritage Sites of the Peoples of the Russian Federation

Valeria V. Kudryashova
Far-Eastern Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Khabarovsk, Russian Federation, lera_patrakova@mail.ru

Abstract. The article examines the issues of citizens' realization of the constitutional right of access to cultural heritage (historical and cultural monuments) objects from the perspective of civil regulation. The object of the study is social relations, in which the owners of such objects are involved (sometimes against their will). The studied relations are connected with the conflict of public law and private legal interest. The aim of the study is to find an optimal legal regime that would allow, without prejudice to the right of access to cultural heritage sites, to protect the owners of such objects from unnecessary interference in their private lives.

© Кудряшова В. В., 2026

The current practice of the Supreme Court of Great Britain is analyzed as an example. Proposals are formulated aimed at developing optimal conditions for access to cultural heritage sites.

Keywords: cultural heritage sites, access to cultural values, tort of malignity

For citation: Kudryashova V. V. On the protection of the rights of third parties in providing access to cultural heritage sites of the peoples of the Russian Federation. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(8):42-49. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.42-49.

Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации (далее также – объекты культурного наследия), являясь объектами гражданских прав (вещами), обладают двойственной правовой природой, сочетая в себе как частноправовые, так и публично-правовые начала. Законодатель поэтому устанавливает отдельные изъятия из общего регулирования для того, чтобы достигнуть подчас противоположных целей их сохранения и популяризации.

Так, одной из задач популяризации объектов культурного наследия является распространение информации о них и предоставление к ним доступа максимально широкому кругу лиц. В то же время задача сохранения объекта культурного наследия требует в каких-то ситуациях обеспечить его неприкосновенность. Законодатель, таким образом, вынужден балансировать, чтобы достичь столь противоречивых целей.

Обеспечение доступа широкому кругу лиц к объектам культурного наследия – задача правоприменителя, закрепленная в Конституции Российской Федерации (ч. 2 ст. 44). На первый взгляд, все понятно и бесспорно: объекты культурного наследия являются сохранившимся свидетельством о прошедших временах и событиях, любой человек должен иметь возможность увидеть их. Действительно, понятие «доступ» в действующем законодательстве не раскрывается и не конкретизируется, в связи с чем можно только предполагать, какие действия в рамках доступа являются допустимыми. Вероятно, следует считать, что в понятие «доступ» входят все действия, направленные на ознакомление с объектом культурного наследия, не затрагивающие его целостность и не причиняющие ему вреда. Например, сооружения Московского Кремля можно осматривать, фотографировать и даже трогать. Однако следует обратить внимание на пределы такой доступности.

Например, многоквартирный жилой дом, расположенный по адресу: г. Хабаровск, ул. Волочаевская, д. 153, является объектом культурного наследия регионального значения[1]*. Значит ли это, что граждане могут в любое время заходить в дом и любую квартиру с целью их осмотреть? И могут ли они заходить во все помещения, независимо от их современного функционального назначения? На этот вопрос у законодателя есть ответ, обусловленный системным анализом законодательства об объектах культурного наследия: собственник обязан обеспечить доступ к объекту культурного наследия только в пределах предмета его охраны.*

В соответствии с приказом управления государственной охраны объектов культурного наследия Правительства Хабаровского края от 17 января 2024 г. № 27.1.5/10[2] в предмет охраны

[1] Постановление Законодательной Думы Хабаровского края от 11 февраля 1998 г. № 46 «Об утверждении Списка памятников истории и культуры краевого значения, подлежащих государственной охране» // Сборник нормативных актов Законодательной Думы Хабаровского края. 1998. № 2.

[2] Приказ управления государственной охраны объектов культурного наследия Правительства Хабаровского края от 17 января 2024 г. № 27.1.5/10 «Об утверждении предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения “Дом жилой”, 1950-е гг., Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Волочаевская, д. 153» // Управление государственной охраны объектов культурного наследия Правительства Хабаровского края : [сайт]. URL:https://nasledie.khabkrai.ru/Dokumenty (дата обращения: 23.06.2024).

жилого дома входят его крыша, фасады, габариты и конфигурация оконных проемов, декоративные элементы фасадов, балконы и лоджии, декоративное оформление оконных и дверных проемов, лестничные клетки. Именно в нормативном правовом акте, содержащем описание предмета охраны, указаны те элементы объекта культурного наследия, к которым граждане могут получить доступ. В рассматриваемом примере граждане могут осмотреть только экстерьер здания, так как отдельные квартиры (интерьер здания) в предмет охраны не включены.

Еще один вопрос связан с доступом к объектам культурного наследия – возможность связи (и даже ущемления) прав третьих лиц, тех лиц, которые не являются собственниками объекта культурного наследия и не реализуют свое право доступа к нему. Например, Александровский дворец, Мемориальный музей-лицей имени А. С. Пушкина (г. Пушкин, Санкт-Петербург) расположены поблизости от жилых домов. В «туристический» сезон жители близко расположенных домов не только не могут припарковаться возле своего дома, но иногда даже беспрепятственно пройти к нему.

Именно установлению способов защиты прав этих лиц, невольно вовлеченных в отношения, связанные с обеспечением доступа к объектам культурного наследия, посвящено настоящее исследование. Права таких граждан на доступ к своему жилью, на приватность своей жизни, на охрану ее тайны могут нарушаться правами других граждан на доступ к объектам культурного наследия.

Следовательно, для создания оптимального правового режима, связанного с предоставлением и обеспечением доступа к объектам культурного наследия, следует определить не только правовое положение собственников таких объектов и третьих лиц, желающих ознакомиться с объектами (непосредственных участников отношений, связанных с доступом), но и правовое положение иных лиц, которые прямо не участвуют в отношениях, связанных с доступом к объектам культурного наследия, но оказываются зачастую против своей воли втянутыми в них в качестве косвенных участников.

Для демонстрации подобных правоотношений достаточно интересным и показательным является пример из практики Верховного суда Великобритании. Несомненно, в других странах также регулируются вопросы доступа к культурному наследию, однако в настоящей статье пример Великобритании взят в связи с тем, что высшим судом страны рассмотрена проблема, аналогичная исследуемой в настоящей статье. Следует сразу оговориться, что в приведенном примере речь не идет о прямом доступе к объекту культурного наследия, однако в нем рассматривается вопрос пределов использования культурных ценностей (термин используется в понимании российского законодательства) и защиты прав третьих лиц.

Верховный суд Великобритании (дело Fearn and others (Appellants) v Board of Trustees of the Tate Gallery (Respondent)) признал, что лондонская галерея Tate Modern нарушила права жильцов соседних домов, допуская посетителей на смотровую площадку, откуда просматривались квартиры этих жильцов. Собственники квартир, расположенных рядом со смотровой площадкой, обратились с иском к галерее. Внешние стены квартир были изготовлены преимущественно из стекла, поэтому посетители смотровой площадки регулярно заглядывали в квартиры. Верховный суд, отменяя решения нижестоящих судов и удовлетворяя иск жильцов, указал, что «...это не может служить оправданием для разрешения ответчику нарушать права истцов без компенсации»[3].

В английском и американском праве существует институт nuisance («зловредность»), т. е. нарушение права лица спокойно владеть собственностью. Существуют разные переводы указанно-

[3] Портал управления делами Верховного суда Великобритании (UKSC) и Судебного комитета Тайного совета (JCPC). URL: https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2020-0056 (дата обращения: 01.05.2024).

го термина на русский язык, однако автор не будет углубляться в вопросы лингвистики. В рамках настоящей статьи автор придерживается перевода, приведенного в учебном пособии «Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве»[4].

Под такой «зловредностью» понимают действия лица, которые нарушают права другого лица – собственника недвижимости. В современном английском праве nuisance подразделяется на «публичную зловредность» и «частную зловредность». «Публичная зловредность» – действия, причиняющие вред группе лиц. Для признания таких действий противоправными необходимо доказать, что вторжение является существенным и что ответчик осуществляет пользование своим земельным участком необычным способом (т. е. способом, отличным от «нормального», «привычного» использования земельного участка).

При квалификации действий ответчика суды оценивают характер действий (бездействия), которые доставляют неудобства соседям. Такие действия (бездействие) должны выходить за пределы общепринятого и допустимого. Например, это ситуация, при которой очередь в кассу театра загораживала вход в магазин. Действия галереи Tate Modern в этом случае были квалифицированы как деликт «публичной зловредности».

Аналогичный институт знаком и европейскому деликтному праву [1]. Российскому законодательству не знаком «деликт зловредности», однако можно провести некоторую аналогию рассматриваемого деликта с негаторным иском.

В силу ст. 304 ГК РФ собственник может требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения. Из совместного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»[5] следует, что при рассмотрении таких исков истцу необходимо доказать, что действиями ответчика, не связанными с лишением владения, нарушаются его право собственности или законное владение. Истцу также необходимо доказать противоправность действий лица, к которому такой иск предъявлен[6].

Б. М. Гонгало относит негаторный иск к мерам принуждения в гражданском праве, отмечая, что его использование «естественно… происходит по воле лица, потерпевшего от правонарушения»[7]. О. Н. Репина отмечает, что «иск предъявляется с целью запрета на совершение неправомерных действий» [2, с. 114]. Однако в науке существует и иное мнение. Например, С. А. Синицын указывает, что «действия ответчика не должны в обязательном порядке являться противоправными или незаконными, поскольку решающим являются отношение и реакция…» [3, с. 90] другой стороны.

Возможность предъявления негаторного иска при условии совершения ответчиком правомерных действий является крайне спорной. Кроме того, судами в основном рассматриваются споры, в которых доказывается противоправность (незаконность) действий ответчика.

---

[4] *Егорова М. А., Крылов В. Г., Романов А. К.* Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве : учеб. пособие. М. : Юстицинформ, 2017. С. 10.

[5] Российская газета. 2010. 21 мая.

[6] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2008 г. № 8609/08 по делу № А40-41193/07-52-388 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 5; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 октября 2015 г. № 309-ЭС15-6673 по делу № А60-25477/2013 // Электронное правосудие : [сайт]. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/35a65df6-40fa-4234-8aab-e86ebbb7f646.

[7] *Алексеев С. С., Алексеева О. Г., Беляев К. П. и др*. Гражданское право : учеб. : в 2 т. Т. 1 / под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2018. С. 248.

При обеспечении доступа к объектам культурного наследия стороны (и собственник объекта, и лицо, желающее ознакомиться с объектом) действуют изначально правомерно, реализуя предоставленное им конституционное право и исполняя корреспондирующую ему обязанность. Интересы третьих лиц оказываются косвенно затронутыми при обеспечении такого доступа. Например, здание – жилой дом является объектом культурного наследия. Предметом охраны является только экстерьер. Лица, желающие ознакомиться с внешним видом здания, непроизвольно заглядывают в окна жильцов первого этажа, квартиры которых не отнесены к предмету охраны. Или при тех же условиях к объекту охраны отнесен не только экстерьер, но и лестничные марши, лифты в подъездах. Заходящие в подъезд люди могут мешать проживающим в подъезде, пачкать полы и т. д. Возникает вопрос: вправе ли жильцы такого дома – объекта культурного наследия требовать защиты своих прав?

С содержательной точки зрения негаторный иск в данном случае, естественно, неприменим. Невозможен иск жильцов дома к… (кому?) о запрете на доступ к объекту культурного наследия при условии, что такой доступ гарантирован Конституцией Российской Федерации. В таком иске и ответчики не могут быть однозначно определены: ведь таковыми являются все желающие получить доступ к объекту культурного наследия. Это не может быть и орган охраны объектов культурного наследия.

Тем самым лица, права и интересы которых оказались затронуты в результате реализации прав другими гражданами, не могут обратиться за судебной защитой. При этом представляется лишенным смысла внесение предложения об имплементации норм, аналогичных «деликту зловредности» в Великобритании. Е. Д. Тягай отмечает, что «включение таких категорий в терминологический аппарат российского гражданского права едва ли является целесообразным» [4, с. 209].

Действительно, установление судом запрета на доступ к объекту культурного наследия будет являться нарушением конституционных норм. Однако недопустимо оставлять таких граждан без какой-либо защиты. Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 16 мая 2000 г. № 8-П указал: «Само социальное предназначение объектов… является… обременением»[8], что в полной мере справедливо для объектов культурного наследия.

В данном случае целесообразно установление справедливой, соразмерной компенсации, обеспечивающей баланс публичных и частных интересов. Возможность выплаты гражданам компенсации за нарушение их прав правомерными действиями рассмотрим через призму положений ст. 16.1 ГК РФ. Для этого необходимо обратиться к п. 4 ст. 47.4 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»[9] (далее – Закон об объектах культурного наследия), согласно которому условия доступа к объекту культурного наследия устанавливаются соответствующим органом охраны объектов культурного наследия. При этом условии следует рассмотреть вопрос о возможности предъявления иска в порядке ст. 16.1 ГК РФ к органу охраны объектов культурного наследия.

Убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, подлежат возмещению. Под убытками понимаются реальный ущерб и упущенная выгода (п. 2 ст. 15 ГК РФ). Для понимания случаев обращения за такой компенсацией в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой

---

[8] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2000 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой компании “Timber Holdings International Limited”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 21. Ст. 2258.

[9] Российская газета. 2002. 29 июня.

Гражданского кодекса Российской Федерации»[10] в качестве примеров приведены: изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд (ст. 279 ГК РФ), предоставление транспортными организациями льгот по провозной плате (п. 5 ст. 790 ГК РФ), а также действия по пресечению террористического акта (Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»[11]).

Приведенные примеры объединяет наличие реального ущерба имуществу граждан. В качестве одного из условий возмещения убытков выступает наличие соответствующего закона[12]. В сфере регулирования земельных отношений Конституционный Суд Российской Федерации указал: основанием для возмещения убытков, причиненных собственникам земельных участков ограничением их прав на землю органом государственной власти или органом местного самоуправления по причине правомерного установления или изменения зоны охраны объекта культурного наследия, является само наличие убытков, вызванных правомерными действиями этого органа[13]. Однако в судебной практике не найдено случаев истребования компенсации при причинении вреда личным неимущественным интересам (например, права на неприкосновенность частной жизни).

Учитывая отсутствие соответствующего закона, положения ст. 16.1 ГК РФ также не могут быть применены к исследуемым правоотношениям.

Следующий этап – рассмотрение возможности применения норм, регулирующих защиту нематериальных благ. В соответствии с п. 2 ст. 150 ГК РФ принадлежащие гражданину нематериальные блага могут быть защищены, в частности, путем признания судом факта нарушения его личного неимущественного права, опубликования решения суда о допущенном нарушении, а также путем пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо. Как уже было указано, пресечение или запрет в судебном порядке действий по доступу к объекту культурного наследия не представляются возможными. Признание факта нарушения поэтому не имеет практического смысла.

Таким образом, следует констатировать, что лица, нематериальные блага которых (например, право на неприкосновенность частной жизни) затронуты в процессе реализации другими лицами своего права на доступ к объекту культурного наследия, не имеют правовых оснований для обращения за судебной защитой своего нарушенного права.

Вместе с тем из-за отсутствия в ГК РФ специальных норм, регламентирующих возможность защиты прав третьих лиц в исследуемых отношениях, следует обратиться к нормам Закона об объектах культурного наследия, в соответствии с которыми обязанность по установлению периодичности, длительности и иных характеристик доступа возложена на орган охраны объектов культурного наследия. Представляется, что способы защиты нематериальных благ

---

[10] Российская газета. 2015. 30 июня.

[11] Российская газета. 2006. 10 марта.

[12] *Асосков А. В., Байбак В. В., Бевзенко Р. С. и др*. Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. С. 836.

[13] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 1485-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кулькова Бориса Владимировича на нарушение его конституционных прав подпунктами 4 и 5 пункта 1 и пунктом 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации, статьей 16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: https://ksrf.ru/doc/KSRFDecision481341.pdf; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. С. Бутримовой». URL: https://ksrf.ru/doc/KSRFDecision457757.pdf.

третьих лиц в исследуемых отношениях следует искать не в нормах законодательства, а в правоприменительных актах.

Например, достаточно интересной является практика, сложившаяся в г. Москве. С 2000 года по согласованию с собственниками объектов культурного наследия региональный исполнительный орган организует экскурсии в Дни исторического и культурного наследия Москвы. «Особым интересом аудитории пользуются экскурсии с посещением объектов культурного наследия, в которых располагаются дипломатические представительства иностранных государств, представительства субъектов Российской Федерации, коммерческие организации»[14]. Такой подход позволяет в достаточной степени и защитить интересы (в том числе и неприкосновенность частной жизни) собственников объектов культурного наследия, и обеспечить реализацию права на доступ к объектам культурного наследия. Возможность посещения (бесплатного, что немаловажно) объекта культурного наследия по согласованному с его собственником графику всего дважды в год – хороший пример достижения баланса интересов частных (собственника) и публичных (лиц, желающих получить доступ). К сожалению, такая практика не является широко распространенной.

Заключение

С учетом сложившейся практики полагаем, что именно орган охраны объектов культурного наследия должен устанавливать условия доступа таким образом, чтобы реализация права на доступ не наносила вреда третьим лицам. Кроме того, именно орган охраны сможет оценить все обстоятельства, связанные как с характеристикой объекта, так и с характеристикой местности, на которой он расположен, для установления наименее обременительных условий доступа (в данном случае автором использовано требование к установлению сервитута, сформулированное Верховным Судом Российской Федерации в Обзоре судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок[15]). В случае отсутствия таких условий или формального их определения следует признать возможность понуждения органа охраны объектов культурного наследия к установлению таковых. Здесь следует говорить о расширении прав органа охраны объектов культурного наследия, в частности, возможности установления запрета на въезда на определенную территорию.

Учитывая, что сформулированные в настоящей статье предложения по оптимизации правового режима доступа к объектам культурного наследия не связаны с внесением изменений в действующее законодательство, считаем целесообразной разработку посвященного этим вопросам постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Список источников

1. Зульфугарзаде Т. Э. Определение зловредности в Европейском деликтном праве при рассмотрении дел о внедоговорной ответственности в нанобиотехнологической сфере // Экономика. Право. Общество. 2020. Т. 5, № 3. С. 37–42.

2. Репина О. Н. Негаторный иск в системе мер защиты прав собственника // Научные междисциплинарные исследования : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 20 июля 2020 г.) / отв. ред. Н. В. Емельянов. Саратов : Цифровая наука, 2020. С. 113–117.

3. Синицын С. А. Негаторный иск в российском и зарубежном праве // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 84–101.

[14] Департамент культурного наследия города Москвы. Дни исторического и культурного наследия. URL: https://www.mos.ru/dkn/function/populiarizatciia/dni-istoricheskogo-i-kulturnogo-naslediia/.

[15] Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 апреля 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 11.

4. Тягай Е. Д. Особенности защиты и меры юридической ответственности за нарушение прав собственников недвижимого имущества в США // Lex russica. 2017. № 5. С. 205–218.

References

1. Zulfugarzade T. E. The definition of malignancy in European tort law in cases of non-contractual liability in the field of nanobiotechnology. *Economics. Law. Society.* 2020;5(3):37-42. (In Russ.)

2. Repina O. N. Negative claim in the system of measures for protecting owner rights. In: N. V. Emelyanov, ed. *Scientific interdisciplinary research.* Collection of articles of the III International Scientific and Practical Conference (Saratov, 20 July 2020). Saratov: Tsifrovaya nauka; 2020. Pp. 113–117. (In Russ.)

3. Sinitsyn S. A. Actio negatoria in the Russian and foreign law. *Journal of Russian Law.* 2014;(4):84-101. (In Russ.)

4. Tyagay E. D. The peculiarities of protection and measures of legal liability for violations of the rights of real estate owners in the united states. *Lex Russica.* 2017;(5):205-218. (In Russ.)

Информация об авторе

В. В. Кудряшова – преподаватель кафедры гражданского права.

Information about the author

V. V. Kudryashova – Lecturer at the Civil Law Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 17.02.2025; принята к публикации 03.06.2026.

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 17.02.2025; accepted for publication 03.06.2026.

Российское правосудие. 2026. № 8. С. 50–56
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 8. P. 50–56
УДК 346.9 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.8.50-56

Научная статья

Организация деятельности медиаторов: правовые противоречия

Екатерина Владимировна Лебедева

Уральский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Челябинск, Российская Федерация, lebedeva-ekateri@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9413-3319

Аннотация. В статье анализируются правовые проблемы, связанные с организацией деятельности медиаторов. Цель исследования заключается в установлении подхода законодателя и правоприменителя к отношениям по организации деятельности медиаторов, в том числе в определении места медиативной деятельности, т. е. признании ее предпринимательской или профессиональной деятельностью. Кроме того, в работе осуществляется правовой поиск организационно-правовой формы саморегулируемой организации медиаторов.

Задачи исследования: выявить позиции законодателя и правоприменителя относительно понимания статуса медиатора (в частности, изучается вопрос отнесения медиатора к субъектам предпринимательской или к субъектам профессиональной деятельности).

Исследование проводилось с использованием формально-логического метода и метода анализа.

Анализ норм права, регулирующих правоотношения, связанные с организацией медиативной деятельности, показал необходимость приведения в соответствие друг с другом норм права, изложенных в Гражданском кодексе Российской Федерации и Федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», Федеральном законе «О некоммерческих организациях» относительно организационно-правовой формы саморегулируемых организаций в целом, а также саморегулируемых организаций медиаторов в частности. Кроме того, автор обосновывает необходимость обязательного участия медиатора в ассоциации (союзе) медиаторов, подчеркивает неправомерность осуществления медиативной деятельности путем получения статуса индивидуального предпринимателя или самозанятого лица.

Ключевые слова: медиатор, медиативная деятельность, саморегулируемая организация, ассоциация (союз), некоммерческое партнерство, профессиональная деятельность, предпринимательская деятельность, институт гражданского общества

Для цитирования: Лебедева Е. В. Организация деятельности медиаторов: правовые противоречия // Российское правосудие. 2026. № 8. С. 50–56. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.50-56.

Original article

Organization of Mediators' Activities: Legal Contradictions

Ekaterina V. Lebedeva

Ural Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Chelyabinsk, Russian Federation, lebedeva-ekateri@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9413-3319

© Лебедева Е. В., 2026

Abstract. The article analyzes legal issues related to the organization of mediators' activities. The purpose of the study is to establish a uniform/non-uniform approach of the legislator and law enforcement officer to relations on the organization of mediators' activities, including determining the place of mediation activities (that is, classifying it as a business entity or a professional entity). In addition, the work carries out a legal search for the organizational and legal form of a self-regulatory organization of mediators. The objectives of the study are to identify the positions of the legislator and law enforcement officer regarding the understanding of the mediator's status (in particular, the issue of classifying a mediator as a business entity or a professional entity is studied).
The study was conducted using the formal-logical method and the method of analysis.
An analysis of the legal norms governing legal relations related to the organization of mediation activities has shown the need to bring into line the legal norms set out in the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Alternative Dispute Settlement Procedure with the Participation of an Intermediary (Mediation Procedure)," the Federal Law "On Non-Profit Organizations" regarding the organizational and legal form of self-regulatory organizations in in general, as well as self-regulatory organizations of mediators, in particular. In addition, the author substantiates the need for mandatory participation of a mediator in an association (union) of mediators, emphasizing the illegality of mediating activities by obtaining the status of an individual entrepreneur or self-employed person.

Keywords: mediator, mediation activity, self-regulatory organization, association (union), non-profit partnership, professional activity, entrepreneurial activity, civil society institution

For citation: Lebedeva E. V. Organization of mediators' activities: legal contradictions. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(8):50-56. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.50-56.

Возможность рассмотрения споров не только в судебном порядке, но и альтернативным путем – с помощью посредника-медиатора является позитивным направлением регулирования общественных отношений. В данном случае медиатор является одним из элементов институтов гражданского общества, способствующих реализации государством правоохранительной (в широком смысле) функции [1, с. 21–26]. В настоящее время медиативная деятельность может осуществляться лицами на профессиональной и непрофессиональной основе.

Организации, осуществляющие деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, могут создавать объединения в форме ассоциаций (союзов) и в иных предусмотренных законодательством Российской Федерации формах. Такие организации могут быть членами саморегулируемых организаций медиаторов (ст. 15, 16 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[1], далее – Закон о медиации). В. Е. Чиркин рассматривал саморегулируемые организации как юридические лица публичного права, поскольку они действуют не только в интересах частных (физических и юридических) лиц, но и в интересах государства (при обязательном членстве в саморегулируемых организациях) [2, с. 94].

Несмотря на то что медиативная деятельность осуществляется уже почти 15 лет, на практике имеются некоторые проблемы, связанные с правовым статусом медиатора, что отмечают исследователи[2].

---

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.

[2] См., например: *Абакумова О. А.* К вопросу о возможности применения института медиации в налоговых спорах // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 198–203; *Доля М. А.* О некоторых проблемных аспектах регламентации правового статуса медиатора // Право и практика. 2021. № 4. С. 219; *Левушкин А. Н.* Медиация в предпринимательской деятельности: проблемы эффективности правоприменения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 7. С. 138–145; *Минкина Н. И.* Профессия медиатора: актуальные вопросы нормативного регулирования в России // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2023. № 4. С. 62–71, и др.

Главный вопрос: медиатор является субъектом предпринимательской или профессиональной деятельности? Какие имеются риски, неблагоприятные последствия некорректного рассмотрения статуса медиаторов?

В настоящее время в России предпринимательская деятельность может осуществляться только специальными субъектами, зарегистрированными в установленном порядке. Указанный вывод следует из норм, закрепленных в п. 1 ст. 2 и в п. 1 ст. 23 ГК РФ. Среди таких субъектов выделяются юридические лица. Также к субъектам предпринимательской деятельности относятся индивидуальные предприниматели и лица, обязанные платить налог на профессиональный доход (далее – самозанятые лица, самозанятые граждане), статус которых регулируется Федеральным законом от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”»[3].

Лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, условно включены в круг «хозяйствующих субъектов». Понятие «хозяйствующий субъект» раскрывается в ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»[4] (далее – Закон о защите конкуренции), согласно которой хозяйствующими субъектами признаются: 1) юридические лица; 2) индивидуальные предприниматели; 3) иные физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющие профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации.

К последней группе, как представляется, относятся адвокаты, медиаторы, арбитражные управляющие, оценщики, патентные поверенные, нотариусы, занимающиеся частной практикой, и др.[5] Данный вывод следует из системного толкования норм, закрепленных в Законе Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. № 1032-I «О занятости населения в Российской Федерации»[6] (ст. 2), Основах законодательства Российской Федерации о нотариате[7] (ст. 6), Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»[8] (далее – Закон об адвокатуре) (ст. 1), Законе о медиации (ч. 3 ст. 15), Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[9] (ст. 20) и др. Кроме того, в ст. 10 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»[10] в качестве застрахованных лиц отдельно выделяются такие субъекты, как индивидуальные предприниматели, с одной стороны, а также адвокаты, нотариусы, занимающиеся частной практикой, медиаторы, адвокаты и другие субъекты, с другой стороны. Федеральная налоговая служба также рассматривает в качестве субъектов профессиональной деятельности адвоката, медиатора, нотариуса, занимающегося частной практикой, арбитражного управляющего, оценщика, патентного поверенного и иных лиц, занимающихся в установленном законодательством Российской Федерации порядке частной практикой[11].

---

[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7494.

[4] Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

[5] Более подробно см.: [3].

[6] Бюллетень нормативных актов РСФСР. 1992. № 1.

[7] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-I // Российская газета. 1993. 13 марта.

[8] Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.

[9] Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 3. Ст. 4190.

[10] Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 49. Ст. 6422.

[11] Письмо Федеральной налоговой службы от 17 января 2024 г. № БС-4-11/352@. Здесь и далее доступ из СПС «Гарант», если не указано иное.

Сложно не согласиться с позицией Н. В. Рубцовой о недопустимости отождествления предпринимательской и профессиональной деятельности. Указанный автор справедливо отмечает, что профессиональная деятельность основывается на трудовых навыках или прямо связана с выполнением публично значимых функций, а предпринимательская деятельность имеет экономическое содержание, направлена на получение прибыли [4, с. 21]. Д. Ч. Салихова полагает, что признаком профессиональной непредпринимательской деятельности является ее социально значимая некоммерческая цель [5, с. 153].

С учетом изложенного медиатор осуществляет профессиональную, а не предпринимательскую деятельность. Данный вывод подтверждается и позицией законодателя, согласно которой деятельность медиатора не признается предпринимательской (ч. 3 ст. 15 Закона о медиации), а также позициями ученых [4, с. 19].

Вместе с тем на практике медиаторы осуществляют свою деятельность фактически как самозанятые лица, как индивидуальные предприниматели либо как члены некоммерческой организации, созданной в форме ассоциации (союза) и в иных организационно-правовых формах. В частности, Н. И. Минкина указывает, что медиаторы могут осуществлять свою деятельность путем регистрации статуса индивидуального предпринимателя либо как работники, находясь в трудовых отношениях с индивидуальным предпринимателем [6, с. 64].

Однако осуществление медиативной деятельности путем регистрации статуса субъекта предпринимательской деятельности представляется некорректным. Закон прямо указывает, что медиативная деятельность не является предпринимательской, вследствие чего для ее осуществления не требуется регистрация (создание) специального статуса (коммерческого юридического лица, индивидуального предпринимателя, самозанятого гражданина). При этом, к примеру, в Уставе ассоциации «Лига медиаторов Южного Урала» (г. Челябинск) указано, что членами ассоциации (союза) являются физические лица и индивидуальные предприниматели[12]. Кроме того, наличие данного обстоятельства подтверждается и позицией Федеральной налоговой службы[13]. В письме указанного органа устанавливается невозможность применения упрощенной системы налогообложения к медиатору, осуществляющему медиативную деятельность, зарегистрированному как индивидуальный предприниматель и не осуществляющему предпринимательскую деятельностью. Таким образом, в данном случае налоговый орган подтверждает факт наличия статуса субъекта предпринимательской деятельности у медиатора.

С учетом изложенного *деятельность медиатора*, подобно деятельности адвоката, нотариуса, занимающегося частной практикой, и других лиц, *является профессиональной деятельностью* (а не предпринимательской). В материалах судебной практики также подчеркивается, что статус медиатора не может быть рассмотрен как частично приравненный к статусу предпринимателя[14].

Чтобы снять эти противоречия, следует обязать всех медиаторов быть членами некоммерческих организаций – ассоциаций (союзов) для осуществления медиативных услуг, а не регистрировать их статус индивидуального предпринимателя или самозанятого лица. Кроме того, ассоциации (союзы) медиаторов должны быть членами саморегулируемых организаций медиаторов (Закон о медиации не обязывает, а предоставляет такую возможность).

В настоящее время имеется положительный опыт организации адвокатской деятельности (относящейся так же, как медиативная, к профессиональной деятельности), который может быть взят

---

[12] Сайт ассоциации «Лига медиаторов Южного Урала». URL: https://mediator74.ru/.

[13] Письмо Федеральной налоговой службы от 27 июня 2019 г. № ЕД-3-20/6212@ «О рассмотрении обращения».

[14] Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Пермского краевого суда от 7 сентября 2022 г. по делу № 33а-6694/2022.

за основу при регулировании правоотношений, связанных с организацией медиативной деятельности. Так, лицо, в установленном порядке получившее статус адвоката, самостоятельно занимается одним из видов профессиональной деятельности – адвокатской деятельностью. При этом адвокат является членом некоммерческой организации (юридической консультации, коллегии адвокатов, адвокатского бюро) либо создает адвокатский кабинет. Кроме того, каждый адвокат также должен быть членом Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации. Адвокатские палаты субъектов Российской Федерации являются членами Федеральной адвокатской палаты.

Вызывает интерес вопрос о возможности совмещения медиативной и адвокатской деятельности. В Законе об адвокатуре и Законе о медиации не содержатся нормы права, прямо регулирующие рассматриваемый аспект. Вместе с тем в Кодексе профессиональной этики адвоката[15] установлено, что адвокат вне рамок адвокатской деятельности может также осуществлять и деятельность медиатора.

Вместе с тем закон не запрещает медиатору заниматься помимо медиативной деятельности и предпринимательской деятельностью (ч. 4 ст. 15 Закона о медиации). Органы исполнительной власти также придерживаются этой позиции. К примеру, Федеральная налоговая служба устанавливает порядок уплаты страховых взносов в совокупном фиксированном размере, уплачиваемых лицами, являющимися индивидуальными предпринимателями и одновременно осуществляющими профессиональную деятельность (деятельность медиатора, адвоката, арбитражного управляющего и др.)[16].

Как указано ранее, в соответствии с п. 1 ст. 15 Закона о медиации медиатор может осуществлять свою деятельность на профессиональной или непрофессиональной основе. Из это следует, что при осуществлении медиатором деятельности на профессиональной основе медиативная деятельность будет признаваться профессиональной деятельности. Однако спорный характер имеет статус медиатора, который осуществляет медиативную деятельность на непрофессиональной основе. Как отмечает Н. И. Минкина, при осуществлении медиатором деятельности на непрофессиональной основе имеется ценный потенциал, при этом данный ресурс не всегда широко и грамотно используется [6, с. 67].

Рассмотрение статуса медиатора как субъекта предпринимательской деятельности влечет ошибочное понимание сферы действия норм права, регулирующих данный статус. К примеру, только на субъекта предпринимательской деятельности распространяются нормы права, закрепленные в п. 3 ст. 401 ГК РФ (ответственность без вины). При возложении мер ответственности на медиатора применяются специальные нормы. При этом С. С. Шуренкова справедливо указывает на слабую правовую «проработанность» института гражданско-правовой ответственности медиаторов [7, с. 206]. Кроме того, на субъектов предпринимательской (а не профессиональной) деятельности распространяются нормы права, регулирующие предпринимательские договоры (например, договор поставки, контрактации, коммерческой концессии и пр.), а также нормы права, регулирующие правоотношения по страхованию предпринимательского риска.

К тому же для субъектов предпринимательской деятельности предусмотрена специальная система налогообложения (к примеру, в силу ст. 343.11 НК РФ организации и индивидуальные предприниматели могут применять упрощенную систему налогообложения, самозанятые лица обязаны платить налог на профессиональный доход). Медиаторы же обязаны платить налог на доход физических лиц (гл. 23 НК РФ)[17].

---

[15] Кодекс профессиональной этики адвоката (принят первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) // Российская газета. 2005. № 222.

[16] Письмо Федеральной налоговой службы от 17 января 2024 г. № БС-4-11/352@.

[17] Письмо Департамента налоговой и таможенной политики Минфина России от 20 мая 2019 г. № 03-11-11/35989.

Кроме того, в силу ч. 2 ст. 18 Закона о медиации саморегулируемые организации медиаторов создаются в форме ассоциаций (союзов) или некоммерческих партнерств. Согласно п. 2 ст. 8 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»[18] (далее – Закон о некоммерческих организациях) также предусматривается возможность создания саморегулируемых организаций в форме некоммерческих партнерств. Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»[19] (п. 3 ст. 3) не определяет организационно-правовую форму саморегулируемой организации (как вида некоммерческого юридического лица), а содержит нормы отсылочного характера к ГК РФ и Закону о некоммерческих организациях.

Вместе с тем в силу подп. 3 п. 1 ст. 50 ГК РФ саморегулируемые организации могут быть созданы только в форме ассоциации (союза), а некоммерческие партнерства являются видами ассоциации (союза). На отсутствие четкой системы организационно-правовых форм юридических лиц указывал также А. Я. Курбатов [8, с. 7].

Известное еще римскому праву правило гласит: «Lex specialis derogat generali» (лат. – «специальный закон отменяет общий закон»). Однако при этом также имеется и другое правило – «Lex posterior derogat legi priori» (лат. – «поздний закон отменяет более ранний закон»). Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ[20] были внесены изменения в ст. 50 ГК РФ, согласно которым все организационно-правовые формы некоммерческих юридических лиц были структурированы и классифицированы. Таким образом, Федеральный закон № 99-ФЗ является более поздним по отношению к Закону о медиации и Закону о некоммерческих организациях.

В силу п. 2 ст. 3 ГК РФ нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать Гражданскому кодексу. С учетом изложенного противоречие названных выше норм права следует устранить путем указания в ч. 2 ст. 18 Закона о медиации, а также в Законе о некоммерческих организациях, что саморегулируемые организации могут быть созданы только в форме ассоциации (союза).

Таким образом, представляется необходимым внести изменения в Федеральный закон «О медиации» путем включения в него норм права об обязательном участии медиаторов в качестве членов некоммерческой организации, осуществляющей организацию медиативной деятельности. Для занятия медиативной деятельностью не требуется регистрация статуса самозанятого гражданина или индивидуального предпринимателя (достаточным будет участие физического лица, осуществляющего медиативную деятельность, в качестве члена некоммерческой организации). Также следует унифицировать нормы права об организационно-правовой форме саморегулируемых организаций медиаторов, т. е. норму права, изложенную в ст. 18 Закона о медиации, привести в соответствие с п. 1 ст. 50 ГК РФ.

Список источников

1. Лебедева Е. В. Институты гражданского общества в реализации правоохранительной функции Российского государства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. 28 с.

2. Чиркин В. Е. Юридическое лицо публичного права. М. : Норма, 2007. 352 с.

3. Лебедева Е. В. Некоторые правовые характеристики признаков предпринимательской деятельности // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 6. С. 62–74.

---

[18] Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 145.

[19] Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 49. Ст. 6076.

[20] Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 19. Ст. 2304.

4. Рубцова Н. В. Предпринимательская = профессиональная деятельность: pro et contra // Бизнес. Менеджмент. Право. 2020. № 2. С. 18–21.

5. Салихова Д. Ч. К вопросу о понятии профессиональной деятельности как основном признаке оценочной деятельности // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 3. С. 150–156.

6. Минкина Н. И. Профессия медиатора: актуальные вопросы нормативного регулирования в России // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2023. № 4. С. 62–71.

7. Шуренкова С. С. К вопросу об ответственности медиаторов: классическая и онлайн-медиация // Право и практика. 2022. № 3. С. 205–208.

8. Курбатов А. Я. Классификации юридических лиц: проблемы и потери // Хозяйство и право. 2020. № 11 (526). С. 3–13.

References

1. Lebedeva E. V. *Civil society institutions in the implementation of the law enforcement function of the Russian state.* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Chelyabinsk; 2007. 28 p. (In Russ.)

2. Chirkin V. E. *Legal entity of public law.* Moscow: Norma; 2007. 352 p. (In Russ.)

3. Lebedeva E. V. Certain legal characteristics of entrepreneurial activity. *Journal of Russian Law.* 2023;27(6):62-74. (In Russ.)

4. Rubtsova N. V. Entrepreneurial = professional activity: pro et contra. *Business. Management. Law.* 2020;(2):18-21. (In Russ.)

5. Salikhova D. Ch. On the issue of professional activity as the main feature of assessment activity. *Actual Problems of Economics and Law.* 2015;(3):150-156. (In Russ.)

6. Minkina N. I. Mediator's profession: current issues of regulatory regulation in Russia. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Pravo.* 2023;(4):62-71. (In Russ.)

7. Shurenkova S. S. To the question of responsibilioty of mediatiors: classical and online-mediation. *Law and Practice*. 2022;(3):205-208. (In Russ.)

8. Kurbatov A. Ya. Classifications of legal entities: problems and losses. *Khozyajstvo i pravo = Economy and Law*. 2020;(11):3-13. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. В. Лебедева – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин.

Information about the author

E. V. Lebedeva – Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Civil Law Disciplines Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 27.12.2024; одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 03.06.2026.

The article was submitted 27.12.2024; approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 03.06.2026.

Российское правосудие. 2026. № 8. С. 57–65
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 8. P. 57–65
УДК 349.2 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.8.57-65

Научная статья

Минимальный размер оплаты труда: законодательство, судебная практика, перспективы совершенствования

Татьяна Сергеевна Гусева
Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, tanya1931@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-9777-7064

Аннотация. Минимальный размер оплаты труда (МРОТ) является важным социальным стандартом, призванным защитить от бедности работников. В последние годы законодательство о МРОТ претерпело серьезные трансформации: в 2017 г. из Трудового кодекса Российской Федерации исключено понятие «минимальный размер оплаты труда», в 2020 г. введены новые правила расчета МРОТ на основе медианной заработной платы, поменялась периодичность пересмотра МРОТ и пр., сложилась новая правореализационная практика. Цель исследования состоит в изучении законодательного регулирования МРОТ и судебной практики с намерением выявить пробелы и недостатки правового регулирования и предложить пути их устранения. Методы исследования: общенаучные (диалектический, логический, системный, анализ, синтез) и специальные (сравнительно-правовой и формально-юридический).
Исследованы актуальное законодательство и судебная практика. Выработаны предложения по совершенствованию правового регулирования МРОТ: в методике расчета МРОТ с учетом медианной заработной платы предлагается учитывать неформальную и скрытую занятость и уровень инфляции; внести в ТК РФ положение о том, что в МРОТ не включаются компенсационные, стимулирующие и социальные выплаты; МРОТ следует дифференцировать с учетом того, применяется ли он к квалифицированному или неквалифицированному труду, а также учесть иждивенческую нагрузку работника.

Ключевые слова: минимальный размер оплаты труда, медианная заработная плата, правоприменение, толкование, социальный стандарт

Для цитирования: Гусева Т. С. Минимальный размер оплаты труда: законодательство, судебная практика, перспективы совершенствования // Российское правосудие. 2026. № 8. С. 57–65. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.57-65.

Original article

Minimum Wage: Legislation, Judicial Practice, Prospects for Improvement

Tatiana S. Guseva
North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation, tanya1931@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-9777-7064

Abstract. The minimum wage is an important social standard. designed to protect workers from poverty. In recent years, the minimum wage legislation has undergone major transformations: in 2017, the

© Гусева Т. С., 2026

concept of “minimum wage” was excluded from the Labor Code of the Russian Federation, in 2020, new rules for calculating the minimum wage based on median wages were introduced, the frequency of minimum wage revision changed, etc., and a new legal implementation practice developed. The purpose of the study is to study the legislative regulation of the minimum wage and judicial practice with the intention to identify gaps and shortcomings of legal regulation and propose ways to eliminate them.
Research methods: general scientific (dialectical, logical, systematic, analysis, synthesis) and special (comparative legal and formal legal).
The current legislation and judicial practice are investigated. Proposals have been developed to improve the legal regulation of the minimum wage: in the methodology for calculating the minimum wage, taking into account the median wage, it is proposed to take into account informal and hidden employment and the rate of inflation; it is justified to introduce a provision in the Labor Code of the Russian Federation that the minimum wage does not include compensatory, incentive and social payments; the minimum wage should be differentiated taking into account it applies to skilled or unskilled labor, and also, the dependent burden of the employee and focus not only on the living wage of the employee.

Keywords: minimum wage, median wage, law enforcement, interpretation, social standard

For citation: Guseva T. S. Minimum wage: legislation, judicial practice, prospects for improvement. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(8):57-65. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.57-65.

Минимальный размер оплаты труда (МРОТ) служит важным ориентиром в формировании социальной политики, направленной на борьбу с бедностью, и учитывается при стратегическом планировании. Обеспечение повышения опережающими темпами МРОТ обозначено как национальная цель развития Российской Федерации[1]. Такой стратегический приоритет заслуживает поддержки. Однако эксперты отмечают, что «повышение МРОТ может приводить как к позитивным последствиям (рост доходов населения и привлекательности отдельных рабочих мест, сокращение бедности и доходного неравенства), так и к негативным (увольнения работников, рост безработицы, расширение теневого сектора экономики – если работодатели, не желая соблюдать новые требования, начнут переводить работников на неформальные условия занятости). В таком случае положительного влияния на уровень доходов и бедность населения может и не быть»[2].

Такая гарантия, как МРОТ, находит выражение в международных трудовых стандартах, установленных в Конвенции Международной организации труда (далее – МОТ) от 22 июня 1970 г. № 131 «Об установлении минимальной заработной платы с особым учетом развивающихся стран»[3]: государство обязано ввести систему минимальной заработной платы для всех групп работающих по найму – круг таких лиц определяют органы власти. Минимальная заработная плата имеет силу закона и не подлежит понижению, а ее уровень должен учитывать потребности трудящихся и их семей, а также экономические факторы (экономическое развитие, производительность и высокий уровень занятости).

Резюмируем, что требования Конвенции МОТ № 131 не в полной мере воплощены в российском законодательстве и могут быть использованы как перспективные векторы его развития.

В научных исследованиях выдвигаются заслуживающие внимания предложения об установлении величины МРОТ с учетом иждивенческой нагрузки. МРОТ должен учитывать нали-

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 20. Ст. 2584.

[2] Плюсы и минусы повышения МРОТ // Стратегический проект «Социальная политика устойчивого развития и инклюзивного экономического роста». URL: https://stratpro.hse.ru/social-policy/news/827258507.html (дата обращения: 11.05.2025).

[3] Конвенция МОТ № 131 Российской Федерацией не ратифицирована.

чие детей и должен быть равен 1,5 прожиточного минимума трудоспособного населения, если в семье один ребенок, 2,5 прожиточного минимума трудоспособного населения – если двое детей, а в случае, если в семье трое детей, то 2–3 прожиточным минимумам трудоспособного населения [1, с. 150]. А. Л. Сафонов полагает, что «минимальное значение оплаты труда должно включать в себя коэффициент иждивенческой нагрузки в размере 1,63 по отношению к прожиточному минимуму (то есть надбавку за наличие в семье работника детей или пенсионеров)»[4]. Однако источник финансирования этого обязательства требует тщательного анализа: если обязанность платить работнику заработную плату в размере МРОТ с учетом состава семьи будет возложена на работодателя, это может повлечь нежелание принимать на работу лиц с семейными обязанностями. Следовательно, потребуется субсидирование государства или выстраивание системы социальной защиты трудящихся с семейными обязанностями.

В России порядок установления МРОТ урегулирован Федеральным законом от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда»[5] и отдельными статьями (2, 130, 133, 133.1, 421 и др.) ТК РФ. Величина МРОТ устанавливается одновременно на всей территории Российской Федерации федеральным законом, проект которого обсуждается Российской трехсторонней комиссией по регулированию социально-трудовых отношений. Интегрирование инструментов социального партнерства в процедуру установления государственных гарантий в сфере оплаты труда балансирует социально-экономические интересы государства, работников и бизнеса [2, с. 218].

Современные критерии определения величины МРОТ были введены в 2020 г., когда было принято решение об установлении минимального размера с учетом величины медианной заработной платы, рассчитанной Росстатом на основании специальной методики[6]. Медианная заработная плата – величина среднемесячной оплаты труда (среднемесячного размера выплаты) в расчете на одно рабочее место, относительно которой половина рабочих мест имеет уровень оплаты труда ниже данной величины, а другая половина – выше данной величины. Медианная заработная плата определяется на основе данных Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации только с учетом полной занятости (при этом исключаются все выплаты работникам от работодателей в течение месяца, размер которых ниже МРОТ, действующего в течение отчетного периода). Она рассчитывается в среднем за год на одно рабочее место за один оплаченный месяц.

Показатель медианной заработной платы формируется на основе данных о размере взносов на обязательное социальное страхование с заработной платы. Такой подход не позволяет учесть ни часть заработной платы «в конвертах», которая не облагается налогом на доходы физических лиц и взносами на обязательное социальное страхование, ни теневые заработные платы, которые получают работники, фактически допущенные к выполнению трудовой функции, но не оформленные соответствующим образом.

За 2024 год Роструд выявил свыше 829,4 тыс. граждан, находящихся в неформальных трудовых отношениях (осуществляющих деятельность без трудового договора и получающих зарплаты в конверте), – на 4,3% больше, чем годом ранее[7].

---

[4] Цит. по: Эксперты оценили плюсы и минусы опережающего повышения МРОТ. Как это повлияет на размер зарплат, расходы бизнеса и число бедных в России // Радио РБК : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/economics/05/07/2023/64a40d879a7947fd889d4ee4 (дата обращения: 11.05.2024).

[5] Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 26. Ст. 2729.

[6] Методика расчета показателя «Медианная заработная плата» (утв. приказом Федеральной службы государственной статистики от 31 декабря 2020 г. № 870). Доступ из СПС «Гарант».

[7] Минтруд назвал 8 признаков для определения «подмены» трудовых отношений. URL: https://www.rbc.ru/economics/17/04/2025/67ff80559a7947d7cc29092c?utm_source=yxnews&utm_

Свою лепту вносят в статистику суды, признавая отношения трудовыми [3, с. 57; 4, с. 39]. Формируется судебная практика, когда отношения, оформленные гражданско-правовыми договорами, признаются судом трудовыми, соответственно, суммы, полученные по договорам, признаются заработной платой, но не могут быть учтены при определении медианной заработной платы. Из-за этого методика исчисления медианной заработной платы не позволяет сформировать соответствующее реальности представление о заработной плате в стране, что искажает ее медианное значение.

МРОТ на будущий год устанавливается в текущем году на основе данных за предшествующий год, т. е. база для исчисления МРОТ почти на два года «отстает» от медианной заработной платы периода, в котором будет применяться. В то же время механизм определения МРОТ исключает инфляцию, а повышение самого размера МРОТ не позволяет оценить повышение или сохранение покупательской способности сумм МРОТ и влияние этого стандарта на материальное благополучие работников, что представляется существенным недостатком законодательства.

С 2025 года соотношение МРОТ и медианной заработной платы установлено в размере не ниже 48%, ранее составляло 42%. Это соотношение пересматривается не реже чем раз в пять лет с учетом социально-экономического развития Российской Федерации. Кроме того, МРОТ не должен быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации и ниже МРОТ, установленного на текущий год.

Во исполнение поручения, данного в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации в 2023 г., с 1 января 2024 г. МРОТ дополнительно повышен на 10%, больше, чем это было бы возможно при применении медианной заработной платы.

Размеры МРОТ, утвержденные федеральным законом и исчисленные на основании методики медианной средней заработной платы, приведены в таблице.

Таблица 1

Срок, с которого установлен минимальный размер	**Установленная величина МРОТ**	**Медианная заработная плата[8]**	**Величина МРОТ, исчисленная на основе медианной заработной платы**
с 1 января 2022 г.	13 890 руб.[9]	2020 г. – 32 422 руб.	42% от МЗП = 13 617 руб.
с 1 июня 2022 г. *Дополнительное внеплановое повышение на 10%*	15 279 руб.[10]	–	–

medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F3332152b-f4e6-5620-90de-7c3ffe603368 (дата обращения: 11.06.2025).

[8] Данные о величине медианной заработной платы взяты с сайта ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/.

[9] Федеральный закон от 6 декабря 2021 г. № 406-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона “О минимальном размере оплаты труда”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 50 (ч. III). Ст. 8413.

[10] Постановление Правительства Российской Федерации от 28 мая 2022 г. № 973 «Об особенностях исчисления и установления в 2022 году минимального размера оплаты труда, величины прожиточного минимума, социальной доплаты к пенсии, а также об утверждении коэффициента индексации (дополнительного увеличения) размера фиксированной выплаты к страховой пенсии, коэффициента

Продолжение таблицы 1

Срок, с которого установлен минимальный размер	Установленная величина МРОТ	Медианная заработная плата	Величина МРОТ, исчисленная на основе медианной заработной платы
с 1 января 2023 г.	16 242 руб.[11]	2021 г. – 35 370 руб.	42% от МЗП = 14 855 руб.
с 1 января 2024 г.	19 242 руб.[12]	2022 г. – 40 368 руб.	42% от МЗП = 16 954 руб.
с 1 января 2025 г.	22 440 руб.[13]	2023 г. – 46 751 руб.	48% от МЗП = 22 440 руб.

Таким образом, методика исчисления МРОТ с учетом медианной заработной платы впервые воплотилась в законодательстве о МРОТ в 2025 г.

Сфера применения МРОТ – регулирование оплаты труда и обязательное социальное страхование (в частности, для определения размеров пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам), для других целей он не применяется. В трудовых отношениях минимальный размер оплаты труда выступает нижней планкой месячной заработной платы работника, полностью отработавшего за этот период норму рабочего времени и выполнившего нормы труда. В трудовых отношениях один из наиболее важных вопросов: «Какую роль играет МРОТ в структуре заработной платы?» Согласно ст. 129 ТК РФ заработная плата (оплата труда работника) состоит из трех частей: 1) вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы; 2) компенсационные выплаты (доплаты и надбавки компенсационного характера, в том числе за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, работу в особых климатических условиях и на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, и иные выплаты компенсационного характера); 3) стимулирующие выплаты (доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные поощрительные выплаты). До 1 сентября 2007 г. в ст. 129 ТК РФ содержалось понятие МРОТ и было четко закреплено, что в его величину не включаются стимулирующие и социальные выплаты. Позднее в него стали включаться и стимулирующие, и компенсационные выплаты, что подтверждает правоприменительная практика. Это привело к изменению функции МРОТ в системе оплаты труда.

Ведущие ученые отмечали, что изменение правовой конструкции МРОТ привело к возникновению ряда проблем в правоприменении: оклады (должностные оклады) и тарифные ставки стали устанавливаться в размере значительно ниже МРОТ, что привело к возникновению

дополнительного увеличения стоимости одного пенсионного коэффициента и коэффициента дополнительной индексации пенсий, предусмотренных абзацами четвертым – шестым пункта 1 статьи 25 Федерального закона “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 23. Ст. 3801.

[11] Федеральный закон от 19 декабря 2022 г. № 522-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона “О минимальном размере оплаты труда” и о приостановлении действия ее отдельных положений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 52. Ст. 9352.

[12] Федеральный закон от 27 ноября 2023 г. № 548-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона “О минимальном размере оплаты труда” и признании утратившими силу статей 2 и 3 Федерального закона “О внесении изменения в статью 1 Федерального закона “О минимальном размере оплаты труда” и о приостановлении действия ее отдельных положений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 49 (ч. III). Ст. 8665.

[13] Федеральный закон от 29 октября 2024 г. № 365-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона “О минимальном размере оплаты труда”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 45. Ст. 6696.

феномена «фиктивных» компенсационных и стимулирующих выплат, которые включаются в состав заработной платы, а совокупный размер заработной платы равняется МРОТ. Работники, которым установлены оклады (должностные оклады) и тарифные ставки в размере ниже МРОТ с учетом доведения размера их заработной платы до МРОТ за счет надбавок, стали отказываться от работы, выходящей за пределы нормы рабочего времени (сверхурочная работа, работа в выходные и праздничные дни и др.), а также от выполнения дополнительной работы (совмещение должностей и др.), поскольку данная работа фактически не оплачивается. Для отдельных категорий низкооплачиваемых работников значительно снизилась привлекательность работы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, а также тяжелых работ, работ с вредными, опасными и иными особыми условиями труда, поскольку специальные доплаты за работу в таких условиях начислялись не к величине, равной МРОТ, а к окладу или тарифной ставке работника, что значительно снижало общий размер его заработной платы [5, с. 25].

Все эти дефекты правоприменения нашли отражение в практике Конституционного Суда Российской Федерации, который сформулировал ряд правовых позиций об институте МРОТ и минимальной заработной платы (далее – МЗП) в субъекте Российской Федерации. Некоторые правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации имеют общий характер и рассчитаны на системное применение:

• институт МРОТ по своей конституционно-правовой природе предназначен для установления того минимума денежных средств, который должен быть гарантирован работнику в качестве вознаграждения за выполнение трудовых обязанностей с учетом прожиточного минимума[14];

• вознаграждение за труд не ниже установленного федеральным законом МРОТ гарантируется каждому, а определение его величины должно основываться на характеристиках труда, свойственных любой трудовой деятельности, без учета особых условий ее осуществления. Это согласуется с социально-экономической природой МРОТ, которая предполагает обеспечение нормального воспроизводства рабочей силы при выполнении простых неквалифицированных работ в нормальных условиях труда с нормальной интенсивностью и при соблюдении нормы рабочего времени;

• в механизме правового регулирования оплаты труда дополнительная гарантия в виде МЗП в субъекте Российской Федерации должна применяться вместо величины МРОТ, установленного федеральным законом, не заменяя и не отменяя иных гарантий, предусмотренных ТК РФ[15].

Другие правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации содержат конкретные правовые формулы частного характера:

• в состав МРОТ (МЗП в субъекте Российской Федерации) не включаются районные коэффициенты (коэффициенты) и процентные надбавки, начисляемые в связи с работой в местностях с особыми климатическими условиями, в том числе в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях;

---

[14] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2008 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 5 Федерального закона “О минимальном размере оплаты труда” в связи с жалобами граждан А. Ф. Кутиной и А. Ф. Поварниципой» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 51. Ст. 6205.

[15] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2017 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой, второй, третьей, четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. С. Григорьевой, О. Л. Дейдей, Н. А. Капуриной и И. Я. Кураш» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 51. Ст. 7913.

• в состав заработной платы (части заработной платы) работника, не превышающей МРОТ, не включается повышенная оплата сверхурочной работы, работы в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни[16];

• в состав заработной платы (части заработной платы) работника, не превышающей МРОТ (МЗП в субъекте Российской Федерации), не включается дополнительная оплата (доплата) работы, выполняемой в порядке совмещения профессий (должностей)[17];

• в состав заработной платы (части заработной платы) педагогического работника, не превышающей МРОТ, не включается дополнительная оплата за выполнение с письменного согласия педагогического работника дополнительной работы, не входящей в его основные должностные обязанности в соответствии с квалификационными характеристиками по замещаемой им должности, и (или) учебной (преподавательской) работы сверх установленной нормы часов[18];

• заработная плата за выполнение установленной нормы часов учебной (преподавательской) работы, из которой исчисляется заработная плата педагогического работника, работающего неполное рабочее время, во всяком случае должна быть не менее предусмотренного федеральным законом МРОТ с начислением сверх этого выплат за работу в особых условиях или условиях, отклоняющихся от нормальных, а также оплаты выполняемой с письменного согласия работника дополнительной работы, не входящей в его основные должностные обязанности в соответствии с квалификационными характеристиками по замещаемой им должности, и (или) учебной (преподавательской) работы сверх установленной нормы часов[19].

Несмотря на возможность дисквалификации – признания норм законов не соответствующими Конституции России – практически во всех рассмотренных делах, касающихся МРОТ и МЗП в субъектах Российской Федерации, Конституционный Суд избрал способ толкования оспариваемых правовых норм через выявление их конституционно-правового смысла. Приведенные правовые позиции Конституционного Суда восполняют пробелы правового регулирования оплаты труда работников и, по существу, возвращают МРОТ его прежнюю функцию, закрепленную в утратившей силу ч. 2 ст. 129 ТК РФ. Но поскольку не все работодатели осведомлены об актуальной судебной практике, они по-прежнему устанавливают работникам оклад в

---

[16] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2019 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, а также частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Жарова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 16. Ст. 2026.

[17] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2019 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, а также частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Г. П. Лукичова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 52 (ч. II). Ст. 8137.

[18] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2024 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. Н. Харюшевой» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 40. Ст. 6054.

[19] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2025 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности абзаца пятого части первой статьи 21, абзаца седьмого части второй статьи 22, части четвертой статьи 60.2, части третьей статьи 93, статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133.1, а также частей первой и второй статьи 135 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Неверова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 11. Ст. 1198.

размере меньше МРОТ, чем нарушают их права. Очевидно, что проблема требует законодательного решения.

На практике имеются сложности также с установлением должностного оклада как постоянной части заработной платы с учетом квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы на уровне ниже МРОТ, что представляется несправедливым по отношению к оценке труда квалифицированных работников. Преодолеть это поможет дифференциация МРОТ в зависимости от квалифицированного и неквалифицированного труда. Если МРОТ определяет низшую границу заработной платы, являясь платой за труд неквалифицированного работника, то повышенный стандарт оплаты труда – минимально-рациональный размер оплаты труда призван обозначить низшую границу оплаты квалифицированного труда, выполнение которого требует специального образования, знаний и навыков. Предложения о такой дифференциации выдвигают Э. С. Бондарева [6, с. 51] и Р. Ю. Молчанов [7, с. 43].

В заключение предложим пути совершенствования правового регулирования МРОТ: ратификация Российской Федерацией Конвенции МОТ № 131 «Об установлении минимальной заработной платы с особым учетом развивающихся стран»; закрепление в ТК РФ положения о том, что в МРОТ не включаются компенсационные, стимулирующие и социальные выплаты, позволит исключить свободу усмотрения работодателей, которые включают в МРОТ всю заработную плату, в том числе тарифную и надтарифную части; возможна дифференциация МРОТ с учетом применения к квалифицированному или неквалифицированному труду, а также с учетом иждивенческой нагрузки работника. И конечно, методика расчета МРОТ должна стать прозрачной, учитывать современные тенденции на рынке труда – заработные платы «в конверте», теневую занятость и реальный уровень инфляции.

Список источников

1. Сковпень В. А., Старокожева В. П. Установление минимального размера оплаты труда в России и его истоки // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2022. № 6. С. 140–158.

2. Кулаков В. В., Воронов И. Ю. Баланс интересов работника и работодателя // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 215–221.

3. Ершова Е. А., Ершов В. В., мл. Фактические трудовые правоотношения // Российское правосудие. 2023. № 9. С. 49–59.

4. Казакова М. В. Доказывание фактических трудовых правоотношений // Российское правосудие. 2024. № 12. С. 34–40.

5. Орловский Ю. П., Кузнецов Д. Л., Черняева Д. В. Правовое регулирование минимальной оплаты труда [Электронный ресурс] : препринт WP3/2013/09; Электрон. текстовые даные (800 КБ). М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2013. 43 с. URL: https://www.hse.ru/data/2013/11/01/1283160137/WP3_2013_09__.pdf.

6. Бондарева Э. С. К вопросу о роли правовых норм по оплате труда в преодолении бедности населения России // Российская юстиция. 2023. № 3. С. 47–59.

7. Молчанов Р. Ю. О дифференциации минимального размера оплаты труда // Российский юридический журнал. Электронное приложение. 2021. № 4. С. 41–48. URL: https://electronic.ruzh.org/?q=-ru/system/files/eRUZH.2021.No_.4.pdf.

References

1. Skovpen V. A., Starokozheva V. P. Establishing the minimum wage in Russia: its nature and origins. *Moscow University Economics Bulletin. Series 6. Economics.* 2022;(6):140-158. (In Russ.)

2. Kulakov V. V., Voronov I. Yu. Balancing the interests of the employee and the employer. *Tomsk State University Journal.* 2022;(475):215-221. (In Russ.)

3. Ershova E. A., Ershov V. V., Jr. Actual labor relations. *Rossijskoe pravosudie* = *Russian Justice*. 2023;(9):49-59. (In Russ.)

4. Kazakova M. V. Proving the actual employment relationship. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2024;(12):34-40. (In Russ.)

5. Orlovskiy Yu. P., Kuznetsov D. L., Chernyaeva D. V. *Legal regulation of minimum wage* [Electronic resource]: preprint WP3/2013/09. The electronic text data (800 KB). Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2013. 43 p. (In Russ.) URL: https://www.hse.ru/data/2013/11/01/1283160137/WP3_2013_09_.pdf.

6. Bondareva E. S. On the role of remuneration regulations in overcoming poverty in Russia. *Rossijskaya yustitsiya = Russian Justice.* 2023;(3):47-59. (In Russ.)

7. Molchanov R. Yu. On differentiation of the minimum wage. *Electronic Supplement to Russian Juridical Journal*. 2021;(4):41-48. (In Russ.) URL: https://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/eRUZH.2021.No_.4.pdf.

Информация об авторе

Т. С. Гусева – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права.

Information about the author

T. S. Guseva – Doctor of Science (Law), Associate Professor, Professor at the Civil Law Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 30.06.2025; одобрена после рецензирования 23.09.2025; принята к публикации 03.06.2026.

The article was submitted 30.06.2025; approved after reviewing 23.09.2025; accepted for publication 03.06.2026.

Российское правосудие. 2026. № 8. С. 66–75
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 8. P. 66–75
УДК 343.135 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.8.66-75

Научная статья

Судебный порядок получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования: процессуальная природа и структура деятельности

Вячеслав Владимирович Николюк[1],
Александр Борисович Диваев[2],
Варсеник Артуровна Виноградова[3]

[1] Научно-исследовательский центр № 5, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, nvv56@mail.ru

[2] Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Новокузнецк, Российская Федерация, divalex09@mail.ru

[3] Северо-Кавказский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Краснодар, Российская Федерация, varsenik.vinogradova.89@mail.ru

Аннотация. Появление в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации 2001 г. особого судебного порядка получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования обусловливает необходимость исследования его природы и места в системе уголовного процесса, а также внутренней организации (структуры) этого вида уголовно-процессуальной деятельности.

Цель исследования: изучение процессуальной природы и структуры судебного порядка получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, а также выработка предложений по правоприменительной практике в данной сфере уголовно-процессуальных отношений. Постановка цели предопределяет необходимость разрешения следующих исследовательских задач: 1) идентифицировать судебный порядок получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в качестве самостоятельного уголовно-процессуального производства; 2) определить место данного производства в системе уголовно-процессуальных производств; 3) структурировать производство по получению судебного разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования; 4) сформулировать научно обоснованные предложения по совершенствованию практики применения уголовно-процессуального законодательства в части судебного порядка отмены постановления о прекращении уголовного дела или преследования.

В ходе исследования использовались общенаучные (логический, системный, а также анализ и синтез) и частнонаучные (структурно-функциональный, сравнительно-правовой, метод толкования) методы.

© Николюк В. В., Диваев А. Б., Виноградова В. А., 2026

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы: 1) судебный порядок получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования представляет собой самостоятельное судебно-контрольное производство; 2) как и любое другое уголовно-процессуальное производство, оно структурировано по стадиям; 3) основаниями получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования являются нарушения, допущенные при принятии отменяемого решения.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное производство, уголовно-процессуальная стадия, судебный контроль, прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования

Для цитирования: Николюк В. В., Диваев А. Б., Виноградова В. А. Судебный порядок получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования: процессуальная природа и структура деятельности // Российское правосудие. 2026. № 8. С. 66–75. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.66-75.

Original article

Judicial Procedure for Obtaining Permission to Cancel a Decision to Terminate a Criminal Case or Prosecution: Procedural Nature and Structure of Activities

Vyacheslav V. Nikolyuk[1], Alexander B. Divaev[2], Varsenik A.Vinogradova[3]

[1] Research Center No. 5, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, nvv56@mail.ru
[2] Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, Novokuznetsk, Russian Federation, divalex09@mail.ru
[3] North Caucasus Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Krasnodar, Russian Federation, varsenik.vinogradova.89@mail.ru

Abstract. The appearance in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 2001 of a special judicial procedure for obtaining permission to cancel a decision to terminate a criminal case or criminal prosecution necessitates the study of its nature and place in the system of criminal procedure, as well as the internal organization (structure) of this type of criminal procedural activity.
The purpose of the study: to study the procedural nature and structure of the judicial procedure for obtaining permission to cancel a decision to terminate a criminal case or criminal prosecution, as well as to develop proposals for law enforcement practice in this area of criminal procedural relations. The goal setting determines the need to solve the following research tasks: 1) to identify the judicial procedure for obtaining permission to cancel a decision to terminate a criminal case or criminal prosecution as an independent criminal procedural proceeding; 2) determine the place of this proceeding in the system of criminal procedure proceedings; 3) structure proceedings to obtain judicial permission to cancel a decision to terminate a criminal case or criminal prosecution; 4) formulate scientifically sound proposals to improve the practice of applying criminal procedure legislation regarding the judicial procedure for canceling a decision to terminate a criminal case or prosecution.
Research methods: general scientific (logical, systemic, as well as analysis and synthesis), private scientific (structural and functional, comparative legal, method of interpretation).
The conducted research allowed us to formulate the following conclusions: 1) the judicial procedure for obtaining permission to cancel a decision to terminate a criminal case or criminal prosecution is an independent judicial control proceeding; 2) like any other criminal procedural proceeding, it is structured according to stages; 3) the grounds for obtaining permission to cancel a decision to terminate a criminal case or criminal prosecution are violations committed when making the decision being canceled.

Keywords: criminal procedure proceedings, criminal procedure stage, judicial control, termination of a criminal case, termination of criminal prosecution

For citation: Nikolyuk V. V., Divaev A. B., Vinogradova V. A. Judicial procedure for obtaining permission to cancel a decision to terminate a criminal case or prosecution: procedural nature and structure of activities. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(8):66-75. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.66-75.

В конце 2017 г. в уголовном процессе нашей страны произошло событие, которое до настоящего времени недостаточно осмыслено научным сообществом и правоприменителем. Речь идет о принятии Конституционным Судом Российской Федерации постановления от 14 ноября 2017 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко»[1]. Этим судебным актом высший орган конституционного контроля признал неконституционными ряд положений ч. 1 ст. 214 УПК РФ, позволявших прокурору в течение неопределенного срока отменять вынесенное по реабилитирующим основаниям постановление о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования без предоставления лицу, в отношении которого оно вынесено, эффективных гарантий защиты, включая судебную, от незаконного и необоснованного уголовного преследования.

Данное решение Конституционного Суда и его влияние на уголовный процесс остаются недостаточно исследованными. Примечателен не только факт признания отдельных положений закона не соответствующими Конституции России, но и суть требований Конституционного Суда Российской Федерации, обращенных к законодателю: перед ним был поставлен вопрос о создании самостоятельной формы судебной защиты от произвольного возобновления прекращенного ранее уголовного дела. Совершенно правы в этом отношении Е. Г. Ларин и А. В. Павлов, которые еще в 2018 г. «по горячим следам» после принятия постановления писали: «Важна сама идея создания Конституционным Судом РФ системы эффективных гарантий защиты от незаконного и необоснованного возобновления уголовного преследования… При этом не должна исключаться потенциальная возможность отмены незаконного решения следователя (дознавателя), тем не менее ее реализация может быть оправдана исключительно мотивами восстановления справедливости и предупреждения совершения новых преступлений» [1, с. 38].

До недавнего времени ч. 1 ст. 214 УПК РФ предусматривала возможность отмены постановления о прекращении уголовного дела без ограничения срока принятия прокурором такого решения. Это позволяло ему возобновить производство по прекращенному уголовному делу и уголовное преследование лица, в отношении которого оно было прекращено, по сути, в пределах всего срока давности привлечения к уголовной ответственности за данное преступление. И это при том, что такой предельный пресекательный срок для судов был установлен уже достаточно давно: согласно ч. 1 ст. 401.6 УПК РФ пересмотр в кассационном и надзорном порядке определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу. В свете такого ограничения, предусмотренного законом для судов, иные процессуальные возможности прокурора противоречили такому подходу, на что и обратил внимание Конституционный Суд России.

Законодатель, взяв паузу продолжительностью почти в год, во исполнение решения высшего органа конституционного контроля внес изменения в уголовно-процессуальный закон, диктуемые сложившейся в тот момент ситуацией. Анализ постановляющей части рассматриваемого решения Конституционного Суда приводит к однозначному выводу: в нем упоминаются исключительно лица, в отношении которых уголовное дело было прекращено по реабилитирующим основаниям. Законодатель же пошел дальше и не стал делать такую оговорку, изменив закон безотносительно оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования путем включения в него группы норм ст. 214.1 УПК РФ, образовавших некую нормативную конструкцию, предусматривающую:

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 48. Ст. 7299.

– общий пресекательный срок для отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования во внесудебном порядке сроком в один год со дня вынесения постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования;

– судебную процедуру получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по ходатайству прокурора или руководителя следственного органа по истечении года со дня вынесения постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, аналогичную той, которая предусмотрена ст. 125 и 125.1 УПК РФ для рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения прокурора, органов предварительного расследования, следователя и дознавателя.

Таким образом, законодатель создал достаточно интересный и уникальный инструмент. Когда речь заходит о судебных формах проверки законности и обоснованности тех или иных процессуальных актов, в качестве заявителя обычно имеется в виду участник уголовного судопроизводства, не включенный законом в число лиц и органов, ведущих производство по делу, или иное заинтересованное лицо. Здесь же в качестве лица, уполномоченного возбуждать ходатайство об отмене ранее принятого процессуального решения, законом заявлены даже не следователь и дознаватель, а прокурор и руководитель следственного органа. С этой точки зрения вновь введенный судебный порядок как бы аккумулировал в себе признаки сразу двух судебно-контрольных процедур: процедуры рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения прокурора, органов предварительного расследования, следователя и дознавателя в досудебном производстве по уголовному делу (ст. 125 и 125.1 УПК РФ) и процедуры рассмотрения ходатайств следователей и дознавателей о производстве следственных действий (ст. 165 УПК РФ).

Казалось бы, вот очевидный предмет для научной дискуссии. Однако, несмотря на столь своеобразную природу судебного порядка, предусмотренного ст. 214.1, исследователи крайне редко обращаются к нему. Среди немногочисленных работ, представленных к настоящему времени, особо выделяется серия статей А. С. Тумасян[2], которая проводит первое и пока единственное специальное диссертационное исследование по обозначенной проблематике.

Ряд проблем судебного порядка получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования были отражены также в диссертационном исследовании А. А. Ендольцевой[3], статьях А. Л. Аристархова[4], Н. В. Угольниковой[5] и ряде работ других авторов.

Между тем до сих пор нет ответа на два принципиально важных вопроса относительно судебного порядка, предусмотренного ст. 214.1 УПК РФ. Первый: какова его природа – это

---

[2] *Тумасян А. С.* Отмена постановления о прекращении уголовного дела по судебному решению, принимаемому в порядке ст. 125 УПК РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2. С. 128–133; *Она же.* Применение институционального метода сравнительного исследования к совокупности норм, регулирующих прекращение уголовного дела или уголовного преследования // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2025. № 4. С. 91–99; *Она же.* Рассмотрение ходатайств о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования // Российское правосудие. 2024. № 6. С. 91–99; *Она же*. Реализация правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации о судебном контроле за возобновлением прекращенного уголовного дела // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 4. С. 426–432.

[3] *Ендольцева А. А.* Судебно-контрольные процедуры в досудебном производстве по уголовному делу : дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. 268 с.

[4] *Аристархов А. Л.* Особенности применения ст. 214.1 УПК РФ в досудебном производстве // Российское правосудие. 2022. № 2. С. 89–95.

[5] *Угольникова Н. В.* Обоснованность возобновления прекращенного уголовного дела // Академическая мысль. 2019. № 3. С. 32–34.

совершенно новая форма судебной деятельности или разновидность уже известных ее форм? И второй: что она представляет собой структурно, из каких видов деятельности состоит? Постараемся ответить на оба.

Ответ на первый вопрос отчасти был дан в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2025 г. № 1870-О[6]. В контексте нашего исследования в мотивировочной части этого документа содержится интересное положение: «Давая согласие на отмену постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, суд осуществляет *только контрольную функцию* относительно обоснованности ходатайства прокурора или руководителя следственного органа и относительно достаточности причин для отмены такого постановления как неправомерного…» (курсив наш. – *Авт*.). Тем самым Конституционный Суд, обращаясь к положениям ст. 214.1 УПК РФ, прямо назвал этот судебный порядок контрольным, фактически уравняв его с иными формами судебно-контрольной деятельности в уголовном процессе.

Отметим, что теория судебного контроля в уголовном процессе получила фундаментальную проработку в последние 30 лет. Это обстоятельство позволяет солидаризироваться с позицией Конституционного Суда, признав судебный порядок, предусмотренный ст. 214.1 УПК РФ, не только судебно-контрольной деятельностью, но и одновременно одной из форм осуществления правосудия в уголовном процессе.

Чем можно аргументировать указанный тезис? Полагаем, позицией Верховного Суда Российской Федерации, который в п. 1 постановления Пленума от 10 февраля 2009 г. № 1[7] прямо указал: «Судам следует иметь в виду, что исходя из общих положений уголовно-процессуального законодательства рассмотрение жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ происходит в *форме осуществления правосудия* по правилам состязательного судопроизводства в открытом судебном заседании, за исключением случаев, предусмотренных статьей 241 УПК РФ» (курсив наш. – *Авт*.).

В данном случае возникает вопрос: а насколько корректно использовать специализированное постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, вынесенное по вопросам рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, применительно к проблематике иной формы судебно-контрольной деятельности? Думаем, вполне корректно, поскольку согласно ч. 1.1 ст. 214 УПК РФ отмена постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по истечении одного года со дня его вынесения допускается на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 125, 125.1 и 214.1.

Таким образом, законодатель унифицировал порядок судебного заседания по рассмотрению жалоб в досудебном производстве, распространив его на процедуру рассмотрения ходатайств прокурора или руководителя следственного органа, предусмотренную ст. 214.1 УПК РФ. Почему же в таком случае позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации, выраженная им по спорным аспектам применения норм ст. 125 и 125.1 УПК РФ, не может быть распростра-

---

[6] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2025 г. № 1870-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Игнатушина Романа Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой.1 статьи 214 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 42 Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[7] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 09.12.2025) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

нена на точно такую же процедуру рассмотрения ходатайств, возбужденных в порядке ст. 214.1 УПК РФ? Полагаем, для этого нет никаких препятствий.

Практика высших судебных органов нашей страны однозначно относит судебный порядок получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования к формам правосудия и одновременно рассматривает его в качестве разновидности судебно-контрольной деятельности в уголовном процессе. Однако ни один из указанных выше судебных актов так и не формулирует ответ еще на один вопрос: это самостоятельный вид судебно-контрольной деятельности или вид одного из уже имевшихся на момент принятия изменений закона вариантов?

Как известно, к ноябрю 2018 г. в результате принятия изменений в уголовно-процессуальный закон в качестве самостоятельных судебно-контрольных процедур оформились, как минимум: 1) порядок рассмотрения ходатайств о применении мер пресечения и иных мер процессуального принуждения (ст. 108 УПК РФ); 2) порядок рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора, руководителя следственного органа (ст. 125 УПК РФ); 3) порядок получения судебного решения на производство следственных действий (ст. 165 УПК РФ); 4) порядок рассмотрения и разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора.

Более поздними изменениями уголовно-процессуального законодательства перечень таких процедур дополнен еще одной – порядком разрешения вопроса о вещественных доказательствах. И хотя он регламентирован ст. 82 УПК РФ крайне скупо, упоминание в ст. 29 УПК РФ о данных полномочиях суда в досудебном производстве, являющихся, по сути, отражением самостоятельной правоприменительной задачи, поставленной перед ним законодателем, позволяет обособить эту судебно-контрольную процедуру.

Указанные судебно-контрольные процедуры, при внешнем их сходстве, различаются между собой по субъектам – инициаторам контрольного производства, срокам обращения к суду и срокам производства, кругу и процессуальному статусу участников судебного заседания, по режиму последнего и содержанию судебных решений [2, с. 260–261]. При этом законодателю при конструировании рассматриваемого судебного порядка, предусмотренного ст. 214.1 УПК РФ, как представляется, пришлось решать трилемму: в целях унификации полностью синхронизировать этот порядок с уже имеющимся; использовать одну из действующих судебно-контрольных процедур частично; ввести в закон совершенно новую судебно-контрольную процедуру. Отрадно, что законодатель не пошел по третьему пути. Однако и абсолютно унифицировать процедуру получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования применительно к одной из уже имеющихся судебных процедур он также не мог: все-таки вводимый судебный порядок отличался и по инициирующему субъекту, и по основаниям, и по условиям от любой из существовавших форм судебно-контрольной деятельности.

В итоге законодатель осуществил синтез двух судебно-контрольных процедур: получения судебного решения на производство следственных действий, предусмотренного ст. 165 УПК РФ, и рассмотрения судом жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора. Причем по отношению к каждой из них судебный порядок, предусмотренный ст. 214.1 УПК РФ, имеет как очевидные общие черты, так и существенную специфику, что в то же время не стало препятствием для конвергенции этих порядков и создания на их основе комплексной нормативной конструкции. Соответственно, как представляется, судебный порядок получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования – это самостоятельная форма осуществления судом судебно-контрольных полномочий в уголовном процессе.

Перейдем к анализу структуры деятельности, составляющей содержание судебной процедуры, предусмотренной ст. 214.1 УПК РФ. При этом предварительно обозначим, что в своих представлениях о системе уголовного процесса мы исходим из двух базовых постулатов: во-первых, уголовный процесс – это совокупность производств, в которой судебно-контрольные процедуры – один из их видов; во-вторых, стадия является первичным элементом структуры уголовно-процессуального производства[8].

Если следовать данной логике, судебную деятельность по разрешению отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, являющуюся самостоятельной формой судебно-контрольной деятельности, необходимо наряду с другими ее формами рассматривать в качестве самостоятельного уголовно-процессуального производства, на что указывают два обстоятельства: самостоятельность задачи этого производства и его «стадийная» структура.

Принципиальное отличие задачи, которую призвано разрешать производство, предусмотренное в ст. 214.1 УПК РФ, от задач иных судебно-контрольных производств определяется тем, что это производство – специально предусмотренный законом порядок возобновления ранее прекращенного уголовного дела или уголовного преследования за пределами срока в один год после вынесения соответствующего постановления.

Что же касается внутренней структуры данного производства, анализ закона позволяет выделить в ней *пять последовательно расположенных судебных стадий*: возбуждение судебного дела по рассмотрению ходатайства прокурора или руководителя следственного органа; подготовку к рассмотрению ходатайства в судебном заседании; рассмотрение ходатайства судом первой инстанции; апелляционное и кассационное обжалование вынесенного постановления.

В процессуальной литературе совершенно обоснованно поставлен и обсуждается вопрос о предмете и пределах судебного заседания, необходимость проведения которого обусловлена поступлением в суд ходатайства о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела. Суть его заключается в том, что, удовлетворяя названное ходатайство и «зажигая зеленый свет» для руководителя следственного органа или прокурора на пути к отмене постановления о прекращении уголовного дела, суд фактически должен привести в принимаемом в таких случаях судебном акте основания дачи разрешения на отмену постановления следователя о прекращении уголовного дела. Если проследить в целом логику предусмотренного законом алгоритма отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по истечении одного года со дня его вынесения (ч. 1.1 ст. 214, ст. 214.1 УПК РФ), то становится несомненным: содержание основания дачи разрешения на отмену указанного постановления образуют допущенные при производстве по уголовному делу нарушения требований процессуального закона, придающие подлежащему отмене решению следователя негативные свойства незаконности и необоснованности.

Как представляется, сам факт приведения в судебном постановлении конкретных нарушений закона, допущенных следователем при прекращении уголовного дела, которые в конечном итоге выступают в данном случае основанием отмены в порядке ст. 214.1 УПК РФ акта органа расследования о прекращении уголовного дела, по соответствующим процессуальным основаниям позволяет считать его незаконным и необоснованным. Процессуального значения наличие или отсутствие в судебном постановлении, разрешающем отмену постановления следователя о прекращении уголовного дела, констатации того, что оно является незаконным или необоснованным в силу установленных и перечисленных в этом же судебном постанов-

[8] К сожалению, объем настоящего исследования не позволяет дать развернутую систему аргументов в пользу высказанных положений, однако заинтересованный читатель с легкостью найдет их в иных наших работах. См., например: [3; 4; 5] и др.

лении нарушений закона, не имеет. Вряд ли будет убедительным судебное решение, в котором постановление следователя о прекращении уголовного дела оценивается как незаконное или необоснованное, однако не указываются конкретные нарушения закона, обусловившие такую оценку.

Авторов заинтересовала сформулированная по большинству рассмотренных в настоящей статье вопросов позиция В. В. Кальницкого и М. Э. Романовского. Полагаем целесообразным остановиться на трактовке ими судебного порядка принятия решения о даче согласия на отмену постановления о прекращении уголовного дела, в частности на следующих кажущихся нам далеко не бесспорными положениях и выводах.

Во-первых, исследователи придерживаются безальтернативного мнения о том, что создание и применение единой процедуры дачи разрешения на отмену как реабилитирующих, так и нереабилитирующих постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) неоправданны. В первом случае она недостаточно детальна, во втором, полагают В. В. Кальницкий и М. Э. Романовский, избыточна [6, с. 19]. В принципе такая тревога небеспочвенна. Однако, придерживаясь такой позиции, авторы не идут дальше. Законодатель не предлагает достаточно четких критериев разграничения оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования на реабилитирующие и нереабилитирующие. По сути, их классификация условна и далека от совершенства, является «плавающей», не отражает всего разнообразия ситуаций, не укладывающихся в упрощенную схему закрепленных законом оснований окончания расследования. При применении разных критериев классификации оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования с выделением, например, группы оснований, по которым дело прекращается независимо от согласия обвиняемого, и группы оснований, по которым оно прекращается только с согласия обвиняемого, возникает наложение (совпадение) классификационных групп. Поэтому в научной литературе обоснованно отмечается: «Если сама идея разграничения реабилитирующих и нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела или преследования понятна и сомнений не вызывает, то при попытке понять конкретный состав тех оснований, которые должны относиться к категории соответственно реабилитирующих и нереабилитирующих, возникают немалые затруднения»[9].

Во-вторых, как утверждают В. В. Кальницкий и М. Э. Романовский, в условиях отсутствия «полноценного состязательного порядка» установить наличие достаточных оснований для отмены постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) затруднительно. По мнению указанных исследователей, данный пробел надлежит устранить [6, с. 19–20]. Солидаризируясь с ними в главном (нормативное описание степени участия сторон в исследовании представленных в суд материалов должно быть более детальным), подчеркнем, что оперирование терминами «глубокое» исследование законности и обоснованности вынесения постановления и «полноценное» состязательное производство, если они будут восприняты законодателем, вряд ли исправит обсуждаемую ситуацию. Тем более что при возобновлении производства по делу последующее его судебное разбирательство будет произведено в полном соответствии со всеми требованиями закона, включая все те, которые предъявляются к самому судебному разбирательству.

Заключение

Подводя общий итог исследованию, еще раз обратим внимание на то, что законодатель, введя в действие ст. 214.1 УПК РФ, не только выполнил требование Конституционного Суда Российской Федерации, но и смог сконструировать достаточно самобытный механизм судеб-

[9] Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М. : Статут, 2017. С. 802.

ной защиты прав лица от незаконного и необоснованного возобновления уголовного дела или уголовного преследования. Вполне очевидно, что он далек он совершенства и требует доработки, что в то же время означает и необходимость его осмысления на уровне уголовно-процессуальной доктрины.

Список источников

1. Ларин Е. Г., Павлов А. В. Новые правила отмены постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по реабилитирующим основаниям // Законодательство и практика. 2018. № 1. С. 37–40.

2. Бурмагин С. В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия : моногр. М. : Юрлитинформ, 2021. 720 с.

3. Диваев А. Б. Обращение к исполнению приговоров, определений, постановлений – завершающая стадия производства по уголовному делу // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1. С. 149–159.

4. Николюк В. В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1990. 31 с.

5. Николюк В. В. Судебное производство о выдаче разрешения на отмену прекращения уголовного дела или уголовного преследования (ст. 214.1 УПК РФ) в структуре уголовного процесса // Российское правосудие. 2022. № 10. С. 79–88.

6. Кальницкий В. В., Романовский М. Э. Предмет и пределы судебного заседания по ходатайству о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела // Законодательство и практика. 2025. № 2. С. 17–21.

References

1. Larin E. G., Pavlov A. V. New regulations of canceling a court order on dismissal of a criminal case (criminal prosecution) on rehabilitating grounds. *Zakonodatel'stvo i praktika = Legislation and Practice.* 2018;(1):37-40. (In Russ.)

2. Burmagin S. V. *Judicial proceedings and decisions in the criminal justice system.* Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2021. 720 p. (In Russ.)

3. Divaev A. B. Execution of sentences, definitions and decisions – the final stage of criminal proceedings. *Bulletin of the Kuzbass Institute.* 2020;(1):149-159. (In Russ.)

4. Nikolyuk V. V. *Penal enforcement proceedings in the USSR*. Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 1990. 31 p. (In Russ.)

5. Nikolyuk V. V. Court proceedings on the issuance of a permit to cancel the termination of a criminal case or criminal prosecution (Article 214.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) in the structure of the criminal process. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2022;(10):79-88. (In Russ.)

6. Kalnitsky V. V., Romanovsky M. E. Subject-matter and limits of the court hearing of the motion for permission to annul the ruling on termination of a criminal case. *Zakonodatel'stvo i praktika = Legislation and Practice.* 2025;(2):17-21. (In Russ.)

Информация об авторах

В. В. Николюк – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник;

А. Б. Диваев – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета;

В. А. Виноградова – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики.

Information about the authors

V. V. Nikolyuk – Doctor of Science (Law), Professor, Chief Researcher;

A. B. Divaev – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Dean at the Law Faculty;

V. A. Vinogradova – Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Criminal Procedure Law and Criminalistics Department.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена после рецензирования 12.05.2026; принята к публикации 03.06.2026.
The article was submitted 30.04.2026; approved after reviewing 12.05.2026; accepted for publication 03.06.2026.

Российское правосудие. 2026. № 8. С. 76–82
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 8. P. 76–82
УДК 343.14 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.8.76-82

Научная статья

Исследование электронных доказательств при рассмотрении судами уголовных дел

Михаил Славович Шалумов
Верховный Суд Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, shalumov_ms@vsrf.ru

Аннотация. В статье анализируются виды доказательств по уголовному делу, которые могут представляться в суд в электронной форме, обращается внимание на предусмотренную действующим законом возможность представления таких доказательств не только государственными органами, но и другими участниками уголовного процесса – потерпевшим, его представителем, обвиняемым, подсудимым, их защитником и законным представителем.
Формулируется авторское понимание электронного доказательства. На основе изучения и обобщения судебной практики, проведенной Верховным Судом Российской Федерации, освещаются основные выявленные проблемы организационного и процессуального характера, с которыми сталкиваются суды при исследовании электронных доказательств в ходе рассмотрения уголовных дел, и предлагаются решения этих проблем.

Ключевые слова: внешний носитель электронной информации, электронное доказательство, исследование доказательств, сайт в сети «Интернет», интернет-страница

Для цитирования: Шалумов М. С. Исследование электронных доказательств при рассмотрении судами уголовных дел // Российское правосудие. 2026. № 8. С. 76–82. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.76-82.

Original article

Electronic Evidence Examination in the Consideration of Criminal Cases by Courts

Mikhail S. Shalumov
Supreme Court of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, shalumov_ms@vsrf.ru

Abstract. The article analyzes the types of evidence in a criminal case that can be submitted to court in electronic form, draws attention to the possibility provided by the current law for the presentation of such evidence not only by state bodies, but also by other participants in the criminal process – the victim, his representative, the accused, the defendant, their defender and legal representative.
The author's understanding of electronic evidence is formulated. Based on the study and generalization of judicial practice conducted by the Supreme Court of the Russian Federation, the main identified organizational and procedural problems that courts face when examining electronic evidence during the consideration of criminal cases are presented, and solutions to these problems are proposed.

Keywords: external electronic information carrier, electronic evidence, evidence research, Internet site, webpage

For citation: Shalumov M. S. Electronic evidence examination in the consideration of criminal cases by courts. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(8):76-82. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.76-82.

© Шалумов М. С., 2026

Судебное следствие, в ходе которого судом исследуются представленные сторонами доказательства, является центральной содержательной частью судебного разбирательства. От того, какие доказательства будут представлены суду, от их допустимости и достоверности, а в совокупности – достаточности для разрешения дела зависят суть предстоящего судебного решения, его законность и обоснованность.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), восприняв информационную модель понятия доказательства по уголовному дел [1, с. 194–197], относит к уголовно-процессуальным доказательствам любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном данным Кодексом, устанавливает прежде всего наличие или отсутствие таких обстоятельств, как событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения); виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, а в случае признания подсудимого виновным – смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания; иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

В качестве доказательств допускаются показания, т. е. сведения о перечисленных обстоятельствах, сообщаемые лично подозреваемым, обвиняемым, подсудимым; потерпевшим, свидетелем, специалистом, экспертом; сведения, содержащиеся в письменном заключении специалиста, эксперта, письменных протоколах следственных и судебных действий, иных документах; информация о вышеперечисленных обстоятельствах, сохранившаяся на предметах, признанных вещественными доказательствами.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации хотя прямо не указывает на возможность использования в качестве доказательств сведений, имеющих электронную форму, но и не содержит запрета для этого. Уголовное судопроизводство не может не воспринимать научно-технический прогресс, бурное развитие современных технологий, все более активное их применение для создания и хранения информации, в том числе имеющей доказательственное значение при расследовании преступлений. В материалах уголовных дел, направляемых следователями и дознавателями в суд, содержится все больше доказательств, представленных в электронной форме и сохраненных на внешних носителях – жестких дисках, CD и DVD-дисках, флэш-картах, непосредственно на изъятых и приобщенных к делу стационарных компьютерных устройствах, ноутбуках, планшетах, мобильных телефонах, а в обвинительных заключениях органы предварительного расследования нередко ссылаются на доказательственную информацию, хранящуюся непосредственно на интернет-сайтах.

Кроме того, исходя из положений ст. 474.1 УПК РФ, потерпевший, его представители, обвиняемый, подсудимый, его защитник, законный представитель после поступления уголовного дела в суд для рассмотрения по существу вправе подавать в суд различные ходатайства в электронном виде, что не исключает их право подавать в таком виде ходатайства о приобщении к делу и исследовании в судебном заседании в качестве доказательств, к примеру, имеющих отношение к делу аудио- и видеозаписей или электронных документов, которыми они располагают.

Такие ходатайства и прилагаемые к ним материалы могут подаваться через личный кабинет пользователя, созданный в модуле «Электронное правосудие» интернет-портала Государственной автоматизированной системы (ГАС) «Правосудие» (www.ej.sudrf.ru) в сети «Интернет» либо через личный кабинет федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг». В настоящее время в ряде региональных судов по инициативе Верховного Суда Российской Федерации проходит тестирование пилотный проект цифровой платформы суперсервиса «Правосудие онлайн», в

состав которой включен также сервис «Подача в суды процессуальных документов в электронном виде»[1].

Таким образом, в настоящее время формируется достаточно широкая база электронной информации, претендующей на роль электронных доказательств, поступающей в суд не только вместе с уголовным делом, но и в процессе его рассмотрения.

В российской уголовно-процессуальной науке длительное время дискутируется тема понятия и содержания электронных доказательств. Не углубляясь в нее, лишь отметим, что нередко в теоретических работах и на практике электронные доказательства понимаются чрезмерно широко, как любые сведения, представленные в уголовном деле в электронном виде, в том числе электронные образы, т. е. отсканированные или сфотографированные на цифровое устройство копии письменных документов или приобщенные к письменному протоколу следственного действия на электронных носителях изготовленные в ходе его производства фотографии, аудио- и (или) видеозаписи [2]. Представляется, что такая информация носит вспомогательный характер и является лишь электронным приложением к письменному протоколу, который сам является источником доказательств.

Мы полагаем, что к электронным доказательствам можно относить только такую информацию, которая изначально сформирована электронно-цифровым способом и существует в электронном виде, т. е. в виде файлов или компьютерных программ [3]. Соблюдение данного подхода позволило бы выработать эффективные способы собирания и проверки в ходе судебного разбирательства электронных доказательств. В настоящей статье хотелось бы остановиться на проблемах исследования судом именно таких доказательств.

Верховным Судом Российской Федерации в 2025 и 2026 гг. изучалась практика исследования в судебном разбирательстве по уголовным делам электронных доказательств. Изучение показало, что наиболее часто судами исследуются представленные органами предварительного расследования и сторонами в качестве доказательств следующие виды электронной информации, изначально изготовленной электронно-цифровым способом и представленной в виде электронных файлов:

1) сохраненные на внешних электронных носителях фотографии, аудио- и видеозаписи: с камер наблюдения, установленных в жилых домах, дворах, торговых центрах, общественных местах, в том числе записи камер системы «Безопасный город»; записи с переносных видеорегистраторов, в том числе автомобильных; записи медицинской аппаратуры и т. п. (т. е. полученные не в связи с производством административных, оперативно-розыскных или следственных действий);

2) файлы, программы и метаданные (так называемые «цифровые следы»), хранящиеся непосредственно в памяти изъятых в ходе расследования или представленных сторонами мобильных телефонов, планшетов, ноутбуков, цифровых фотоаппаратов, видеокамер и других электронных записывающих устройств;

3) фотографии, аудио- и видеозаписи, полученные в ходе административных или оперативно-розыскных мероприятий с использованием специальной электронной аппаратуры и переданные для приобщения к уголовному делу в установленном законом порядке.

Например, по делам о повторном управлении транспортным средством в состоянии опьянения и других уголовно наказуемых нарушениях правил дорожного движения органы предварительного расследования приобщают к материалам дела, а суды по ходатайству стороны обвинения исследуют в судебном заседании видеозаписи беседы сотрудников Госавтоинспекции с задержанным при составлении протокола, которая производится в обязательном порядке с помощью видеокамеры, установленной на одежде сотрудника или в его служебном автомобиле.

[1] Правосудие онлайн : [сайт]. URL: https://pravosudieonline.ru/.

На таких видеозаписях фиксируются не только первичные объяснения задержанного, но и его поведение в момент задержания и составления протокола, внешнее состояние, позволяющее проверить обоснованность подозрения сотрудников ГИБДД в наличии опьянения, процедура освидетельствования либо отказ задержанного от его прохождения[2];

4) файлы переписки в социальных сетях, мессенджерах, сообщения по электронной почте и другая информация, передаваемая в электронном виде посредством сети «Интернет» или, к примеру, через беспроводную систему обмена информацией между устройствами Bluetooth («блютус»);

5) электронные документы – договоры, расписки, бухгалтерская отчетность по программе «1С бухгалтерия» и т. п.;

6) электронные подписи;

7) компьютерные программы;

8) данные о цифровых платежах и банковских операциях.

Российские суды в целом достаточно оснащены современным оборудованием, позволяющим просматривать эти материалы в судебном заседании с участием сторон. Вместе с тем возникают отдельные проблемы при исследовании электронных доказательств, на которых и на способах их разрешения хотелось бы остановиться подробнее.

1. Иногда суд обнаруживает, что **внешний носитель электронной информации, приложенный к делу, или сохраненные на нем файлы имеют повреждения, или файлы имеют несовместимый с воспроизводящим устройством формат, либо качество записи не позволяет ее просмотреть или прослушать**. Для разрешения таких проблем суд привлекает специалиста для принятия мер к восстановлению носителя или файлов либо подбора иной программы или иного воспроизводящего устройства. Если эти меры не позволили восстановить или просмотреть, прослушать файлы, то суд выносит на обсуждение сторон и с учетом их мнения принимает решение о возможности или невозможности исследования в качестве доказательства протокола осмотра внешнего носителя и содержащейся на нем электронной информации, составленного следователем. Если электронная информация, приобщенная к делу, сохранилась на других носителях (например, в памяти самих устройств, с помощью которых производились фотографирование или запись), то суды по ходатайству сторон могут запросить и решить вопрос о допустимости исследования в судебном заседании данных устройств.

2. Суды пока редко сталкиваются с **проблемой вирусной зараженности файлов или программного обеспечения**, содержащихся на изъятых и приобщенных к делу внешних носителях или электронных устройствах.

Тем не менее следует напомнить, что Председатель Верховного Суда Российской Федерации Игорь Викторович Краснов в докладе на ежегодном совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов 19 февраля 2026 г., отмечая необходимость развития электронного судопроизводства, особо подчеркнул, что при этом «нельзя забывать и о вопросах кибербезопасности»[3].

Специалисты по кибербезопасности советуют перед исследованием в судебном заседании внешних носителей или электронных устройств, в особенности если ранее они не исследовались органами предварительного расследования и представлены сторонами непосредственно в судебное заседание, привлекать специалиста для изучения электронного содержимого на пред-

---

[2] См., например, приговор Октябрьского городского суда Республики Башкортостан от 4 июня 2025 г. и апелляционное постановление Верховного суда Республики Башкортостан от 28 августа 2025 г. по делу № 22-3984/2025. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Доклад Председателя Верховного Суда на итоговом совещании за 2025 год, 19.02.2026 // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/35518/.

мет его возможной вредоносности. Это позволит предотвратить не только уничтожение доказательственной информации, но и повреждение используемого судом электронного оборудования.

3. Есть другая проблема – уже **процессуального характера**, свидетельствующая о различных подходах судов к пониманию и соблюдению принципа непосредственности.

Согласно ч. 1 ст. 240 УПК РФ в судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию, за исключением случаев рассмотрения дела в особом, или упрощенном, порядке (предусмотренных разделом X). Суд заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, осматривает вещественные доказательства, оглашает протоколы и иные документы, производит другие судебные действия по исследованию доказательств. Если электронная информация, имеющая доказательственное значение, содержится на внешних носителях или в памяти самих записывающих устройств, то эти носители или устройства признаются вещественными доказательствами, а следовательно, их содержимое подлежит непосредственному осмотру.

Если речь идет об электронном документе, то выполнение требования закона о его оглашении возможно путем непосредственного просмотра документа на экране монитора.

По этому пути идут суды в большинстве регионов, исследуя в обязательном порядке саму электронную информацию, содержащуюся на внешнем носителе или в памяти устройств.

Вместе с тем в ряде регионов складывается и другая практика, когда суды отдают преимущество позиции сторон. Если сторона, представляющая доказательства, предлагает огласить лишь письменный протокол осмотра носителя и содержащейся на нем электронной информации, составленный в период предварительного расследования, а другая сторона против этого не возражает и не настаивает на непосредственном исследовании самой электронной информации, то такое исследование не проводится. Соответственно, оно проводится лишь в случаях, когда на этом настаивают стороны.

С одной стороны, как нам представляется, такая практика формально противоречит принципу непосредственности, поскольку аналогия с оглашением показаний неявившихся свидетелей в данном случае не совсем уместна. Более того, если учитывать, что носители электронной информации являются вещественными доказательствами, то норма ст. 284 УПК РФ об осмотре судом вещественных доказательств не предусматривает возможность оглашения взамен этого судебного действия протокола осмотра, проведенного в ходе предварительного расследования, являющегося производным источником доказательств.

С другой стороны, нередко к материалам дела приобщается достаточно объемная электронная информация, например, аудиозаписи прослушивания телефонных переговоров подсудимого, проводившегося в течение нескольких месяцев, или видеозаписи длительного оперативного наблюдения за ним, а доказательственное значение имеют лишь отдельные фрагменты этих записей, которые отражены в протоколе осмотра, произведенного следователем. Или, как отмечалось выше, электронные носители или файлы оказались повреждены и не подлежат восстановлению. Очевидно, здесь назрела необходимость законодательного решения проблемы, в том числе прямого установления в законе исключительных случаев, когда осмотр вещественного доказательства или документа может быть заменен оглашением протокола их осмотра на предварительном расследовании.

Следует иметь в виду и то, что отказ суда от непосредственного исследования электронной информации может лишить его возможности проверки подлинности и целостности этой информации, в том числе с помощью таких методов, как хэширование и сравнение контрольной хэш-суммы исследуемого файла с оригиналом.

4. Определенной проблемой для судов выступает **исследование доказательственной информации, содержащейся непосредственно на сайтах и страницах сайтов в сети «Интернет»**, в том числе на страницах в социальных сетях, например, вывешенных в них призывов

к противоправным действиям, публикаций, дискредитирующих использование Вооруженных Сил Российской Федерации для защиты интересов государства и граждан, материалов экстремистского или порнографического характера. В доказывании все чаще используются сведения из облачных сервисов, криптовалютные кошельки и блокчейн-транзакции, информация из «интернета вещей». Правоохранительные органы, которые выявляют такую информацию в сети «Интернет», должны зафиксировать ее с целью доказывания совершенного преступления.

Как показывает складывающаяся практика, чаще всего следователями делается осмотр экрана компьютера, на котором просматриваются сайт или его страница, с изготовлением видеозаписи или снимка экрана (так называемые скриншоты), а к протоколу осмотра приобщаются соответственно видеозапись или распечатка скриншота. В судебном заседании оглашается протокол осмотра и просматривается приложенная к нему видеозапись или скриншот.

Применительно к гражданскому и арбитражному судопроизводству Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил возможность принятия и исследования судами в качестве доказательств не только скриншотов и их распечаток, заверенных самими сторонами с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, но и точного времени ее получения. В случаях, когда есть основания полагать, что информация может быть удалена с интернет-страницы, стороны могут удостоверить содержание такой интернет-страницы у нотариуса в соответствии со ст. 102, 103 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате[4]. Для уголовного судопроизводства такой способ фиксации вряд ли широко применим с учетом того, что услуги нотариуса платные. А вот другое разъяснение Пленума вполне применимо. Оно сводится к тому, что если информация, имеющая доказательственное значение, не удалена с интернет-страницы, то суд вправе произвести осмотр непосредственно этой интернет-страницы в режиме реального времени.

5. Выше уже отмечалось, что сегодня у сторон в уголовном процессе есть широкие возможности для представления непосредственно в суд различных доказательств в электронной форме. **В этих случаях для суда одной из основных задач являются точное установление источника представленной электронной информации и проверка подлинности файлов**, для чего возможно привлечение специалиста, а при необходимости – и назначение экспертизы. Для проверки того, вносились ли в содержание файла какие-либо изменения, изучаются метаданные, отражающиеся в свойствах файлов.

Если речь идет об информации, обнаруженной и зафиксированной самими сторонами непосредственно в сети «Интернет», то при исследовании в судебном заседании суду необходимо убедиться в том, что на сделанных и представленных суду сторонами видеозаписи или скриншоте зафиксирована именно та информация, которая содержалась на сайте или странице сайта в сети «Интернет».

Нельзя исключать возможность умышленного искажения сторонами информации, например, обвиняемым в целях избежать уголовной ответственности или потерпевшим в целях подтверждения выдвинутого им обвинения. Поэтому суд должен проверить, не была ли перед видеозаписью содержимого экрана или изготовлением скриншота искажена информация на сайте.

Как поясняют специалисты в области информационных технологий, для этого может быть использована функция «исследование элемента», которая в том или ином виде предусмотрена в большинстве программ для просмотра интернет-страниц (например, в браузерах Google Chrome, Yandex, Opera и др.). Для других посетителей такой интернет-страницы ее содержимое не изменится, преобразование происходит локально и только на одном устройстве.

---

[4] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 55) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 7. С. 16–17.

Информационные технологии не стоят на месте, и в ближайшем будущем появятся более объективные и надежные методы фиксации виртуальной информации, обнаруженной в сети «Интернет».

Что касается идеи формирования электронных уголовных дел, то, как нам представляется, с учетом особенностей уголовного судопроизводства она сначала должна быть реализована в полном объеме на стадии предварительного расследования с формированием всех материалов дела в электронном виде на сервере следственного органа, имеющем надежную защиту от внешних атак и вирусов. Одновременно должны быть созданы защищенные аналогичным образом серверы судов, на которые будет пересылаться электронное дело. Не следует забывать о следственных изоляторах, колониях и тюрьмах, где должен быть обеспечен доступ обвиняемых и осужденных к электронному делу. Надеемся, что все это – вопросы не такого уж далекого будущего.

Список источников

1. Россинский С. Б. Доказательства в уголовном процессе: взгляд ученого 10 лет спустя… // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18, № 3. С. 184–207.

2. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex russica. 2019. № 7. С. 74–84.

3. Шалумов М. С. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. 2021. № 12. С. 80–85.

References

1. Rossinskiy S. B. Evidence in criminal proceedings: view of a scientist 10 years later… *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2023;18(3):184-207. (In Russ.)

2. Voronin M. I. Electronic evidence in the Criminal Procedure Code: to be or not to be? *Lex Russica*. 2019;(7):74-84. (In Russ.)

3. Shalumov M. S. Electronic evidence in criminal proceedings. *Criminal Procedure*. 2021;(12):80-85. (In Russ.)

Информация об авторе

М. С. Шалумов – доктор юридических наук, профессор, руководитель Секретариата первого заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Information about the author

M. S. Shalumov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Secretariat of the First Deputy Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation (Honorary Retirement).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 24.06.2026; одобрена после рецензирования 01.07.2026; принята к публикации 01.07.2026.

The article was submitted 24.06.2026; approved after reviewing 01.07.2026; accepted for publication 01.07.2026.

Российское правосудие. 2026. № 8. С. 83–92
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 8. P. 83–92
УДК 343.112 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.8.83-92

Научная статья

Частное постановление (определение) суда как повод возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката

Наталья Евгеньевна Борохова
Уральский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Челябинск, Российская Федерация, borohovan@mail.ru

Аннотация. Анализируются решения органов адвокатского сообщества в случаях, когда поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката являлось частное постановление (определение) судьи, внесенное в ходе разбирательства по уголовному делу. Рассматриваются вопросы нарушения адвокатами регламента судебного заседания, а также некоторые вопросы, связанные с обеспечением подсудимому права на защиту. Обосновывается предложение судам принимать во внимание решения Федеральной палаты адвокатов, а также решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции, при направлении частного постановления (определения) в адрес адвокатской палаты.

Цель работы – рассмотреть некоторые проблемные аспекты взаимодействия судов и органов адвокатского сообщества по вопросам разрешения дисциплинарных производств в отношении адвокатов, когда поводом для их возбуждения являлось частное постановление (определение) суда, вынесенное в рамках рассмотрения судом уголовного дела, и предложить пути их решения.

Задачи исследования: выявление, систематизация типичных причин прекращения органами адвокатской палаты дисциплинарного производства в отношении адвоката в случае, когда поводом для его возбуждения было частное постановление (определение) суда; определение способов разрешения этих вопросов с учетом решений Федеральной палаты адвокатов и адвокатских палат субъектов Российской Федерации.

Предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального законодательства, нормы законодательства об адвокатуре, решения органов адвокатского сообщества, а также дисциплинарная практика Адвокатской палаты Челябинской области. В исследовании применялись методы систематизации и анализа частных постановлений (определений) судов и дисциплинарных решений органов адвокатского сообщества, логического обоснования достигнутых результатов.

Автор в ходе исследования сформулировал следующие выводы:

• судьям при вынесении частных определений (постановлений) в адрес адвокатских палат следует учитывать положения ч. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, предполагающие состязательную процедуру дисциплинарного производства для всех его участников (в том числе и для судей);

• мотивированность частного постановления (определения) суда является необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого вынесен данный процессуальный акт, права на защиту. Отсутствие конкретизации действий (бездействия) адвоката, являющихся, по мнению суда, нарушением, а также непредставление доказательств в подтверждение своих доводов обязывают квалификационную комиссию и совет адвокатской палаты как

© Борохова Н. Е., 2026

правоприменительные органы толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение;
• предусмотренный ч. 3 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката «дисциплинарный иммунитет» для адвоката, действующего в соответствии с решениями органов адвокатского сообщества, должен быть сохранен даже в случае, если адвокат покинул место производства процессуального действия (судебного заседания) независимо от принятого следователем, судом решения по данному вопросу;
• предлагается включить в программы курсов повышения квалификации судей вопросы взаимодействия с адвокатским сообществом, основы дисциплинарного производства в отношении адвоката, обзор решений органов адвокатского сообщества.

Ключевые слова: частное постановление (определение) суда, дисциплинарное производство, органы адвокатской палаты, Кодекс профессиональной этики адвоката

Для цитирования: Борохова Н. Е. Частное постановление (определение) суда как повод возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката // Российское правосудие. 2026. № 8. С. 83–92. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.83-92.

Original article

A Private Court Decision (Ruling) as a Reason to Initiate Disciplinary Proceedings Against a Lawyer

Natalia E. Borokhova

Ural Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Chelyabinsk, Russian Federation, borohovan@mail.ru

Abstract. The article analyzes decisions of the advocacy community in cases where the reason for initiating disciplinary proceedings against a lawyer was a private ruling (determination) of a judge made during the proceedings in a criminal case. The article examines issues of violation of the rules of the court session by lawyers, as well as some issues related to ensuring the defendant's right to defense. The article substantiates the proposal for courts to take into account decisions of the Federal Chamber of Advocates, as well as decisions of the Bar Association of a constituent entity of the Russian Federation adopted within their competence, when sending a private ruling (determination) to the Bar Association.
The purpose of the work is to consider some problematic aspects of interaction between courts and bodies of the advocacy community on issues of resolving disciplinary proceedings against lawyers and to propose ways to resolve them.
The objectives of the study are to identify and systematize typical reasons for termination of disciplinary proceedings against a lawyer by the Bar Association in cases where the reason for initiating them was a private ruling (determination) of the court; and also determining the ways of resolving these issues taking into account the decisions of the Federal Chamber of Advocates and the chambers of advocates of the constituent entities of the Russian Federation.
The subject of the study is the norms of criminal procedure legislation, the norms of legislation on advocacy, decisions of the bodies of the advocacy community, as well as the disciplinary practice of the Bar Association of the Chelyabinsk region. The study used the methods of systematization and analysis of private rulings (determinations) of courts and disciplinary decisions of the advocacy community, logical justification of the achieved results.
The author came to the following conclusions in the course of the study:
• judges, when issuing private rulings (resolutions) to the bar associations, should take into account the provisions of Pt. 1 of Art. 23 of the Code of Professional Ethics of a Lawyer, which imply an adversarial procedure for disciplinary proceedings for all its participants (including judges);
• the motivation of a private ruling (determination) of the court is a necessary condition for the implementation of the right to defense of a lawyer. The lack of specification of the actions (inactions) of the lawyer, as well as the lack of evidence to support their arguments oblige the qualification commission and the council of the bar association as law enforcement bodies to interpret all doubts in favor of the person against whom the charge is brought;
• the "disciplinary immunity" provided for in Pt. 3 of Art. 18 of the Lawyer's Code of Professional Ethics for a lawyer acting in accordance with the decisions of the bodies of the bar community must be maintained

even if the lawyer has left the place of the procedural action (court session) regardless of the decision taken by the investigator or the court on this issue;
• it is proposed to include in the courses for continuing education of judges, issues of interaction with the lawyer community, the basics of disciplinary proceedings against the lawyer, a review of decisions of the bodies of the lawyer community.

Keywords: private ruling (determination) of the court, disciplinary proceedings, bar association, Code of Professional Ethics of a Lawyer

For citation: Borokhova N. E. A private court decision (ruling) as a reason to initiate disciplinary proceedings against a lawyer. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(8):83-92. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.83-92.

УПК РФ возлагает на председательствующего обязанность надлежащей организации судебного разбирательства, при которой участники процесса используют свои права в условиях состязательности и равноправия. Главная задача судьи при этом состоит в обеспечении порядка судебного заседания, недопущении процессуальных нарушений со стороны участвующих в деле лиц. Статья 258 УПК РФ предусматривает алгоритм действий председательствующего в случаях, когда замечания судьи игнорируются и возникает необходимость применения более серьезных мер к нарушителю. Особый интерес вызывают вопросы реагирования суда на разного рода нарушения со стороны защитника. Учитывая то, что защитника, наряду с прокурором, можно отнести к профессиональным участникам процесса, УПК РФ предполагает помимо иных мер в виде отложения слушания и возможной замены участника применение меры специфической – направление сообщения судьи в адвокатскую палату.

Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 15 июля 2008 г. № 456-О-О подтвердил право суда оформлять сообщение в адвокатскую палату в виде частного определения или постановления[1]. В определении дано важное для органов адвокатского самоуправления разъяснение о том, что частное определение или постановление суда не имеет преюдициальной силы, а является лишь поводом для возбуждения дисциплинарного производства. Установление же оснований для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности (установление виновности адвоката) законодатель относит к компетенции органов адвокатского сообщества.

В связи с этим возникает необходимость изучить и обобщить практику взаимодействия судей и адвокатских палат с точки зрения принимаемых ими решений (частных постановлений, определений – со стороны суда, решений Совета адвокатских палат – со стороны адвокатского сообщества). Многолетний опыт работы автора в качестве члена квалификационной комиссии Адвокатской палаты Челябинской области и обширный перечень изученной дисциплинарной практики позволяют сделать вывод о том, что многие судьи не в полной мере понимают особенности дисциплинарного производства в отношении адвоката. Случаи прекращения дисциплинарных производств в отношении адвоката, когда поводом для их возбуждения являлось сообщение судьи, могут породить подозрения в корпоративной поддержке органами адвокатского самоуправления своих коллег, в их ангажированности. К тому же отсутствует практика участия судей, авторов частных постановлений (определений), в заседаниях квалификационных комиссий, что, возможно, лишь усугубляет ситуацию, создавая у них обманчивое впечатление закрытой, непрозрачной процедуры, преследующей цель защитить адвоката любыми

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2008 г. № 456-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Плотникова Игоря Валентиновича и Хырхырьяна Максима Арсеновича на нарушение их конституционных прав частью четвертой статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

способами. Отметим: эмпирическая база исследования представлена дисциплинарной практикой Адвокатской палаты Челябинской области за 2022–2024 гг., и речь будет идти не только о нарушениях адвокатами регламента судебного заседания, но и о некоторых вопросах обеспечения подсудимому права на защиту, добросовестность которой вызывает порой разную оценку со стороны суда и органов Адвокатской палаты.

Думается, что не все судьи готовы принять во внимание положения п. 4 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[2], в котором отражено требование к адвокату соблюдать не только Кодекс профессиональной этики, но и решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

В настоящее время Федеральной палатой адвокатов, как и региональными палатами, принят большой массив разъяснений, рекомендаций, решений, которыми обязан руководствоваться адвокат при осуществлении защиты по уголовным делам. В большинстве случаев эти решения помогают адвокату ориентироваться в многообразии ситуаций, возникающих в уголовных процессах, и избегать нарушений. Но бывают примеры другого свойства, когда адвокат оказывается перед сложным выбором: выполнить распоряжения председательствующего или подвергнуться дисциплинарному преследованию со стороны органов адвокатской палаты. Возникают конфликтные ситуации, когда адвокат покидает зал судебного заседания, не выполняя распоряжения председательствующего, понимая, что несоблюдение решений органов адвокатской палаты может повлечь для него более существенные последствия в виде дисциплинарного производства, чем неповиновение судье. И проблема заключается не в том, что решения органов адвокатского самоуправления противоречат требованиям закона, а в том, что большинство судей с этими решениями не знакомы. Исходя из конкретной ситуации, они расценивают действия адвоката по-разному: как неподчинение требованиям председательствующего, отказ от защиты, злоупотребление правом на защиту и прочее. Вне всяких сомнений, эта ситуация требует принятия мер, одной из которых могло бы стать включение в программы курсов повышения квалификации судей вопросов взаимодействия с адвокатским сообществом, основ дисциплинарного производства в отношении адвоката, обзора решений органов адвокатского сообщества и пр.

Рассмотрим несколько типичных ситуаций дисциплинарной практики в отношении адвокатов.

Известно, что ч. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривает, что разбирательство в квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства.

Распоряжением президента Адвокатской палаты Челябинской области на основании частного постановления судьи Калининского районного суда О. возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Л. за нарушение п. 1, 2, 7, ч. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката[3].

Из текста частного постановления следует, что адвокат Л., осуществляя защиту подсудимого В., не поддержала ходатайство подзащитного об отводе суда и государственного обвинителя, чем заняла позицию, противоположную позиции своего доверителя. Кроме того, Л. неоднократно некорректно себя вела с председательствующим по делу судьей О., что выразилось в разговоре на повышенных тонах, высказываниях оскорбительного характера в адрес судьи О. и государственного обвинителя.

---

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.

[3] Обзор дисциплинарной практики за 2024 г. // Адвокатская палата Челябинской области : [сайт]. URL: https://xn--80a2ac6a.xn--p1ai/praktika/sotsialnoe-obespechenie-advokatov.html (дата обращения: 10.02.2025).

Также адвокат Л. неоднократно высказывала судье О. угрозы в написании заявлений в квалификационную коллегию судей Челябинского областного суда.

В Адвокатскую палату Челябинской области от адвоката Л. по электронной почте поступило сообщение с приложением копии апелляционного постановления Челябинского областного суда, из текста которого усматривается, что материал судебного производства по апелляционной жалобе адвоката Л. на частное постановление судьи Калининского районного суда О. был рассмотрен судьей Е. Доводы адвоката были поддержаны прокурором, полагавшей необходимым частное постановление судьи отменить. Суд, заслушав выступления адвоката и прокурора, постановил частное постановление Калининского районного суда г. Челябинска от 00 00 2024 г. о выявленных нарушениях, допущенных адвокатом Л., отменить.

По мнению судьи Челябинского областного суда Е., суд первой инстанции не мотивировал должным образом свой вывод о том, в чем выразилось ненадлежащее исполнение адвокатом Л. своих профессиональных обязанностей перед доверителем; в чем проявилось умаление авторитета адвокатуры. В постановлении Челябинского областного суда зафиксированы существенные нарушения уголовно-процессуального закона председательствующим по делу О., что явилось основанием для удовлетворения апелляционной жалобы адвоката и отмены частного постановления Калининского районного суда г. Челябинска от 00 00 2024 г.

Учитывая изложенное и в соответствии с подп. 6 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты Челябинской области вынесла заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката Л. вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

В приведенном случае судом апелляционной инстанции указано на некоторые недостатки частного постановления судьи, с которыми квалификационная комиссия в своей практике рассмотрения обращений судей сталкивается довольно часто. Не все адвокаты обжалуют частные постановления (определения), и тогда выводы, аналогичные тем, что приведены в примере, содержатся в основе заключения квалификационной комиссии адвокатской палаты. В частных постановлениях (определениях) судов в некоторых случаях отсутствует мотивированность. Судьи излагают свои претензии к адвокату общими фразами без конкретизации: «некорректно себя вел», «допускал оскорбительные высказывания», «пререкался с судом» и пр. Между тем «при рассмотрении дисциплинарного производства, носящего публично-правовой характер, комиссия исходит из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя. Заявитель должен доказать те доказательства, на которые он ссылается, как на основание своих требований»[4]. Не стоит забывать, что в ситуации дисциплинарного производства в отношении адвоката судья является заявителем. Следовательно, его доводы, приведенные в частном постановлении (определении), должны быть мотивированы и, более того, подтверждены доказательствами. Крайне редко судьи приобщают к частному постановлению (определению) какие-либо доказательства в виде, например, протокола судебного заседания, чтобы квалификационная комиссия имела возможность убедиться из первоисточника, какие слова были сказаны адвокатом и в каком контексте (в какой ситуации).

Так, Совет Адвокатской палаты Челябинской области прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката К. вследствие надлежащего исполнения адвокатом своих обязанностей перед доверителем и, в связи с этим, вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения

[4] *Пилипенко Ю. С.* Научно-практический комментарий к Кодексу профессиональной этики адвоката. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2016. С. 313.

норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката[5].

Из текста частного постановления судьи, послужившего поводом для возбуждения дисциплинарного производства, следовало, что адвокат К. в судебных заседаниях систематически выкрикивала с места, перебивала участников судебного заседания, пререкалась с председательствующим, за что ей неоднократно делались замечания, на которые адвокат К. не реагировала. Совет Адвокатской палаты посчитал, что в частном постановлении Советского районного суда, как и в апелляционном постановлении Челябинского областного суда, не раскрыто, не конкретизировано и не указано, какие именно реплики, слова, выражения высказывались адвокатом К. и в каких именно судебных заседаниях нарушили положения Федерального закона об адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката.

«Конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту», – подчеркивается в решении Совета. А значит, уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывают квалификационную комиссию и совет адвокатской палаты как правоприменительные органы толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение.

Другая ситуация, которая воспринимается на практике не менее остро и толкуется судами как отказ от защиты, – некий «демарш», когда адвокат покидает зал судебного заседания вопреки требованиям председательствующего осуществлять защиту. Это случается тогда, когда адвокат, ссылаясь в суде на свою обязанность соблюсти решения органов адвокатского сообщества, не встречает понимания со стороны суда.

VIII Всероссийский съезд адвокатов в 2017 г. принял Стандарт осуществления защиты в уголовном судопроизводстве, обязательный для исполнения адвокатами[6]. Кроме того, существуют Рекомендации «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению», утвержденные решением Совета ФПА России от 28 ноября 2019 г.[7], решение Совета ФПА от 27 сентября 2013 г. «О двойной защите»[8]. Думается, не все судьи знакомы с данными решениями, а на практике это может приводить к непониманию судом мотивов действия адвоката.

В частности, Рекомендации «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению» предписывают адвокату, принявшему защиту по назначению, выяснить, имеется ли у обвиняемого (подсудимого) защитник по назначению или соглашению. Рекомендации считают недопустимым осуществление адвокатом защиты по назначению наряду с адвокатом, осуществляющим защиту того же лица на основании соглашения. Если у лица имелся защитник по назначению, то и в этом случае адвокат должен выяснить причины замены этого защитника, связавшись с ним. В случае, если адвокат удостоверится в том, что его назначение произведено с нарушением правил или отсутствует мотивированное процессуальное решение, исключающее участие ранее назначенного защитника, он должен следовать Рекомендациям,

---

[5] Обзор дисциплинарной практики за 2024 г. URL: https://xn--80a2ac6a.xn--p1ai/praktika/sotsialnoe-obespechenie-advokatov.html (дата обращения: 11.02.2025).

[6] Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[7] Рекомендации «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению» (утв. решением Совета ФПА России от 28 ноября 2019 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[8] Решение Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «О двойной защите» (утв. решением Совета ФПА России от 27 сентября 2013 г. (в ред. 28.11.2019). URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/the-decision-to-double-the-protection/ (дата обращения: 22.02.2025).

т. е. сделать соответствующее заявление и устраниться от участия в процессуальных действиях.

Как на практике должно выглядеть подобное «самоустранение» адвоката?

Так, Советом Адвокатской палаты Пермского края (АППК) от 29 апреля 2021 г. принят Алгоритм действий адвоката при принятии решения о вступлении в дело[9], в котором уже принимает участие другой адвокат в интересах того же доверителя. В частности, в Алгоритме указано следующее: «Уход адвоката с места производства процессуального действия (в том числе судебного заседания) до его завершения признается обоснованным независимо от принятого дознавателем, следователем или судом решения по данному вопросу». Причины данного ухода адвоката релевантны тем, что указаны в Рекомендациях ФПА, но учитывают при этом еще и позицию доверителя, который настаивает на вызове ранее участвовавшего адвоката и категорически отказывается от юридической помощи вновь назначенного адвоката. Алгоритм обещает адвокату, действовавшему в соответствии с данными Рекомендациями, «дисциплинарный иммунитет» в силу ч. 3 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката. Стоит ли при этом ожидать, что адвокат, делающий непростой выбор между требованиями, отдаст приоритет решениям адвокатского сообщества? Его сложно в этом упрекнуть, так как итогом дисциплинарного производства может быть любое решение, вплоть до лишения адвокатского статуса. В этом смысле у председательствующего рычагов воздействия на адвоката нет.

Приведем пример.

Распоряжением президента Адвокатской палаты Челябинской области на основании обращения судьи Ашинского городского суда Челябинской области в связи с возможным нарушением адвокатом Б. законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре возбуждено дисциплинарное производство[10].

Из текста обращения, полученного Адвокатской палатой Челябинской области, следует, что несовершеннолетний Т. задержан в порядке ст. 91–92 УПК РФ в присутствии защитника – адвоката А., действующего на основании ордера по назначению. Адвокату Б. поручена защита несовершеннолетнего Т. – производство неотложных следственных действий на основании назначения. С участием адвоката проведены следственные действия: дополнительный допрос подозреваемого, предъявлено обвинение, допрос обвиняемого. 00.00.2023 г. в 17:00 в Ашинском городском суде назначено рассмотрение ходатайства следователя об избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, в этот же день адвокат Б. ознакомилась с материалами дела. В ходе судебного заседания адвокатом Б. заявлено ходатайство об отложении рассмотрения, поскольку из материалов усматривается, что адвокату А. выдан ордер на защиту Т., а поскольку защитник отсутствовал на территории Ашинского района, координатором произведена замена адвоката на одно следственное действие на основании бумажного ордера на адвоката Б. Адвокат указала, что мера пресечения может быть избрана в срок до 48 часов, в связи с чем время для рассмотрения ходатайства следователя с участием адвоката А. у суда имеется. В обращении указано, что, поскольку адвокат Б. фактически отказалась от защиты обвиняемого, в судебном заседании объявлен перерыв для обеспечения явки адвоката А., судебное заседание отложено на 00.00.2023 г. на 12:00 часов. Кроме того, высказав позицию о наличии у суда времени для рассмотрения ходатайства об избрании меры пресечения, несмотря на назначенное судом на 00.00.2023 г. судебное заседание, адвокат выразила свое неуважение.

---

[9] Алгоритм действий адвоката при принятии решения о вступлении в дело (принят решением Совета АППК 29 апреля 2021 г.). URL: https://permappk.fparf.ru/ (дата обращения: 22.02.2025).

[10] Обзор дисциплинарной практики за 2023 г. URL: https://xn--80a2ac6a.xn--p1ai/praktika/sotsialnoe-obespechenie-advokatov.html (дата обращения: 11.02.2025).

Материалы дисциплинарного производства свидетельствуют о том, что адвокат Б. предприняла все необходимые действия для обеспечения защиты несовершеннолетнего Т. при рассмотрении судом ходатайства следователя об избрании ему меры пресечения, для обеспечения непрерывности защиты, для соблюдения прав всех участников производства по уголовному делу. Сославшись на законодательно установленную возможность рассмотрения указанной категории дел по избранию меры пресечения в течение 48 часов, адвокат обеспечила соблюдение законности и непрерывности защиты.

Совет Адвокатской палаты Челябинской области решил прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката Б. в соответствии с подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Следует заметить, что ситуации подобного рода не только вызывают негативное отношение со стороны председательствующего, расценивающего поведение адвоката как вызов или неуважение к суду, но и ставят в стрессовое состояние самого адвоката, находящегося в положении «между двух огней». В некоторых случаях, когда речь идет о небольших судах в районных центрах, где фактор личностных отношений оказывается сильнее, адвокаты в большей степени склонны подчиниться председательствующему. Хотя выбранная защитником модель поведения зависит от многих причин: от осведомленности самого адвоката относительно имеющихся предписаний органов адвокатского сообщества, от хладнокровия адвоката и умения в стрессовой ситуации корректно и ясно изложить свою позицию суду.

Другой дискуссионный момент, о котором необходимо упомянуть, не столь часто встречается в дисциплинарной практике. Речь идет о «злоупотреблении правом на защиту». Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»[11] в п. 18 определило злоупотребление как явно недобросовестное использование правомочий в ущерб интересам других участников процесса.

Надо отметить, что данное положение вызвало бурную дискуссию в адвокатских кругах, вполне ожидаемо, в форме резкой критики. В частности, Г. Резник свое отношение по данному вопросу высказал в следующей форме: «Общей норме о злоупотреблении правом не место в УПК»[12]. Думается, можно согласиться со справедливостью доводов авторов статей относительно неопределенности дефиниции самого понятия «злоупотребление правом на защиту» и отсутствия ясных критериев признания его таковым. На практике это приводит к тому, что те или иные действия адвоката рассматриваются судом как злоупотребление своими процессуальными правами, исходя из собственных субъективных представлений.

Так, судья Л. усмотрел нарушение положений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также норм адвокатской этики в действиях адвоката в том, что позиции адвокатов П., К. и А., полагавших возможным удовлетворить отвод и самоотвод судьи Т. после окончания судебного следствия по истечении двух лет рассмотрения дела в суде, не отвечают требованиям уголовно-процессуального законодательства о соблюдении разумных сроков уголовного судопроизводства, а их действия направлены не на защиту интересов своих подзащитных, а на затягивание рассмотрения уголовного дела. В соответствии с ч. 1, 2 ст. 62, ст. 64 УПК РФ с учетом стадийности уголовного процесса требование об отводе судье заявляется до начала судебного следствия. В ходе

[11] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 9.

[12] *Резник Г.* Общей норме о злоупотреблении правом не место в УПК // Адвокатская газета. 2016. № 7 (216). 1–15 апр. URL: https://www.advgazeta.ru/arhivnye-zapisi/obshchey-norme-o-zloupotrebleniipravom-ne-mesto-v-upk/.

дальнейшего судебного заседания заявление об отводе допускается лишь в случае, когда основание для него ранее не было известно стороне. Данная позиция изложена в частном постановлении судьи Л.[13]

С точки зрения органов адвокатского сообщества, данные предписания закона, как и право стороны защиты на заявление отвода и на объявление отвода председательствующим по делу судьям, как сами по себе, так и во взаимосвязи с положениями ст. 7, 9 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката не могут рассматриваться как «злоупотребление правом стороны защиты». Иное предполагало бы возложение на адвокатов полномочий по ревизии действий суда и возложение на сторону защиты объема прав и обязанностей суда, что прямо противоречит ст. 15, 247 УПК РФ. Единственное ограничение, установленное императивно, – это заявление отвода по одним и тем же основаниям.

Совет Адвокатской палаты Челябинской области прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката П. вследствие надлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей и в связи с этим – отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката[14]*.*

Заключение

Анализируя дисциплинарную практику по данному вопросу, можно сделать вывод, что вынесению частного постановления (определения) чаще всего предшествует активное отстаивание адвокатом интересов подзащитного. В этом смысле можно поддержать мнение В. Саркисова, сомневающегося в необходимости существования дефиниции «злоупотребление правом на защиту», так как задача устранения препятствий нормальному ходу уголовного процесса может быть решена иными, более понятными средствами, например изменением закона и более детальной регламентацией судебной процедуры[15]. В противном случае признание злоупотребления правом на защиту станет эффективным механизмом пресечения законных действий адвоката.

Подводя итоги изложенному, хотелось бы отметить, что в статье отражены лишь некоторые дискуссионные моменты взаимодействия судей и органов адвокатского сообщества по вопросам уголовной защиты. В большом количестве случаев советы адвокатских палат признают обоснованность частных постановлений (определений) суда в адрес адвокатов.

Для опровержения довода о «корпоративной поруке» в органах адвокатского сообщества при принятии решений по дисциплинарным производствам следует подчеркнуть и то обстоятельство, что в состав квалификационных комиссий помимо адвокатов входят представители органов территориальной юстиции, законодательного органа субъекта, представители судейского и научного сообществ (ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Думается, что такой представительный состав исключает тенденциозность принимаемых решений.

---

[13] Обзор дисциплинарной практики за 2023 г. URL: https://xn--80a2ac6a.xn--p1ai/praktika/sotsialnoe-obespechenie-advokatov.html (дата обращения: 12.02.2025).

[14] Там же.

[15] *Саркисов В.* Институт «злоупотребления правом» в уголовном процессе как фактор нарушения права на защиту// Адвокатская газета. 2022. № 24 (377). 16–31 дек. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/institut-zloupotreblenie-pravom-v-ugolovnom-protsesse-kak-faktor-narusheniya-prava-na-zashchitu/.

Информация об авторе

Н. Е. Борохова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин.

Information about the author

N. E. Borokhova – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Criminal Law Disciplines Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 13.03.2025; одобрена после рецензирования 01.04.2025; принята к публикации 03.06.2026.

The article was submitted 13.03.2025; approved after reviewing 01.04.2025; accepted for publication 03.06.2026.

Российское правосудие. 2026. № 8. С. 93–100
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 8. P. 93–100
УДК 343.237 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.8.93-100

Научная статья

О разграничении понятий «причинная связь» и «причинно-следственная связь» в контексте уголовно-правового причинения

Ирина Юрьевна Янина

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, yanina_i@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-0592-829X

Аннотация. Рассматриваются атрибутивные признаки причинения как деяния, что особо актуально при изучении проблем наступления (или, наоборот, исключения) уголовной ответственности, а также учения о механизме осуществления противоправных деяний. Причинение выступает основанием уголовной ответственности в случаях, при которых оно является противоправным деянием; причинение не влечет уголовной ответственности, если деяние, хотя и способно по своему характеру нанести вред правоохраняемым интересам, не закреплено на законодательном уровне в качестве преступного.

Основная цель настоящей работы – показать, что причинение следует рассматривать в широком, а не узком смысле, с позиции деяния, способного нанести вред правоохраняемым объектам.

Исследование признаков причинения позволяет определить их теоретическую и практическую значимость при наступлении (ненаступлении) уголовной ответственности. Сформулировано соответствующее правило, которое позволяет определить случаи наступления и исключения уголовной ответственности.

Ключевые слова: причинение, уголовно-противоправное последствие, причинная обусловленность, объективная связь между явлениями, ненаступление уголовной ответственности, казус, преступление, деяние

Для цитирования: Янина И. Ю. О разграничении понятий «причинная связь» и «причинно-следственная связь» в контексте уголовно-правового причинения // Российское правосудие. 2026. № 8. С. 93–100. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.93-100.

Original article

Distinction Between the Concepts “Causal Connection” and “Cause-and-Effect Relationship” in the Context of Criminal Law Causation

Irina Yu. Ianina

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, yanina_i@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-0592-829X

Abstract. The article discusses the attributive features of causing as an act. The problem addressed by the author becomes particularly relevant when studying the issues of the onset (or, conversely, the exclusion) of criminal liability, as well as the doctrine of the mechanism of committing illegal acts. Causing

© Янина И. Ю., 2026

is the basis for criminal liability in cases where it is an illegal act; causing does not entail criminal liability if the act is not legally recognized as a crime.
The main goal of this work is to show that causing should be considered in a broad rather than a narrow sense, from the perspective of an act that can harm protected objects.
The study of the signs of causal connection allows us to determine their theoretical and practical significance in the event of (non-occurrence of) criminal liability. A corresponding rule has been formulated that allows us to determine the cases of occurrence and exclusion of criminal liability.

Keywords: causing, criminal consequence, causal relationship, objective connection between phenomena, non-occurrence of criminal liability, case, crime, act

For citation: Ianina I. Yu. Distinction between the concepts “causal connection” and “cause-and-effect relationship” in the context of criminal law causation. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(8):93-100. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.93-100.

Институт причинения регулируется одновременно нормами Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации, содержание которого следует рассматривать сквозь призму таких категорий, как «причинность», «причинная связь» и «причинно-следственная связь». Причинность входит в предмет изучения философской науки; другие два понятия с учетом их отраслевой специфики (в нашем случае в контексте преступления) исследуются науками уголовно-правового цикла, в том числе и уголовно-правовой наукой.

Отдельными представителями научного сообщества советского периода высказывалась точка зрения о том, что в правовой научной мысли причинность не должна рассматриваться в том же значении, что и в философии [1, с. 33]. В. Н. Кудрявцев определял причинность как закономерную последовательную связь «между процессами и явлениями»[1]. Деяние, которое не способно нанести вред правоохраняемым интересам, поскольку причина не связана с наступившими уголовно-противоправными последствиями, исключает уголовную ответственность [2, с. 208; 3, с. 107].

«Причинная связь, выступая объектом исследования, входит в предмет философии и одновременно – в предмет уголовного права. Поскольку один и тот же объект не может составлять предмет различных наук в одном и том же представлении, в уголовном праве понятие причинной связи наполняется собственным содержанием. Это и делает причинную связь как признак объективной стороны состава преступления самостоятельным специально-правовым понятием, но не меняет философской принадлежности самого общего понятия о причинности и о причинной связи» [4, с. 98].

В уголовном праве абсолютным большинством правоведов[2] причинение не рассматривается как самостоятельное деяние, способное нанести вред уголовно охраняемым интересам, т. е. причинение и признаки причинения, по сути, рассматриваются в пределах объективной стороны противоправного деяния. Такое понимание причинения неизбежно ведет к недооценке его правового значения, поскольку при подобном подходе причинение не представляется возможным оценить как комплексный, фундаментальный институт уголовного права. В частности, О. Ф. Шишов (ученый-криминалист не дает определения причинения, вероятно, потому,

---

[1] Криминология : учеб. / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминовой. М. : Юристъ, 1997. С. 178.

[2] *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрид. лит., 1999. С. 176; Уголовное право России. Общая часть : учебник / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М. : Юристь, 1996. С. 147 (автор главы «Объективная сторона преступления» – В. Е. Мельникова); Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие для студентов юрид. фак. и специальностей вузов / под ред. А. Б. Мельниченко, С. Н. Радачинского. Ростов н/Д : МарТ, 2002. С. 81. (Серия «Юридическое образование»); и др.

что исследуемые категории отождествляются) детерминирует причинную связь как закономерность между деянием и наступившим преступным результатом[3]. Т. Г. Понятовская определяет причинение как «связь между деянием и последствием», где причина – это неотъемлемое условие для возникшего уголовно-противоправного последствия[4]. Эти позиции занимали В. Б. Малинин [5, с. 202] и Т. В. Церетели [6, с. 160].

В этой связи следует привести точку зрения В. С. Комиссарова, который рассматривал как самостоятельные уголовно-правовые понятия «причинная связь» и «причинно-следственная связь»[5]; причинно-следственная связь, по мнению автора, есть «…объективная связь между противоправным действием и бездействием лица и наступившим общественно опасным последствием, при которой деяние предшествует последствию, подготавливает и определяет возможность его наступления, является главной и непосредственной причиной, вызывающей последствие»[6].

Разделяя взгляды профессора В. С. Комиссарова, считаем целесообразным уточнить предложенные им определения причинной связи и причинно-следственной связи: причинно-следственная связь по отношению к причинной связи является более узкой категорией, которая рассматривается как признак материальных составов преступлений.

Проблема причинной связи в структуре состава преступления затрагивается также в работах А. Н. Трайнина [3, с. 118] и З. Б. Соктоева [7, с. 96], по мнению которых причинная связь и тем более причинение не определяются границами преступлений с материальным составом. В контексте уголовно-правового причинения это означает, что причинная связь и причинно-следственная связь непосредственно связаны с понятием состава преступления: причинная связь – признак и преступного, и непреступного причинения; причинно-следственная связь, как правило, признак только преступного причинения [8, с. 92].

Преступные виды причинения характеризуются причинно-следственной связью в случаях, когда они представлены запрещенными уголовным законом деяниями с материальным составом. Исключение составляют преступные виды причинения – противоправные деяния с формальным составом (к примеру, вымогательство – преступление с формальным составом, в котором «существует» причинная связь: совершение предусмотренного в диспозиции ч. 1 ст. 163 УК РФ деяния, определенного законодателем в качестве вымогательства, выполняет роль причины, следствие которой – причинение вреда объекту вымогательства – отношениям собственности).

Если исходить из того факта, что причинная связь и причинно-следственная связь – это структурные звенья причинения в целом, а вымогательство – преступный вид причинения, то хотя бы один из признаков причинения выступает и признаком вымогательства. И поскольку состав вымогательства – формальный, таким признаком следует признать причинную связь, которой отведена роль связующего звена между деянием-вымогательством и наступлением вреда в объекте данного состава преступления.

Получается, что причинная связь присутствует во всех видах причинения (даже при условии, что преступное причинение образует, к примеру, преступление с формальным составом) [8, с. 93–94] (см. табл. 1).

---

[3] Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учеб. / под ред. А. И. Рарога. М. : Контракт : Инфра-М, 2002. С. 130 (автор главы «Объективная сторона преступления» – О. Ф. Шишов).

[4] Уголовное право России. Общая часть : учеб. / под ред. А. И. Рарога. 2-е изд., с изм. и доп. М. : Проспект, 2008. С. 115 (автор главы «Объективная сторона преступления» – Т. Г. Понятовская).

[5] Уголовное право. Общая часть : учеб. / под ред. В. С. Комиссарова, А. Н. Павлухина. СПб. : Питер, 2003. С. 64.

[6] Там же. С. 65.

Таблица 1

Признаки причинения

№ п/п	Вид причинения (состава преступления)	Причинная связь	Причинно-следственная связь
1	Преступное причинение	+	+ (если преступное причинение одновременно является преступлением с материальным составом)
2	Непреступное причинение	+	–
3	Преступление с формальным составом	+	–
4	Преступление с усеченным составом	+	–
5	Преступление с материальным составом	+	+

Как видим, причинная связь – системообразующий признак причинения и преступления в целом, но для уголовно-правовой оценки содеянного виновными лицами имеет значение причинно-следственная связь; причинная связь, хотя и не является признаком состава преступления, важна в вопросах наступления (ненаступления) уголовной ответственности.

Причинная связь – признак объективной стороны преступного деяния, поэтому пределы субъективного вменения также определяются и за счет субъективных признаков. В первую очередь, субъективное вменение раскрывается содержанием вины – умыслом или неосторожностью.

При совершении деяний, осуществленных при прямом, косвенном умысле или легкомыслии, субъективное вменение имеет место в случаях, при которых виновное лицо предвидит преступный результат. Как правило, такой интеллектуальный компонент вины, как предвидение, позволяет определить, является совершенное лицом деяние преступным или непреступным.

При этом непреступное причинение сохраняется в случаях, при которых содеянное способно вызвать изменения (нужно пояснить, что подразумеваются только изменения негативного характера) в правоохраняемых интересах.

Невиновное причинение вреда является не единственным видом непреступного уголовно-правового причинения. Видами непреступного уголовно-правового причинения следует также признавать обстоятельства, исключающие преступность деяния; малозначительные деяния; и др.

Например, крайняя необходимость – непреступное причинение, в котором фактически отсутствуют такие признаки преступления, как общественная опасность и наказуемость. Это означает, что причинной связи отведена роль связующего звена между совершенным деянием и наступившим последствием, где деяние выступает причиной последствия.

Такое понимание причинной связи не является классическим для уголовно-правовой науки [9, с. 16], поскольку учению о причинной связи, как правило, отведена роль факультативного признака материального состава преступления. При этом непреступное причинение показы-

вает, что юридическое значение причинной связи выходит за пределы материальных составов преступлений.

Изложенное позволяет утверждать, что отождествление конструкций причинения и причинной связи, и тем более причинно-следственной связи, недопустимо; их следует разграничивать. Причинная связь – это связующее звено между противоправным деянием и наступившими уголовно-правовыми последствиями; противоправное деяние осуществляется при условии и выступает причиной наступившего уголовно-правового последствия. В свою очередь, уголовно-правовое причинение осуществляется даже в тех случаях, когда у лица нет возможности предвидеть общественно опасные последствия или нет обязанности их предвидеть. Что касается преступного деяния, то такой интеллектуальный компонент вины, как предвидение, означает, что лицо при совершении общественно опасного деяния обладает достоверными знаниями о том, что содеянное им может привести к наступлению уголовно наказуемых последствий.

Преступное причинение – это преступление. При этом нужно понимать, что уголовно-правовое причинение выражается в действии, а причина – в событии[7]. Поэтому принципиально важно уточнить, что причинение – это не всегда действие, причинение – это деяние, образующее и активную (действие), и пассивную (бездействие) формы поведенческого акта. Однако следует констатировать тот факт, что в кругу представителей научного сообщества весьма распространенной является точка зрения, согласно которой при совершении противоправных деяний путем бездействия причинная связь отсутствует. По нашему мнению, утверждения о том, что «бездействие не есть ничто»[8], «бездействие не может быть причиной»[9], «нет причинной связи при бездействии» [11, с. 75], «причинная связь между бездействием и преступным результатом отсутствует» [12, с. 87], являются ошибочными, поскольку в судебных решениях правоприменители указывают на наличие причинной связи при бездействии[10].

Так, по материалам дела Р. и его приятель Л. запланировали совместный семейный отдых на берегу водоема за городом, куда они отправились на машине. При этом по просьбе Л. транспортным средством, принадлежащим семье Л., а именно его супруге, управлял Р., который к месту отдыха отвез Л. и его детей. После того как отдыхающие прибыли на запланированное место, Р., управлявший транспортным средством, оставил машину открытой вместе с ключом, вставленным в замок зажигания, и пошел вместе с компанией к берегу реки. Несовершеннолетние дети Л., воспользовавшись ситуацией, что взрослые за ними не наблюдают, открыли транспортное средство, сели в него, и одна из дочерей Л. повернула оставленный Р. ключ, приведя двигатель транспортного средства в движение, в результате чего совершен наезд на отдыхающего Б. и его несовершеннолетнего ребенка, вследствие которого наступила смерть мальчика.

Конституционный Суд Российской Федерации применительно к данной ситуации указал следующее: смерть несовершеннолетнего ребенка наступила по вине двух лиц – Р., давшего согласие на управление транспортным средством, которое ему не принадлежит, и супруги Л., являющейся собственником автомобиля, т. е. общественно опасные последствия выступили общим результатом без-

---

[7] См. : [10, с. 53]. См. также: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учеб. Практикум / под ред. А. С. Михлина. М. : Юристъ, 2004. С. 120.

[8] Курс уголовного права : учеб. для вузов : в 5 т. Т. 1 : Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 1999. С. 241.

[9] *Немировский Э. Я.* Советское уголовное право : учеб. пособие. Одесса : [Б. и.], 1926. С. 111.

[10] См. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2024 г. № 41-УДП24-27-К4. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

действия Р. и Л. (мамы девочки, запустившей двигатель автомобиля), поскольку бездействие, допущенное и Р., и Л., послужило причиной смерти несовершеннолетнего ребенка. Общественно опасные последствия (смерть несовершеннолетнего) наступили по вине двух лиц – Р. и Л., соответственно, указанное обстоятельство снижает общественную опасность личности Р., управляющего транспортным средством и осуществившим нарушение ПДД[11].

Случай с Р. и родителем Л. показывает, что допущенное ими бездействие выступило причиной наступления уголовно-противоправных последствий. Если бы причина не являлась «эквивалентной, достаточной и закономерной», другими словами – недостаточной для наступления преступного результата, уголовная ответственность не наступила бы.

По данному вопросу обратимся к соответствующему судебному случаю.

Патологоанатом Т. осужден за халатность. Высшей судебной инстанцией приговор отменен в связи с отсутствием в содеянном Т. признаков состава халатности, поскольку вскрытие трупа и выдача свидетельства о смерти – это действия, которые Т. исполнял как врач соответствующего профиля, а не как должностное лицо, т. е. Т. не является субъектом халатности. Обвинительное заключение в отношении Т. судом апелляционной инстанции выстроено преимущественно на основании заключения эксперта, согласно которому Т. при вскрытии и осмотре трупа Л. допустил нарушения, в связи с которыми стало невозможным установить причинно-следственную связь между действиями врачей, осуществлявших лечение Л., и наступлением его смерти. При этом в деле имеется еще одно экспертное заключение, в котором прослеживается причинная связь между диагнозом Л. и наступлением его смерти в последующем. По сути, Т. признан виновным в совершении халатности на том основании, что допустил нарушения при вскрытии трупа Л., в результате которых якобы стало невозможным установить, допустили врач и другие медицинские работники ошибки при лечении диагноза Л. или нет[12].

Бездействие характерно для любого состава преступления, вне зависимости от его законодательной конструкции (см. табл. 2).

Таблица 2

Преступное бездействие и состав преступления

	Формальный состав	**Усеченный состав**	**Материальный состав**
Преступное бездействие	допускается	допускается	допускается

Приведем пример деяния, осуществленного путем бездействия, в материальном составе преступления.

Ф. осужден за совершение преступления, предусмотренного ст. 224 УК РФ. Объективная сторона данного деяния состоит в следующем: Ф., имеющий специальное разрешение на хранение и использование ружья для охоты, хранил его ненадлежащим образом, а именно: находясь в состоянии опьянения, оставил ружье с заряженными патронами не в закрытом сейфе, а в комнате возле шкафа. В тот момент, когда Ф. не было дома, к нему зашел сосед Д. и, увидев ружье, забрал его. Через не-

[11] См. определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2025 г. № 3212-О.
[12] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2024 г. № 41-УД23-38-К4.

сколько дней Д. из похищенного у Ф. ружья застрелил своего приятеля З. во время совместного распития спиртных напитков[13].

Таким образом, причинение представляет собой вредоносное для объекта уголовно-правовой охраны деяние. Дифференцированный подход к пониманию признаков причинения способствует осуществлению правильной квалификации противоправных деяний. Также, на наш взгляд, неправильно недооценивать причинение с позиции деяния в вопросах наступления (ненаступления) уголовной ответственности. И здесь представляется целесообразным сформулировать следующее правило: если совершенное лицом деяние характеризуется таким признаком, как причинно-следственная связь (при наличии других необходимых признаков состава преступления), уголовная ответственность может возникнуть; если в осуществленном лицом деянии имеется причинная связь – уголовная ответственность исключается.

Список источников

1. Пионтковский А. А. Уголовное право. Общая часть. М. : Ин-т сов. права, 1948. 242 с.

2. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления : моногр. М. : Юрид. лит., 1960. 244 с.

3. Трайнин А. Н. Элементы состава преступления, характеризующие объективную сторону преступления // Избранные труды / сост., вступ. ст. Н. Ф. Кузнецовой. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 368 с.

4. Кошелева А. Ю. Общефилософское понимание причинности и специально-правовая конструкция причинной связи в уголовном праве // Российский юридический журнал. 2005. № 4. С. 96–101.

5. Малинин В. Б. Причинная связь в уголовном праве: вопросы теории и практики : дис. … д-ра юрид наук. СПб., 1999. 409 с.

6. Церетели Т. В. Причинная связь в уголовном праве : моногр. М. : Юрид. лит., 1963. 380 с.

7. Соктоев З. Б. Причинность в преступлениях с формальным составом // Сибирский юридический вестник. 2012. № 1. С. 96–100.

8. Янина И. Ю. Причинение как уголовно-правовая категория // Российское правосудие. 2024. № 1. С. 89–97.

9. Козаченко И. Я., Курченко В. Н., Злоченко Я. М. Проблемы причины и причинной связи в институтах Общей и Особенной частей отечественного уголовного права: вопросы теории, оперативно-следственной и судебной практики. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 791 с.

10. Балашов С. К. Логико-правовой анализ содержания понятия «причинная связь» // Философия права. 2009. № 5. С. 52–57.

11. Суслин Э. В., Малинин В. Б. Философские основы причинной связи в уголовном праве // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. № 4. С. 72–75.

12. Арутюнов А. А. К вопросу о причинной связи в уголовном праве // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Юридические науки. 2013. № 2. С. 81–89.

References

1. Piontkovsky A. A. *Criminal law. The general part*. Moscow: Institute of Soviet Law; 1948. 242 p. (In Russ.)

2. Kudryavtsev V. N. *The objective side of crime*. Monograph. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1960. 244 p. (In Russ.)

3. Trainin A. N. Elements of the corpus delicti characterizing the objective side of the crime. In: A. N. Trainin. *Selected works*. Collection, introd. by N. F. Kuznetsova. St. Petersburg: Yuridicheskij tsentr Press; 2004. 368 p. (In Russ.)

[13] Приговор Торжокского городского суда Тверской области от 18 ноября 2018 г. № 1-157/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/oR5qF29tIWoS/?ysclid=mok954mpm752856073 (дата обращения: 22.04.2025).

4. Kosheleva A. Yu. General philosophical understanding of causality and the special legal construction of causality in criminal law. *Russian Juridical Journal*. 2005;(4):96-101. (In Russ.)

5. Malinin V. B. *Causal relationship in criminal law: issues of theory and practice*. Dr. Sci. (Law) Dissertation. St. Petersburg; 1999. 409 p. (In Russ.)

6. Tsereteli T. V. *Causal relationship in criminal law.* Monograph. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1963. 380 p. (In Russ.)

7. Soktoev Z. B. Causation in crimes containing formal elements. *Siberian Law Herald*. 2012;(1):96-100. (In Russ.)

8. Yanina I. Yu. Infliction as a criminal law category. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2024;(1):89-97. (In Russ.)

9. Kozachenko I. Ya., Kurchenko V. N., Zlochenko Ya. M. *The problems of cause and causation in the institutions of General and Special parts of domestic criminal law: issues of theory, operational-investigative and judicial practice*. St. Petersburg: Yuridicheskij tsentr Press; 2003. 791 p. (In Russ.)

10. Balashov S. K. The logiko-legal analysis of the contents of the concept “causal relationship”. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. 2009;(5):52-57. (In Russ.)

11. Suslin E. V., Malinin V. B. Philosophical foundations of causality in criminal law. *Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*. 2013;(4):72-75. (In Russ.)

12. Arutyunov A. A. To the issue of causation in criminal law. *MCU Journal of Legal Sciences*. 2013;(2):81-89. (In Russ.)

Информация об авторе

И. Ю. Янина – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права.

Information about the author

I. Yu. Ianina – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Criminal Law Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 05.06.2025; одобрена после рецензирования 28.03.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 05.06.2025; approved after reviewing 28.03.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Российское правосудие. 2026. № 8. С. 101–103
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 8. P. 101–103

Рецензия на учебник: Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс) / под общ. ред. Г. И. Загорского, С. Л. Никоновича. М. : Проспект, 2026

Актуальность представленного на рецензирование Учебника[1] обусловлена необходимостью качественной подготовки юристов-профессионалов для эффективной реализации назначения уголовного судопроизводства. Несмотря на значительное количество теоретических источников, посвященных разрешению проблем уголовного судопроизводства, динамично развивающееся отечественное уголовно-процессуальное законодательство формирует новую правоприменительную практику, выявляет дискуссионность ряда аспектов уголовно-процессуальной доктрины. Поэтому попытка авторов представить современные положения уголовного процесса, безусловно, вызывает интерес, является актуальной и успешной.

Учебник содержит изложение в систематизированном виде основ уголовного судопроизводства, соответствующих современному уровню развития уголовно-процессуальной теории. Авторский коллектив: Г. И. Загорский, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РСФСР, заслуженный деятель науки Российской Федерации; Б. Я. Гаврилов, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации; А. В. Победкин, д.ю.н., профессор; О. В. Химичева, д.ю.н., профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации; О. В. Мичурина, д.ю.н., профессор; С. Л. Никонович, д.ю.н., доцент; А. Н. Шевчук, к.ю.н., профессор; Д. А. Мозговая, к.ю.н., доцент; А. А. Балашова, к.ю.н.; Е. В. Манджиева, к.ю.н.; П. О. Панфилов, к.ю.н.; Е. Ю. Стефанова, к.ю.н.; Д. В. Шаров, к.ю.н., доцент; Ю. В. Шпагина, к.ю.н. Авторам удалось рассмотреть основные, наиболее значимые и наиболее проблемные положения, относящиеся к теоретико-практическим аспектам.

В 2025 году в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева с успехом прошла научно-дидактическая конференция, целью которой было выяснение того, каким должен быть учебник по уголовному процессу. Среди наиболее значимых предложений большинство ученых поддержали следующие: учебник является источником уголовно-процессуальной доктрины, обеспечивая историческую преемственность и связь поколений ученых и практиков; учебник не должен повторять структуру Кодекса и сводиться к пересказу его положений; обязан быть стабильным и не требовать постоянного обновления из-за часто вносимых в закон изменений; в учебнике могут отражаться основные точки зрения по наиболее дискуссионным вопросам уголовно-процессуальной науки; при сохранении основного доктринального ядра допускается разнообразие литературы с учетом ведомственной специфики вуза; перспективной формой подготовки учебника является межведомственное взаимодействие, когда авторский коллектив состоит из представителей разных ведомств и научных специальностей; как носитель доктрины и хранитель смыслов и ценностей уголовного

[1] Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс) : учеб. : в 2 т. / под общ. ред. Г. И. Загорского, С. Л. Никоновича. М. : Проспект, 2026. Т. 1 : Общая часть: досудебное производство. 592 с.; Т. 2 : Особенная часть: судебное производство. 384 с.

© Тутынин И. Б., 2026

процесса учебник по своему стилю и содержанию должен передавать «красоту и величие» уголовно-процессуального права[2].

При ознакомлении с рецензируемым Учебником у нас сложилось крепкое убеждение, что практически всем указанным положениям он соответствует, а по сравнению с аналогами в нем имеется новизна подходов авторов, о которой будет сказано ниже. Иными словами, в научный обиход введен Учебник, который стоит рекомендовать студентам и преподавателям. Эта книга, отличающаяся инновационной структурой и содержанием, отвечает современным запросам, особенно студентов.

Анализ содержания Учебника показывает его соответствие программам учебной дисциплины «Уголовный процесс». Структура (главы, параграфы, разделы) публикации логична. Полнота раскрытия тем не вызывает нареканий. Научность и достоверность информации – на надлежащем уровне. Присутствует значительная связь теории с практикой.

Методический аппарат достойный. Помимо качественного в этой части основного текста каждая глава завершается контрольными вопросами и тестовыми заданиями, способствующими закреплению, а при необходимости – восстановлению знаний по представленным вопросам темы.

Кроме указанных достоинств Учебника отметим доступность изложения и присутствие отдельных оригинальных примеров, акцентирующих внимание на наиболее значимых вопросах либо разъясняющих суть уголовно-процессуальной проблемы.

Как справедливо указано во Введении, «…содержание учебника соответствует требованиям Государственного образовательного стандарта последнего поколения, рабочей программе и тематическому плану дисциплины “Уголовный процесс”. Изучение уголовного судопроизводства направлено на формирование у будущих работников правоохранительной сферы широкого круга взаимосвязанных универсальных, общепрофессиональных и специальных компетенций. Особенностью учебника является изложение материала с учетом современных изменений уголовно-процессуального законодательства, в том числе связанных с проведением специальной военной операции» (т. 1, с. 7). Это действительно так. Кроме того, Учебник отражает основные точки зрения по наиболее дискуссионным вопросам уголовно-процессуальной науки.

Учебник адресован студентам, изучающим уголовно-процессуальное право. Он предоставляет необходимые знания о сущности уголовного процесса и его законодательстве. Студенты, его изучившие, смогут успешно сдать экзамен и подготовиться к будущей юридической практике.

Учебник характеризуют объемный практический материал, примеры, аналитика и исторические факты. Авторы создали оригинальное издание, о чем свидетельствуют главы и параграфы, посвященные актуальным вопросам. Особое внимание уделено наиважнейшим институтам уголовно-процессуального права. В книге в доступной для понимания форме поданы сложные теоретические вопросы. Авторы избегают традиционных подходов к некоторым темам, что делает Учебник интересным и актуальным.

В издании собраны мнения авторитетных ученых. Отметим, что авторы опираются на опыт своих научных школ. Это повышает качество материала и обосновывает рассуждения, что придает Учебнику солидность.

В Учебнике некоторые понятия рассматриваются с междисциплинарной точки зрения. Например, положения о принципах уголовного процесса (т. 1, с. 61–93), о гражданском иске в уголовном процессе (т. 1, с. 322–335), об обеспечении безопасности участников уголовного процесса (т. 1, с. 531–556) обоснованно изложены с использованием достижений не только уголовно-процессуального права. Авторы удачно подчеркивают связи между разными отраслями

[2] *Цветков Ю. А.* О II Стояновских чтениях // II Стояновские чтения. Учебник уголовного процесса: прошлое настоящее, будущее : материалы науч.-дидакт. конф. (Москва, 22 апр. 2025 г.) / под ред. А. А. Бессонова, В. Д. Дармаевой, Ю. А. Цветкова. М. : Юрайт, 2025. С. 8–9.

права, готовя студентов к изучению цивилистических и иных вопросов, важных и для специалистов в сфере уголовного судопроизводства.

Особенно важно детальное изложение теоретических тем, имеющих принципиальное значение для понимания всех уголовно-процессуальных институтов. Эти темы составляют основу общей части Учебника и охватывают первые девять глав. Эта часть содержит ключевые научные положения, необходимые для понимания уголовно-процессуальных норм, действующих в нашей стране, и их правильного применения.

Рассматриваемая книга отличается рядом ценных качеств: логичностью, стройностью изложения, высоким уровнем языка, множеством примеров и разнообразием подходов к решению спорных вопросов. Авторы активно опираются на работы дореволюционных, советских и современных российских юристов. В книге также присутствуют ссылки на использованную литературу, что придает ей черты научного исследования.

В соответствии с установившимся стандартом преподавания уголовного процесса авторский коллектив Учебника отдельную главу посвятил процессуальной деятельности органов дознания в Вооруженных Силах Российской Федерации. Данное обстоятельство похвально, так как учитывает особенности обучаемых, позволяет углубить подготовку студентов и курсантов с учетом современных вызовов.

Более глубокому погружению в предмет способствуют подробная библиография, список нормативных правовых актов (т. 2, с. 374–378).

Учебник демонстрирует серьезный и творческий подход авторов. Они глубоко исследуют множество уголовно-процессуальных вопросов. В некоторых разделах авторы предлагают простые, но точные объяснения, например о процессуальной деятельности органов дознания в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Прочитав это издание, можно заметить, что авторы сознательно сократили материал некоторых тем, представив его в сжатой и концентрированной форме. Учебник позволяет студентам получить полное и достаточное представление об уголовном процессе, его источниках, структуре и содержании законодательства. С практической точки зрения это поможет студентам заложить прочную основу для будущей юридической деятельности. Авторы учли как положительный, так и негативный опыт создания отечественных учебников по уголовному процессу и внесли коррективы в данное издание, улучшив его содержание и структуру.

Подводя итоги изложенному, представляется возможным и необходимым утверждать, что изданный Учебник в полном объеме отвечает всем требованиям, программе и стандартам учебной литературы по курсу «Уголовный процесс», соответствует своему назначению, составлен квалифицированно.

Этот Учебник отличается профессиональным юридическим подходом к подготовке и содержанию материала. В нем корректно используется правовая терминология. В отличие от многих других изданий, здесь весь материал подкреплен ссылками на действующие нормативные правовые акты и адаптирован для студентов, обучающихся по соответствующему направлению. В изданной версии курс сбалансирован, а его содержание и структура не создают впечатления перегруженности отдельных частей.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод: рецензируемый учебник «Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс)» соответствует предъявляемым требованиями к подобного рода работам и может быть рекомендован к применению и использованию в образовательном процессе.

Игорь Борисович Тутынин, доктор юридических наук,
доцент, профессор кафедры уголовного процесса
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации имени А. Я. Сухарева

11 августа 2026 г. исполняется 75 лет Александру Владимировичу Бриллиантову – доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу Российской Федерации, заведующему кафедрой уголовного права, члену диссертационного совета Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева.

Многолетняя профессиональная карьера Александра Владимировича Бриллиантова стала ярким примером сочетания плодотворной научно-исследовательской деятельности, активной законотворческой работы, успешной практической деятельности и искренней приверженности преподаванию.

Нельзя оставить без внимания выдающийся вклад Александра Владимировича в развитие уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. А. В. Бриллиантов является одним из разработчиков Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, участвовал в подготовке Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда законопроектов о внесении в него изменений.

В библиографии А. В. Бриллиантова как ученого более 380 научных работ, включая авторские публикации. Среди самых известных из них монографии: «Проблемы классификации осужденных к лишению свободы в целях дифференциации условий отбывания наказания» (М. : ВНИИ МВД РФ, 1995); «Дифференциация наказания и степень исправления осужденных к лишению свободы» (М. : ВНИИ МВД РФ, 1997); «Освобождение от наказания: законодательство, теория и судебная практика» (М. : РГУП, 2019).

Большое значение имеют научные статьи, опубликованные в ведущих изданиях: «Законность и уголовное законодательство» («Вестник Университета Российской академии образования» № 4 за 2003 г.); «Понятие “злостное уклонение” в уголовном законе» («Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации» № 5 за 2012 г.); «Степень общественной опасности деяния и административная преюдиция» («Российское правосудие. Специальный выпуск. К IX Всероссийскому съезду судей», 2016 г.); «Укрывательство преступлений: вопросы квалификации» («Уголовное право» № 1 за 2017 г.); «Отсрочка отбывания наказания: вопросы теории и практики» («Уголовное право» № 2 за 2019 г.); «Освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы» («Российское правосудие» № 5 за 2025 г.) и многие другие.

Под научной редакцией А. В. Бриллиантова подготовлены также учебные и учебно-практические пособия, в частности учебник «Уголовное право России. Части Общая и Особенная» в 2 томах (М. : Проспект, 2026), комментарии к Уголовному и Уголовно-исполнительному кодексам Российской Федерации, иные учебные издания, которые высоко оценены юридическим сообществом и активно используются в образовательном процессе.

На протяжении более чем 35 лет А. В. Бриллиантов ведет преподавательскую деятельность, вносит фундаментальный вклад в формирование правовой культуры и профессионального мышления будущих поколений юристов. Читаемые им курсы охватывают ключевые аспекты юридической науки – от основ уголовного права до проблем квалификации преступлений в сфере государственной власти и особенностей назначения уголовного наказания. Его лекции высоко ценятся за опору на примеры из судебной практики и умение показать связь доктринальных положений с реальными правоприменительными задачами.

Коллеги знают Александра Владимировича как человека, для которого верность принципам, приверженность своему делу, добросовестность и ответственность – не просто слова, а профессиональный императив. А. В. Бриллиантов развивает идеи молодых исследователей, поддерживая высокую планку качества научно-исследовательской работы для тех, кто только начинает свой профессиональный путь. Благодаря его наставничеству многие начинающие ученые обретают уверенность в собственных силах.

Коллектив Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева от всей души поздравляет Александра Владимировича Бриллиантова с юбилеем и желает ему крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и вдохновения для новых научных свершений. Пусть впереди будет еще много плодотворных лет, наполненных значимыми проектами, интересными исследованиями и благодарными учениками, которые продолжат развивать заложенные им научные традиции и применять в своей практике те высокие стандарты профессионализма, которым Александр Владимирович неизменно следует!

Российское правосудие. 2026. № 8. С. 106–112
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 8. P. 106–112
УДК 347.73 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.8.106-112

Научная статья

Цифровизация государственного управления в области аккумулирования фондов денежных средств: особенности правового регулирования и правоприменительной практики

Инесса Витальевна Бит-Шабо[1, 2]

[1] Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, inessavita@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1212-8664

[2] Международный юридический институт, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В процессе формирования эффективной системы государственного управления в области аккумулирования фондов денежных средств Российская Федерации достигла значительных результатов, прежде всего, благодаря высокому уровню цифровизации взаимодействия налоговых органов и плательщиков налогов, сборов и страховых взносов. Поставлена цель исследовать особенности правового регулирования применения цифровых технологий в управленческих процессах в области налогообложения, а также проанализировать практику применения норм законодательства о налогах и сборах, регламентирующих «цифровые» особенности налогообложения в Российской Федерации.

Методологическую основу составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов, основывающихся на диалектической теории познания и ориентированных на достижение поставленной цели исследования. Посредством применения сравнительно-правового метода была обобщена практика зарубежных государств по вопросам уровня цифровизации налогообложения.

В статье исследованы положения действующего законодательства, регламентирующего применение цифровых технологий в рамках декларирования, а также особой формы налогового контроля – налогового мониторинга. Уделено внимание исследованию цифровизации налогообложения в Беларуси. Обоснован вывод о необходимости применения нового подхода к научным исследованиям в области налогообложения, включающего в себя помимо правового и экономического анализа исследование цифровых и технологических особенностей реализации управленческих действий в области налогообложения.

Ключевые слова: цифровизация, налогообложение, государственное управление, налоговый мониторинг, налоговая декларация

Для цитирования: Бит-Шабо И. В. Цифровизация государственного управления в области аккумулирования фондов денежных средств: особенности правового регулирования и правоприменительной практики // Российское правосудие. 2026. № 8. С. 106–112. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.106-112.

© Бит-Шабо И. В., 2026

Original article

Digitalization of Public Administration in the Field of Accumulation of Funds: Features of Legal Regulation and Law Enforcement Practice

Inessa V. Bit-Shabo[1, 2]

[1] Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, inessavita@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1212-8664
[2] International Law Institute, Moscow, Russian Federation

Abstract. In the process of forming an effective system of public administration in the field of accumulation of funds, the Russian Federation has achieved significant results, primarily due to the high level of digitalization of interaction between tax authorities and taxpayers of taxes, fees and insurance premiums. The aim is to investigate the specifics of the legal regulation of the use of digital technologies in management processes in the field of taxation, as well as to analyze the practice of applying the norms of legislation on taxes and fees regulating the "digital" features of taxation in the Russian Federation.
The methodological basis was formed by a set of general scientific and private scientific methods based on the dialectical theory of cognition and focused on achieving the set research goal. Through the application of the comparative legal method, the practice of foreign countries on the level of digitalization of taxation was summarized.
The article examines the provisions of the current legislation regulating the use of digital technologies in the framework of declaration, as well as a special form of tax control – tax monitoring. Attention is paid to the study of the digitalization of taxation in Belarus. The conclusion is substantiated that it is necessary to apply a new approach to scientific research in the field of taxation, which includes, in addition to legal and economic analysis, the study of digital and technological features of the implementation of managerial actions in the field of taxation.

Keywords: digitalization, taxation, public administration, tax monitoring, tax declaration

For citation: Bit-Shabo I. V. Digitalization of public administration in the field of accumulation of funds: features of legal regulation and law enforcement practice. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(8):106-112. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.8.106-112.

Одной из характерных черт современного государственного развития, безусловно, следует считать цифровизацию всех процессов – экономических, производственных, управленческих. Объективно ведущее место в перечне государств с высоким уровнем применения цифровых инструментов занимает Российская Федерация, успешно создающая, внедряющая и применяющая цифровые технологии в целях оптимизации взаимодействия всех субъектов общественных отношений. Большое количество порталов и сервисов, существенно облегчающих жизнь граждан, давно стали образцом для подражания и ориентиром для других стран. Внедрение цифровизации во все области государственного управления в Российской Федерации демонстрирует устойчивую тенденцию к росту. Государственное управление в области аккумулирования, распределения и использования фондов денежных средств государства и муниципальных образований в полной мере использует современные достижения развития цифровых технологий, особенно в части цифровизации деятельности органов, задействованных в реализации фискальной политики государства.

Научное сообщество отмечает, что Федеральная налоговая служба является мировым лидером в части использования в своей деятельности цифровых технологий[1]. К основным достижениям деятельности налоговой администрации в условиях цифровизации в России традиционно относят институт налогового мониторинга, введение налога на профессиональный доход, применение автоматизированной системы налогообложения и т. д. При этом ежегодно

[1] См.: [1, с. 10]. См. также: *Бутрин Д.* ФНС заразила мир цифрой // Коммерсант. 2019. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3930370 (дата обращения: 01.06.2024).

принимается новый пакет законопроектов, в той или иной степени связанных с применением цифровых технологий в рамках налогообложения.

В 2002 году налогоплательщики получили право сдавать налоговые декларации в электронной форме. И если 20 лет назад такое право не вызывало особого интереса среди обязанных субъектов, прежде всего в силу объективных причин (например, низкого уровня комьютеризации общества), то сегодня оно позволяет налогоплательщику избавиться от большого числа документов на бумажных носителях и оптимизировать взаимоотношения с налоговыми органами. Такое право может быть реализовано как через оператора электронного документооборота, так и через сайт Федеральной налоговой службы. Правила подачи отчетности через сайт ФНС утверждены приказом ФНС России от 15 июля 2011 г. № ММВ-7-6/443@[2].

При этом следует обратить внимание на то, что ст. 80 НК РФ закреплены требования к организациям, для которых предоставление декларации в электронной форме – это обязанность. Так, декларацию в электронной форме через оператора электронного документооборота организация обязана подавать, если:

• среднесписочная численность ее работников за предшествующий календарный год свыше 100 человек;

• это вновь созданная (либо реорганизованная организация) с численностью свыше 100 человек;

• такая обязанность применяется к организации в рамках уплаты определенного налога (например, НДС).

Реализация указанных норм порождает споры между налогоплательщиками и налоговыми органами, в частности, из-за того, что последние признают подачу обязанными организациями деклараций на бумажных носителях непредставлением декларации и привлекают налогоплательщика к ответственности по ст. 119 НК РФ.

Так, в 2007 г. в отношении МУП «Волжские межрайонные электросети» было вынесено решение о привлечении к ответственности по ст. 119 НК РФ, поскольку МУП направило декларацию по налогу на имущество организаций по почте, не нарушив при этом сроки ее представления. Рассматривая данный спор, суды учли, что у МУП отсутствовала возможность отправки налоговой декларации телекоммуникационным каналом связи до истечения установленного НК РФ срока, а сертификат открытого ключа МУП получило позднее. Судами был сделан однозначный вывод о том, что ст. 119 НК РФ предусмотрена ответственность за непредставление в установленный законодательством о налогах и сборах срок налоговой декларации. При этом нарушение порядка и формы представления декларации не образует состав правонарушения, предусмотренный названной статьей[3].

Следует обратить внимание на то, что именно форма подачи декларации – одна из самых часто встречающихся причин налоговых споров.

---

[2] Приказ ФНС России от 15 июля 2011 г. № ММВ-7-6/443@ (в ред. от 08.06.2021) «О проведении пилотного проекта по организации услуги представления налоговой и бухгалтерской отчетности в электронном виде на официальном сайте Федеральной налоговой службы в сети Интернет» (вместе с «Планом мероприятий по организации и проведению пилотного проекта по эксплуатации программного обеспечения, обеспечивающего представление налоговой и бухгалтерской отчетности в электронном виде через Интернет-сайт ФНС России», «Порядком представления налоговой и бухгалтерской отчетности в электронном виде через Интернет-сайт ФНС России»). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 августа 2008 г. № 10030/08 по делу № А12-15037/07-С60. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Так, в Арбитражный суд Северо-Западного округа с кассационной жалобой обратилось Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Западному военному округу, не согласившись с отказом межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы № 11 по Санкт-Петербургу принять налоговую декларацию по налогу на имущество организаций на машинном носителе информации – диске CD-R/CD-RW.

Суд первой инстанции удовлетворил требования налогоплательщика, однако апелляционная инстанция это решение отменила, не увидев в действиях налогового органа нарушения законодательства. Арбитражный суд Северо-Западного округа оставил решение апелляционной инстанции в силе, указав, что налоговый орган не вправе отказать в принятии декларации, поданной по установленной форме (установленному формату). При этом способ представления налоговой отчетности в электронном виде – в виде файлов, сформированных на машинных носителях, в качестве которых выступают любые технические устройства, предназначенные для фиксации, хранения, преобразования и передачи компьютерной информации, как верно отмечено судами, ни в ст. 80 НК РФ, ни в других статьях НК РФ и Административного регламента не установлен. Именно данное обстоятельство и стало основанием для принятия судом решения в пользу налогового органа[4]*.*

В отдельных случаях технические ошибки или неточности приводят к налоговым спорам, вытекающим из необходимости подачи налоговой декларации.

Так, в Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области обратилось общество с ограниченной ответственностью с заявлением о признании незаконным отказа налогового органа в принятии налоговой декларации. Причина отказа, по мнению налогового органа, а в последующем – и судов первой инстанции и апелляционного, заключается в недостоверности электронной подписи плательщика в связи с недостоверностью сведений о юридическом адресе общества с ограниченной ответственностью.

Однако суд кассационной инстанции поддержал позицию налогоплательщика в споре и посчитал, что сомнения в принадлежности ключа ЭП руководителю общества с ограниченной ответственностью ввиду ненахождения юридического лица по адресу, указанному в ЕГРЮЛ, не могут являться основанием для отказа в принятии декларации[5]*.*

Обязанность подачи декларации в электронной форме сопряжена с исполнением еще ряда обязанностей, которые с 1 марта 2024 г. пополнились положением о необходимости наличия у представителя организации, обязанной подавать декларацию в электронной форме, доверенности в электронной форме с усиленной квалифицированной подписью доверителя[6]. Формат такой доверенности утвержден приказом ФНС России от 19 сентября 2023 г. № ЕД-7-26/648@ «Об утверждении формата доверенности, подтверждающей полномочия уполномоченного представителя налогоплательщика (плательщика сбора, плательщика страховых взносов, налогового агента) в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах, в электронной форме и порядка ее направления по телекоммуникационным каналам связи»[7].

---

[4] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25 мая 2023 г. № Ф07-6586/2023 по делу № А56-97422/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 февраля 2021 г. № Ф07-266/2021 по делу № А56-559/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[6] Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 389-ФЗ (в ред. от 19.12.2023) «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия абзаца второго пункта 1 статьи 78 части первой Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6121.

[7] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

«Цифровые» тенденции все активнее проникают в управление налогообложением и в зарубежных государствах. Так, с 1 июля 2024 г. согласно п. 4 ст. 40 Налогового кодекса Республики Беларусь для всех индивидуальных предпринимателей данного государства установлена обязанность представлять налоговые декларации (расчеты) по установленным форматам в виде электронного документа[8].

Еще одним достижением цифровизации в области управления налогообложением можно считать постоянное увеличение числа инструментов бесконтактного налогового контроля. Еще в 2019 г. руководством ФНС отмечалось, что развитие бесконтактных технологий контроля, незаметных для налогоплательщика, – это стратегия развития налоговой службы[9].

Институт налогового мониторинга следует признать одной из наиболее успешных технологий, существенно минимизирующих личное взаимодействие налогоплательщиков и представителей налоговых органов. Тем более что в качестве предпосылок развития системы данного института Концепция развития и функционирования в Российской Федерации системы налогового мониторинга[10] называет необходимость совершенствования информационного взаимодействия налоговых органов с плательщиками на основе использования современных высокотехнологичных решений и снижения эффекта «человеческого фактора» при проведении налогового контроля.

Основное преимущество налогового мониторинга построено на использовании цифровых технологий, а именно – на проведении проверок налоговой и бухгалтерской отчетности налогоплательщика посредством онлайн-подключения налоговых органов (удаленного доступа) к информационным системам налогоплательщика. Несмотря на добровольность применения данного института, изъявившие желание налогоплательщики должны соблюдать Порядок получения доступа налоговых органов к информационным системам организации[11].

В июне 2024 г. на сайте ФНС был опубликован список актуальных сервисов, необходимых для интеграции информационных систем участников налогового мониторинга с АИС «Налог-3». Из 52 сервисов данного списка в 2024 г. налогоплательщики должны внедрить 17, которые позволят налоговой службе «построить цифровой профиль отрасли (холдинга), анализировать экономические показатели для налогового контроля, в том числе по долговым обязательствам и дивидендам»[12].

Переход к проведению в отношении налогоплательщика налогового мониторинга осуществляется на основании заявления[13], совместно с которым представляется, в том числе, и регламент информационного взаимодействия.

---

[8] Pravo.by : [сайт]. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0200166.

[9] Дальнейшая стратегия ФНС – развитие бесконтактных технологий контроля // Налогика : [сайт]. URL: https://nalogika.media/articles/news/dalneyshaya_strategiya_fns_razvitie_beskontaktnykh_tekhnologiy_kontrolya/?ysclid=lxxdi0a6fn128480191 (дата обращения: 15.06.2024).

[10] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 февраля 2020 г. № 381-р «Об утверждении Концепции развития и функционирования в Российской Федерации системы налогового мониторинга» (далее – Концепция развития налогового мониторинга) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 10. Ст. 1357.

[11] Приказ ФНС России от 13 марта 2023 г. № ЕД-7-23/163@ «Об утверждении Порядка получения доступа налоговых органов к информационным системам организации». URL: www.pravo.gov.ru.

[12] Опубликованы актуальные сервисы информационного взаимодействия для участников налогового мониторинга // ФНС России : [сайт]. URL: https://www.nalog.gov.ru (дата обращения: 03.06.2024).

[13] Следует обратить внимание на то, что форма подачи такого заявления может быть разной: как на бумажном носителе, так и в электронной форме. См.: Приказ ФНС России от 11 мая 2021 г. № ЕД-7-23/476@ «Об утверждении форм и форматов документов, используемых при проведении налогового мониторинга, и требований к ним». URL: www.pravo.gov.ru.

Именно налоговый мониторинг предопределил формирование Цифрового налогового кодекса, т. е. единой цифровой методологической модели, использование которой необходимо для реализации Концепции развития налогового мониторинга. Для формирования Цифрового налогового кодекса были разработаны справочники[14].

Постоянное совершенствование «цифровой» составляющей взаимодействия налоговых органов и налогообязанных субъектов неизбежно вызовет новые споры о правильности применения налогового законодательства вследствие того, что «введение новых справочников и сервисов позволит налоговым органам максимально автоматизировать контроль по заданным алгоритмам, например, проверить правильность заполнения конкретной строки налоговой декларации. Федеральная налоговая служба считает, что с вовлечением в автоматизацию все большего количества бизнес-процессов налогоплательщика налоговые органы смогут снизить свои трудозатраты, что позволит им направить свое внимание на анализ спорных методологических вопросов, решение которых невозможно без участия человека»[15].

Можно утверждать, что данная форма налогового контроля, построенная на всеобъемлющем применении цифровых технологий, – качественное отличие национальной системы управления в области налогообложения, на которое ориентируются многие государства.

Например, Беларусь только обсуждает возможность применения бесконтактных технологий контроля, «в том числе путем внедрения IT-систем, которые позволяют анализировать большие массивы данных и автоматически отбирать субъектов хозяйствования, к которым могут быть вопросы в связи с полной или частичной неуплатой налогов»[16].

Заключение

В завершение хотелось бы отметить, что галопирующие темпы цифровизации государственного управления налогообложением предъявляют новые требования не только к специалистам, задействованным в управленческих процессах, но и к научному сообществу, традиционно представляющему исследования для оптимизации правового регулирования обще-

---

[14] Справочник контролей (этапов контролей), который ведется в соответствии с приказом ФНС России от 14 сентября 2023 г. № ЕД-7-23/631@ «Об утверждении Порядка ведения справочника контролей (этапов контролей) для целей налогового мониторинга»; справочник регистров, который ведется в соответствии с приказом ФНС России от 14 сентября 2023 г. № ЕД-7-23/633@ «Об утверждении Порядка ведения справочника регистров для целей налогового мониторинга»; справочник статей НК РФ, который ведется в соответствии с приказом ФНС России от 14 сентября 2023 г. № ЕД-7-23/632@ «Об утверждении Порядка ведения справочника статей Налогового кодекса Российской Федерации для целей налогового мониторинга»; справочник перечня налогов, сборов, страховых взносов, который ведется в соответствии с приказом ФНС России от 18 апреля 2023 г. № ЕД-7-23/254@ «Об утверждении Порядка ведения справочника перечня налогов, сборов, страховых взносов»; справочник кодов строк налоговых деклараций, который ведется в соответствии с приказом ФНС России от 18 апреля 2023 г. № ЕД-7-23/255@ «Об утверждении Порядка ведения справочника кодов строк налоговых деклараций»; справочник видов документов, возможных к истребованию у налогоплательщиков на основании статей 93.1, 105.29 Налогового кодекса Российской Федерации, который ведется в соответствии с приказом ФНС России от 24 марта 2023 г. № ЕД-7-23/182@ «Об утверждении порядка ведения справочника видов документов, возможных к истребованию у налогоплательщиков на основании статей 93.1, 105.29 Налогового кодекса Российской Федерации».

[15] *Головина Е., Виноградов Я.* Налоговый мониторинг: единая цифровая методологическая модель для его проведения // ЭЖ-Бухгалтер. 2024. № 1. URL: https://www.klerk.ru/ugc/attachments/pdf/f870f4cb8f59fa80a552.pdf (дата обращения: 12.06.2024).

[16] Форма налогового контроля будет зависеть от добросовестности бизнеса // Республиканская конфедерация предпринимательства : [сайт]. URL: https://rce.by/news/news08-1223.php (дата обращения: 12.06.2024).

ственных отношений в области налогов и сборов. Сегодня как никогда актуальны комплексные исследования, включающие в себя разработки не только традиционных правовых и экономических аспектов определенной проблематики, но и возможностей решения поставленных задач с помощью информационных технологий, результатов деятельности искусственного интеллекта.

Приведенные в настоящей работе примеры демонстрируют высокую востребованность цифровых технологий в процессе государственного управления в области налогообложения, что не только отражается на собираемости налогов, сборов и страховых взносов, но и позволяет Российской Федерации строить независимую эффективную экономику.

Список источников

1. Синельников-Мурылев С. Г., Милоголов Н. С., Берберов А. Б. Цифровизация налогового администрирования в России: возможности и риски // Экономическая политика. 2022. Т. 17, № 22. С. 8–33.

References

1. Sinelnikov-Murylev S. G., Milogolov N. S., Berberov A. B. Digitalization of tax administration in Russia: opportunities and risks. *Economic Policy.* 2022;17(22):8-33. (In Russ.)

Информация об авторе

И. В. Бит-Шабо – доктор юридических наук, профессор кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, профессор кафедры гражданского права и процесса Международного юридического института.

Information about the author

I. V. Bit-Shabo – Doctor of Science (Law), Professor at the Finance Law Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Professor at the Civil Law and Procedure Department of the International Law Institute.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 08.06.2024; одобрена после рецензирования 25.06.2024; принята к публикации 03.06.2026.

The article was submitted 08.06.2024; approved after reviewing 25.06.2024; accepted for publication 03.06.2026.